INSPIRIA

Майтрейи Карнур

Сильвия

18+

INSPIRIA

Сильвия
Майтрейи Карнур

Аннотация
Майтрейи Карнур. Сильвия
От автора
Часть 1
  Бхаубааб
Часть 2
  Яичная скорлупа
  Бхагирати
  Костоправ
  Оленина
  Синяя бочка
  Восемнадцать ложек
  Загробная жизнь деревьев
  Кошка по кличке бессонница
  R.I.P
Словарь
Персонажи

Аннотация

Каджетан Перейра, родившийся в Гоа, но проживший всю жизнь за его пределами – сначала в Танзании, потом в Великобритании, возвращается на землю своих предков, чтобы наконец обрести дом. Он снимает бунгало рядом с одним из самых редких и мистических деревьев – баобабом, которое напоминает ему о лучшем времени – детстве, проведенном в Танзании. Совершенно случайно о его местонахождении узнает его племянница, о существовании которой он даже не подозревал, и приезжает к нему. Казалось бы, семья воссоединилась, однако это всего лишь одно из событий в колеснице историй, собранных в романе.

«Сильвия» – это изящно сотканный гобелен, рассказывающих о надежде, потерях, психическом здоровье и любви, а также о том, какой мы оставляем неизгладимый след в жизни друг друга.

Об авторе:

Майтрейи Карнур – писательница, поэтесса и переводчица на язык каннада. Живет в

Бангалоре (Индия).

«Мы все второстепенные персонажи в жизни других людей, поэтому я не хотела, чтобы главная героиня была в центре внимания. Я хотела, чтобы этот персонаж развивался по мере упоминания в историях других людей». *– Майтрейи Карнур из интервью Firstpost.*

Майтрейи Карнур
Сильвия

Maithreyi Karnoor
SYLVIA

© Рахманько А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

От автора

В основе истории Сантоша и Бхагирати лежит сказание из древнеиндийского эпоса «Махабха́рата», в частности повествование о царе Шантану и Ганге, воплощении реки Ганг.

Если пересказать кратко: царь Шантану влюбляется в небожительницу, духа реки Ганг, та соглашается выйти за него замуж, но только при одном условии — он никогда не будет спрашивать о том, что она делает. Шантану соглашается. У них один за другим рождаются восемь детей. Семерых из них сразу после рождения Ганга топит в реке. Она делает это ради их избавления от страданий человеческой жизни на земле: дети перерождаются на небе. Царь недоволен этим, но связан обещанием не задавать никаких вопросов. Когда он видит, как жена пытается утопить их восьмого сына Бхишму, его терпение лопается, и он останавливает ее. Тем самым он нарушает свое обещание, и Ганга возвращается на небо, оставив ему сына. Мальчик растет сильным и умным. Шантану воспитывает его в одиночку, но, когда ребенок становится достаточно взрослым,

чтобы заботиться о самом себе, царь влюбляется в дочь рыболова. Ее зовут Сатьявати, она очень красива, но от нее несет протухшей рыбой. В ответ на ее преданность один мудрец избавляет ее от зловония — и Сатьявати благоухает, как цветок. Шантану просит ее руки, но девушка беспокоится, что, если она станет второй женой царя, у которого есть наследник, ее дети не смогут претендовать на трон. Тогда Бхишма играет роль свата для своего отца и дает обет, что никогда не женится и не заведет потомства, чтобы дети Сатьявати могли править царством.

В романе Бхагирати из-за своего психического заболевания иногда живет в параллельном мире, в котором считает себя духом реки Ганги из «Махабхараты»: неслучайно она любит плавание и так переживает из-за загрязнения воды. Со временем ситуация ухудшается, и, родив Бассама, она пытается утопить его, считая себя небесным существом, которое должно спасти сына от земной жизни. Никто не понимает, почему она это делает. В результате она погибает. В конце концов, когда Мина (которая раньше была Решмой, потеряла семью и теперь зарабатывает на жизнь продажей рыбы) появляется в жизни Сантоша, его сын Бассам играет роль свата. От нее

воняет, но запах исчезает, стоит ей хорошенько помыться. Всю жизнь она мечтала о собственном доме — символе безопасности и комфорта. Бассам обещает ей, что все это у нее будет с его отцом, тем самым возвращая к жизни параллельную вселенную своей покойной матери и исполняя свое призвание.

Часть 1

Бхаубааб

«Додда хунасемара [1]*, тамаринд огромный Саванура,*

Сквозь океаны оказался на полуострове новом,

Оковы вековые связали его с землей здешней.

Существо это – баобаб – смеялось в лицо сказаниям о жизни,

Ввысь взмывая с жаждой, жадно

Когтями из засушливого неба вырывая влагу воспоминаний

О доме; ствол бухнет от влажной тоски

О прошлом, когда время измерялось царями

И земли́ еще не коснулись карты.

Если в новом языке не находят слова для чего-то, то его одалживают у других, так чтобы

[1] Примечания: 1

Значения слов, выделенных курсивом, можно найти в словаре в конце книги. — *Здесь и далее примеч. пер.*

походило. Так одалживают пижаму гостю, который пришел на ужин и остался ночевать. Значит, вечер и разговоры затянулись на дольше, чем было запланировано. Не подходящая по размеру одежда — признак счастливого времени. Когда тысяча восемьсот лет назад баобабы прибыли из далекой Африки на засушливые равнины Декана, пустили корни в засоленной почве Саванура и выросли деревьями, которым не было имени в языке ка́ннада [2], их просто называли большими тамариндовыми деревьями. Эти живые существа застыли на месте в эпоху перемен, оказались вне пределов человеческой памяти, и уже никто не мог вспомнить, откуда они тут взялись. И им стали поклоняться — а значит, приняли и защитили».

Сильвия прочитала вслух слова, которые набрала на ноутбуке. Она бросила работу, чтобы путешествовать и писать о местах и людях. Она была уверена, что сможет пристроить историю о таинственных баобабах в деревне в центральной части штата Карнатака в международный литературный журнал о путешествиях. Это была достойная история.

---

[2] Примечания: 2

Родной язык представителей народа каннара и официальный язык индийского штата Карнатака.

* * *

Вообще-то его звали не Бхаубааб. Вообще-то его зовут Каджетан Перейра. Он без каких-либо усилий вписался в жизнь маленькой деревушки на юге Гоа, когда приехал туда некоторое время назад. Несмотря на то что его имя, цвет кожи, религия и даже статус экспата были признаками глубокой принадлежности к Гоа, в нем было что-то, что не совсем соответствовало этой уникальной, кажущейся цельной, но очень разноплановой идентичности.

И дело даже не в том, что он не говорил на конкани[3], как и многие другие экспаты. Но, в отличие от эмигрантов, которые всегда стремятся поселиться в родной деревне, Каджетан не был отсюда или даже из этого района. На самом деле его дед по имени Матеус Перейра покинул Гоа в направлении Африки из Бардеза — поселка, расположенного на севере штата. У Каджетана не было старого дома с высокими потолками и перламутровыми окнами, который стоял под замком и весь в зарослях, чтобы отворить его скрипящую дверь и претендовать на владение

[3] Примечания: 3
Официальный язык штата Гоа.

им в этой южногоанской деревне. Его желание купить дом и осесть здесь без всякой видимой на это причины насторожило жителей, и они не бросились встречать его с распростертыми объятиями, как это было принято. Кроме того, он был неразговорчив, и его застенчивость приняли за замкнутость. Для общительного жителя гоанской деревни это служило поводом, чтобы насторожиться. Тем не менее Каджетан был гоанцем, а значит, братом — *бхау* — и уважаемым старшим — *бааб*. Так он и стал Бхаубаабом.

Приехав, он сразу же нанял агента по недвижимости для поиска дома, и тот подобрал несколько новых зданий с современным оборудованием, учитывая удобство и практичность. Все они находились недалеко от центра деревни с ее четырехсотлетней церковью, почтовым отделением, гораздо менее древним, несколькими продуктовыми и винными магазинами, лавкой сладостей марвари[4], залом собраний, где регулярно проводились представления *тиатра*, и рынком с бетонной крышей, где продавали рыбу, овощи, говядину и гоанские колбаски. Но Бхаубааб не раздумывая отверг эти варианты.

---

[4] Примечания: 4

Марвари — очень предприимчивый народ, среди его представителей много торговцев.

Он обошел всю округу, расспрашивая встречных, где находится большое дерево. Далеко не многие понимали, о чем идет речь, но кто-то узнал фотографию баобаба с разросшимся стволом и мохнатым овальным плодом, похожим на миниатюрный джекфрут с ворсистой кожурой, и провел его через болотистые рисовые поля к небольшой каменистой возвышенности, где стояло это самое дерево. Вокруг него была возведена защитная изгородь. Бхаубааб застыл перед деревом в полной тишине. Хотя на его лице не было и тени какой-либо эмоции, по продолжительности его взгляда можно было предположить, что он нашел свой дом. «Есть ли поблизости какие-нибудь постройки?» — спросил он. Ему ответили, что на той стороне, под горкой, стоит дом, пустующий уже несколько десятилетий, а значит нуждающийся в капитальном ремонте, прежде чем туда заселяться. Агент не понимал, как клиент мог им заинтересоваться, но Бхаубааб походил по веранде этого дома, убедился, что с нее виден баобаб, и настоял на аренде.

Законного владельца дома пришлось разыскивать, поскольку человек, построивший его, давно умер, не оставив наследников. Единственным наследником был внук его брата, который

бóльшую часть жизни прожил в Навелиме, потерял свою пекарню из-за пристрастия к алкоголю и в конце концов перебрался к морю, где имел лачугу на заброшенном участке пляжа в Варке. Когда к нему пришел агент по недвижимости, он уставился стеклянным взглядом на волны поверх стакана с *фени* и лимки [5] и думал о том времени, когда он мог бы уплыть работать поваром в эти самые воды, как это сделало большинство его друзей; но он слишком любил свой футбол, чтобы отказаться от суши ради океана и успеха. И с этого момента успех начал ускользать от него. Ему пришлось отказаться от своей мечты стать профессиональным футболистом, когда внезапно умер его отец: он устроился *подером*, чтобы содержать мать и четырех сестер. Пекарня, на покупку которой он в конце концов накопил деньги, просуществовала в его владении недолго, так как у него быстро пропало желание управлять ею и он начал топить свои печали в стакане фени. Он был застигнут врасплох, когда ему сообщили, что у него есть собственность в родной деревне. Но он достаточно быстро пришел в себя, чтобы назвать нелепо высокую цену и прогнать агента.

---

[5] Примечания: 5
В Индии газированный напиток с лаймом.

Когда новость дошла до его жены в Пуне, она взяла два дня отгула на работе, купила последний билет на ночной рейс автобуса «Кадамба» и приехала посмотреть на дом, который вдруг оказался во владении ее супруга. Она уговорила его согласиться на половину того, что он запросил изначально: «Даже это щедрая сумма. Не забывай, что мы вообще не подозревали об этих деньгах». Наконец-то она сможет бросить работу в кол-центре и вернуться домой к детям. «Из-за ночных смен нарушается мой цикл, и, видит бог, мои силы скоро иссякнут, если я буду продолжать в том же духе». На эти деньги они могли бы отремонтировать свой дом и размещать у себя на время сезона иностранцев. Он даже сможет купить машину и развозить туристов на такси. Завершив сделку, она села на ближайший рейс «Кадамбы», чтобы отработать полагающийся месяц. Если уволиться сразу, то придется заплатить штраф в размере месячной зарплаты международной корпорации, на которую она работала, чтобы получить документы об освобождении от должности.

Бхаубааб купил дом и приступил к ремонту. Это было далеко не одно из тех просторных бунгало, которые принадлежат знатным семьям

и о которых пишут ностальгические статьи в журналах, архитектурных изданиях или даже в туристических брошюрах, рассчитанных на богатых путешественников, а то бунгало, содержание которого превращается в финансовый кошмар. Оно принадлежало *судиру*, человеку со скромным достатком, который попытался возвести крышу над головой так, как это было принято делать в то время: он построил обычный гоанский дом. Тогда недвижимости еще не придавали большого значения и ее размеры не ограничивали. В самом деле большинство домов, которые принадлежали даже самым бедным семьям предыдущих поколений в Гоа, жителям города казались просторными: настолько они привыкли к клаустрофобным помещениям.

В изначальной планировке дома Бхаубааба были всего две большие комнаты с высокими потолками и длинная веранда под покатой крышей. По бокам веранды стояли каменные *cono*, обращенные друг к другу, и две-три ступеньки спускались с нее на землю. Кухня, очевидно, располагалась в специальном помещении в задней части дома, а ванная и туалет, должно быть, были отдельно стоящими. Позднее предыдущий владелец, вероятно, перестроил здание в соответ-

ствии с более современными предпочтениями, разломав кухню и туалет и добавив еще две комнаты-коробки прямо за существующими, а также узкую кухню и современную ванную, соединенные, как вагоны поезда. Изначально крыша представляла собой прямоугольную пирамиду, а в новых пристройках она была сделана покатой с двух сторон и продлена до старой крыши, чтобы не осталось непокрытых пространств. По нынешним меркам такая постройка уже устарела, и Бхаубаабу пришлось заплатить сантехнику, чтобы тот установил унитаз, умывальник и душ в помещении, которое когда-то служило ванной. В одной из старых комнат он даже установил еще одну небольшую ванную со всей необходимой сантехникой и превратил эту комнату в спальню. Кухня должна была находиться в крытом пространстве, чтобы припасы не стали кормом для крыс. Длинный стол в одной из новых комнат, в которой, очевидно, обедали, нуждался в полировке, а одна из ножек — в нескольких гвоздях, чтобы сохранять вертикальное положение. Но самое главное — требовалось заменить бóльшую часть кровельных плиток. Те, что не потрескались, заросли сорняками и были покрыты листьями и мхом, из-за которых вода не стекала,

а просачивалась внутрь. К счастью, до муссонов еще было несколько месяцев, и вещи Бхаубааба не пострадали от протечек.

Бхаубааб заказал грузовик мангалорской черепицы, и вскоре крыша из темной, серо-черной от сухой плесени превратилась в ровную ржаво-красную, отчего дом стал напоминать морщинистого старика в новой яркой шляпе. Наружные стены, грязно-белые, когда-то, видимо, были желтыми. Бхаубааб решил восстановить этот оттенок и выкрасил их в ярко-желтый цвет с белой каймой вокруг больших окон и на колоннах. Внутренние стены побелил известковой краской. И дом внезапно засиял, как прелестный цветок бамии в редких лучах солнца, пробивающихся сквозь тучи в непроглядный муссон. В углу гостиной расположился ветхий треугольный домашний алтарь, на котором находились распятие, статуэтки Богородицы с поднятой в благословении рукой и нескольких святых, которых он не мог опознать. Он перестал молиться задолго до того, как в моду вошло выражение «духовный, но не религиозный», но из эстетических соображений заменил разбитое стекло алтаря.

Колодец на заднем дворе был полным, но воду из него посоветовали не пить. Этот колодец

был единственным источником воды для всей деревни, и когда-то давно она была чистой и безопасной для употребления, но в последние годы у нее появился странный запах. И хотя он был совсем слабым, люди связывали его появление с постоянно увеличивающейся в размерах свалкой неподалеку от деревни. Пресловутая зловонная гора настораживала жителей, и они опасались, что отходы просачиваются в землю и смешиваются с грунтовыми водами. Поэтому они перестали пить воду из своих колодцев, хотя их пакеты с мусором тоже оказывались в той же горе. Они считали, что колодезная вода вполне подходит для купания и сада. Но для питья они набирали воду из крана. Дом Бхаубааба на протяжении многих лет оставался без водоснабжения, поскольку в нем перестали жить еще тогда, когда колодезная вода считалась пригодной для питья. Он обратился в *панчаят* с официальной просьбой, но ему ответили, что прокладка труб займет слишком много времени. Высокие сорняки, растущие в колодце, — некоторые из них походили на небольшие деревья — были убраны, и внутри установлен электрический насос, чтобы набирать воду для бытовых нужд.

Пока дом Бхаубааба приводили в порядок,

многие любопытные жители деревни заходили посмотреть на него и познакомиться с его новым таинственным хозяином. Среди них был Лакшми (сокращенно от Лакшминараян Шетти) — застенчивый молодой человек двадцати лет с внешностью кинозвезды. Он жил ближе всех к Бхаубаабу. Задний двор его дома был виден с участка Бхаубааба сквозь пол-акра густых зарослей, которые наверняка кишели змеями. Чтобы добраться до дома Бхаубааба, юноше нужно было обогнуть этот участок и пройти более длинным путем. Пока шел ремонт, Лакшми брал с собой небольшие бутылочки с питьевой водой для соседа и даже предложил привозить ему двадцатилитровые канистры на своем скутере до тех пор, пока его не подключат к городскому водоснабжению.

Жители деревни, решив, что в замкнутости Бхаубааба виновато его западное воспитание, пытались с помощью добродушной болтовни облегчить его возвращение домой. Несмотря на то что он был очень вежлив, их старания утомляли его, и он проникся симпатией к Лакшми, почти такому же молчаливому, как и он сам.

Лакшми, не сумев попасть в фильмы Каннада

[6], вернулся из Бангалора и не вылезал из дома. Ходили слухи о трагическом происшествии на плотине, которое травмировало его и заставило вернуться в маленькую гоанскую деревню, с таким же безразличием относившуюся к этому событию, как и остальной мир. Лакшми был четвертым сыном в семье, и после его рождения родители отказались и от гонки за желанной дочерью, и от стремления угодить своей матрилинейной общине. Тем не менее он пытался расположить их к себе своими утонченными чертами лица и гладкой кожей, которые резко контрастировали с крепким телосложением и смуглостью его братьев из племени *бунтов*. В детстве над ним подтрунивали, так как мать одевала его в платья с оборками и вплетала ленты в его длинные шелковистые волосы.

Хотя он отказался от платьев и лент и подстриг волосы, как и остальные братья, в школе ему не удалось избежать насмешек одноклассников из-за того, что он слишком красив для мальчика. Не помогало и то, что его коротко звали Лакшми, как

[6] Примечания: 6

Кинематограф на языке каннада в штате Карнатака на юго-западе Индии. Столица и крупнейший город штата — Бангалор.

супругу бога, в честь которого он был назван[7], — бога, который наслаждался ролью мужа богини богатства. Он дрался с одноклассниками, чтобы они называли его Нараяном, но они не доставляли ему такого удовольствия.

В то время как его братья с трудом сдавали экзамены, играли в футбол и плавали в прудах коммунидада [8], Лакшми приносил из школы оценки выше среднего и проводил время дома, играя в настольные игры вместе с матерью, если у нее оставалось время, свободное от дел по дому, в котором проживало почти полдюжины мужчин. Он был довольно способен к учебе, но никто не знал, что с этим делать.

Его отец еще в юности переехал в Гоа из родной деревни близ Кундапура, в прибрежном штате Карнатака устроившись на работу в ресторан своего дяди в Колве. Оставшись в Гоа, он открыл собственный ресторан и женился на дальней

---

[7] Примечания: 7

В индуизме **Нараяна** — один из образов и одно из имен бога Вишну. Его супруга Лакшми — богиня благополучия, изобилия, процветания, богатства, удачи и счастья. В иконографии Нараяна представлен в нескольких образах, в том числе в образе Лакшми-Нараяна (Лакшми-нараяна), то есть вместе с супругой.

[8] Примечания: 8

Коммунидада — португальское слово, переводится как «община». В Гоа система управляемых водно-болотных угодий является ответвлением системы коммунидад.

родственнице, прежде чем поселиться в деревне, где они живут до сих пор. Дома семья говорила на тулу, а на улице — на конкани, и, хотя поначалу супруги с рвением твердили, что вернутся домой, как только накопят денег, с годами подобные высказывания стали частью какого-то ни к чему не обязывающего речевого ритуала, пока у них один за другим рождались сыновья, строился дом и завязывались прочные дружеские отношения.

Братья Лакшми бросили школу в четырнадцать лет, помогали отцу в бизнесе, осваивали ремесло и начинали самостоятельную жизнь, не достигнув своего двадцать первого дня рождения. Один из них переехал в Санвордем, где процветал его бар, обслуживающий водителей самосвалов. Другой перебрался на север Гоа, где занял должность менеджера в плавучем казино, а вскоре начал строить более амбициозные планы. Третий брат остался помогать отцу в деревне и следить за тем, чтобы бизнес приносил доход.

Лакшми тем временем закончил выпускной класс с хорошими оценками, что было связано скорее с тем, что никто из членов семьи не обратил на него внимания, когда он не бросил учебу, чем с тем, что они поддерживали его стремление к ней. Поскольку их бизнес шел как по маслу,

никого не волновало отсутствие вклада Лакшми в бюджет семьи. Но, помимо этого, никто не имел малейшего представления, чем мальчику стоило заняться. К моменту окончания школы Лакшми превратился во взрослого и очень симпатичного молодого человека. Он имел высокий рост и светлую кожу. Прямые волосы он отпустил на несколько сантиметров и, когда они падали ему на глаза, откидывал их назад резким движением головы, очаровывая окружающих до глубины души. У него было овальное лицо с глубокими ямочками на щеках. Лучистые глаза медового цвета под длинными ресницами, казалось, скрывали озорство, и девочки из класса краснели, когда его взгляд скользил по ним. Поймав на себе этот взгляд, мать Лакшми громко вздыхала, удивляясь, почему он не девочка: «Она была бы настоящей Лакшми нашего дома!»

Таким образом, убедившись благодаря реакции окружающих женщин в своей привлекательности, Лакшми жаждал бóльшего внимания — особенного, более достойного его. Он узнал, что дальний кузен в Бангалоре снимается в фильмах на языке каннада, и захотел присоединиться к нему и попытать счастья. Его родителям тоже понравилась эта идея. Если трое сыновей продол-

жают семейное дело, почему бы четвертому не пойти по еще не проторенной в их роду дорожке? Было бы чудесно иметь сына-кинозвезду.

Когда Лакшми прибыл в Бангалор на автобусе «Веланканни Экспресс», его встретил кузен вместе со своим соседом по комнате, коллегой в киноиндустрии Каннада, более известной как Сандалвуд. Они были парнями, которые серьезно относились к занятиям в спортзале. При этом они были приятными и радушными и встретили Лакшми с объятиями и дружественным «йоу, бро!»[9]. Лакшми последовал за ними в их крошечный дом, где в одной комнате они готовили и ели, а в другой — спали на расстеленных на полу матрасах. Когда Лакшми поставил свои сумки и оглядел этот дом, зажатый между трущобами и вегетарианским кварталом для представителей среднего класса, его осенило, что кузен и его друг — всего лишь наемные рабочие. Если точнее, они были каскадерами. Их день состоял из тренировок в спортзале по несколько часов, приготовления и поедания курицы, а также из прыжков с высоких зданий, бега через огонь или съездов на мотоциклах с рампы.

---

[9] Примечания: 9
«Здорово, приятель!» (*англ.*).

Поскольку Лакшми обладал привлекательной внешностью, они надеялись, что ему достанутся более приятные и хорошо оплачиваемые роли, которые требуют скорее эмоциональной отдачи, чем силы и выносливости. Ему посоветовали не перебарщивать с упражнениями для верхней части тела: герои должны быть достаточно накачанными, чтобы убедить зрителей в том, что они могут победить злодеев, но не слишком, иначе они испугают утонченных героинь.

— У тебя подходящее лицо. Постарайся не потерять роль из-за перекачанных мышц. Сосредоточься на кардиотренировках и легких тонизирующих упражнениях, чтобы просто поддерживать форму.

Кроме того, ему рекомендовали присоединиться к театральному кружку.

— Пройди мастер-класс, выйди на сцену, сыграй несколько спектаклей, заведи знакомства и заяви о себе. Театральные и кинематографические круги тесно связаны. Если предлагают роли — главные или второстепенные — в телесериалах, не отказывайся. Это медленный процесс, но настойчивость очень важна. Ты симпатичный. У тебя есть все шансы.

— А как же вы?

— Мы слишком крепкие, и наши черты лица грубоваты для главных ролей. Но мы верим в свой успех в ролях злодеев. На самом деле мы ведем переговоры с очень важными людьми, и, если все сложится удачно, мы получим роли в полнометражном фильме, на котором сделаем себе карьеру. Там не обойдется без выполнения опасных трюков, но это поможет нам попасть в темное закулисье Сандалвуда.

Лакшми принялся за исполнение плана, намеченного его соседями по комнате, которые теперь стали его *аннами* — старшими братьями. Он присоединился к театральному кружку, руководитель которого имел тесные связи с деятелями кино. Он записался в спортзал, но тщательно следил за тем, чтобы его телосложение оставалось по-мальчишески привлекательным. Но самым большим испытанием для него стал язык. Хотя его семья была родом из Карнатаки, каннада не был их родным языком, и, в отличие от его кузена, который всю жизнь прожил в Мангалоре и Бангалоре, у него не было причин учить государственный язык. Вместо того чтобы пойти на курсы, Лакшми начал учить каннада по фильмам.

За четыре месяца таких занятий он медлен-

но, но верно шел к своей цели. День ото дня он говорил на каннада все лучше и лучше, в него влюбилась племянница директора театра — ее дядя был высокооплачиваемым актером в фильмах Каннада, а на следующей неделе Лакшми предстояло впервые выйти на сцену: он играл Хемалатхана в одноименной адаптации «Гамлета» на языке каннада. В этой пьесе все актеры были такими же новичками, как и он, поэтому премьерный показ планировался в небольшом зале неподалеку от ботанического сада «Лалбагх». Если спектакль будет иметь успех, то его повторят в «Ранге Шанкара», главном театре на языке каннада в Бангалоре, а через неделю после этого — на Шекспировском фестивале, почетным гостем которого был известный кинорежиссер, искавший новые лица для своего грядущего детективного триллера с любовным треугольником в сюжете.

Лакшми находился в предвкушении. Его мать ехала в Бангалор, чтобы увидеть сына на сцене. Похоже, удача наконец-то улыбнулась ему, потому что его любимые *анны* наконец-то тоже получили свои значимые роли. Им предстояло выполнить трюки на вертолете. Их охватила дрожь от волнения, когда они впервые оказались на борту вертолета. Все были в праздничном

настроении, ожидая оглушительного успеха.

Шоу в «Лалбагхе» прошло хорошо. Лакшми блистал на сцене в роли Хемалатхана. «Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достойно ль смиряться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивленье…» [10] Когда он непринужденно и уверенно произносил слова известного монолога на сложном языке каннада, никто бы не поверил, что он выучил язык несколько месяцев назад. Он и сам знал, что у него хорошо получается. И он ликовал. В глубине души Лакшми понимал, что выступление в «Ранге Шанкара» станет решающим, что оно может изменить его жизнь. Так и случилось.

В день представления его *аннов* отвезли к большому водохранилищу за городом и сказали, что сцена включает в себя смелый поединок с героем в воздухе и что им всем придется прыгать в воду с вертолета с высоты сто футов. Никто из актеров не умел плавать, но это никого не волновало. Их заверили, что в воде придется пробыть не больше минуты и нет никаких поводов для переживаний. Спасатели вытащат их, только они коснутся поверхности воды. Это должно было стать их звездным часом. Они помолились своей богине,

---

[10] Примечания: 10
Пер. Б. Пастернака.

оберегающей их семью, — Дурге Парамешвари, — попросив ее дать им смелости, и прыгнули навстречу своей смерти.

Спасательная шлюпка, находившаяся неподалеку, не смогла вовремя добраться до них: сильное течение, образовавшееся из-за ветра, который вызвали вращающиеся лопасти вертолета, то и дело отталкивало ее. Герой сумел доплыть до безопасного места, а «злодеи», с которыми ему предстояло сражаться, утонули, борясь с водой за глоток воздуха. Их мечтам о славе не суждено было сбыться.

Лакшми получил это известие, готовясь выйти на сцену «Ранга Шанкара», как раз перед тем, как из динамика раздался записанный голос Гириша Карнада[11], который попросил присутствующих в зале выключить телефоны — сначала на каннада, а затем на английском. Пока перед зрителями разворачивалась первая сцена между Марешей, Харшей и Бариндрой, Лакшми — одетый и загримированный под Хемалатхана — стоял за кулисами в полном потрясении. Во втором акте он, словно призрак, появился на сцене. Но вместо того, чтобы играть свою роль, он издал душераз-

---

[11] Примечания: 11
Индийский писатель, сценарист, актер и кинорежиссер.

дирающий крик и в истерике рухнул на пол. Со сцены его пришлось уносить. На этом закончились мечты Лакшми о звездной славе. Его недолго подержали в больнице, а после отправили домой в деревню.

* * *

Бхаубааб не то чтобы пытался утаить свою историю от новых соседей. Просто он был неразговорчив и не рассказывал о себе без необходимости. Но когда кто-то спрашивал, он отвечал довольно откровенно, хотя и не называя каких-либо деталей.

— Ты из Сальцете?

— Нет.

— Тогда откуда же ты?

— Танзания.

— Танзания? Африка?

— Да.

— А из Гоа откуда ты?

— Мои родители родом из Алдоны.

— Но ты родился и вырос в Африке?

— Детство я провел в Танзании. Когда мне исполнилось четырнадцать, мы всей семьей переехали в Великобританию, где потом и жили.

— Из кого состоит твоя семья?

— Из меня одного. Родители умерли несколько лет назад. У меня остался старший брат, но я не общался с ним уже много лет. И вообще, я даже не знаю, где он живет.

— Серьезно? Печально, дружище. А жена и дети?

— Я разведен. Детей нет.

— Жаль. Значит, ты решил вернуться домой в поисках уединения? *Амчем* Гоа — лучше всего, не правда ли? Куда еще идти, когда Гоа — наша родная земля. Но почему же ты не вернешься в Алдону?

— Там никого не осталось. Мне не к кому возвращаться.

— Не волнуйся, *бааб*. Здесь лучше всего. Никто не будет тебе мешать. Тишина и покой. Если что, всегда можешь ко мне обращаться. Ты ходишь в церковь? Ты *бамон?*

— Наверное. Я не уверен. Мои родители никогда об этом не говорили.

— Я уверен, что ты *бамон*. Службы проходят на конкани.

— Я планирую его учить.

* * *

Именно эта информация, быстро распространившаяся по деревне, заинтересовала Лакшми, и он решил заглянуть к Бхаубаабу. Родители Лакшми с облегчением выдохнули: их сын снова начал выходить из дома. Вот уже несколько месяцев он только и делал, что днями напролет сидел взаперти в своей комнате и хандрил. Он появлялся только для приема еды, ковырялся в тарелке с рисом и рыбным карри, после чего возвращался в кровать и рассеянно смотрел в потолок. Даже его любимое *гудже гаси* не пробуждало в нем аппетит. Кроме того, он стал просыпаться по несколько раз за ночь, жадно глотая воздух. Брат отвез его в Панаджи к доктору Чоданкару, самому известному лору в округе. Тот после осмотра заявил, что с физиологической точки зрения нет никаких отклонений, похоже, это психологическая проблема, вызванная какой-то травмой. Доктор посоветовал обратиться к своему коллеге в психиатрическое отделение, но брат Лакшми решительно отказался, и они вернулись домой. Лакшми были нужны хорошая еда, свежий воздух, немного развлечений и, конечно, время, а не психиатры, пичкающие его таблетками. Время

— лучшее лекарство, не так ли?

Отец пытался уговорить его выйти на работу в ресторан, но Лакшми отказался. Поэтому для его родителей стало сюрпризом, когда Лакшми проявил интерес к баабу из Африки, который начал перестраивать заброшенный дом по соседству. Он наблюдал за ним из окна, а ближе к вечеру переоделся из шорт в джинсы и пошел посмотреть, что же вызвало такой переполох в их тихом квартале.

Лакшми не задавал провокационные вопросы, как это делали другие. Он, не дожидаясь, пока его попросят, принес питьевую воду, и Бхаубааб принял ее без каких-либо комментариев. Новый сосед обратил внимание на его привлекательную внешность. Лакшми нравилось непримечательное телосложение пожилого мужчины: не худой, не полный, но и не прилагающий никаких усилий к тому, чтобы выглядеть определенным образом. У него была густая копна волос с сединой на висках, маленькие округлые ноздри, очки без оправы на высокой переносице, которые он то и дело сдвигал к кончику носа, чтобы разглядеть собеседника на близком расстоянии. Бхаубааб имел умные и добрые глаза, чисто выбритую смуглую кожу на простоватом квадратном лице.

Он был высокий. Выше Лакшми, который и сам был выше среднего роста. Они рассматривали друг друга без какого-то особого интереса или надменности. Вначале они почти не разговаривали. Лакшми просто приходил и стоял рядом с Бхаубаабом, пока рабочие ремонтировали дом, и постепенно они оба привыкли к присутствию друг друга.

Когда Лакшми передал ему приглашение родителей на чай, Бхаубааб вежливо отказался, объяснив это своей необщительностью, но сказал, что всегда рад видеть его у себя так часто и так долго, как Лакшми захочется. Лакшми стал неотъемлемой частью дома Бхаубааба. Он приходил после обеда каждый день и оставался до поздней ночи. Иногда они играли в «Эрудит», «Угадай слово по картинке» или дженгу в гостиной, которую Бхаубааб обставил диваном, несколькими мягкими креслами и изысканным низким столиком, стоящим на пестром ковре. Иногда они сидели в тишине на *сопо*: Бхаубааб смотрел на баобаб, а Лакшми вслед за ним тоже останавливал взгляд на дереве. Иногда они выпивали по банке пива или две. Казалось, между этими людьми, которых разделяет несколько десятилетий, царит полное доверие. Ни один из них

не смерял другого взглядом, не пытался понравиться или подчинить себе, не демонстрировал более глубоких знаний или своего превосходства. В их почти бессловесном общении не было ни меланхолии, ни мрачности. Они улыбались одним и тем же вещам и часто смеялись.

— Бхаубааб, баобаб, Бхаубааб, баобаб, — однажды вечером Лакшми начал напевать эти слова, и Бхаубааб рассмеялся. — Ты пришел сюда, чтобы быть названным в честь дерева?

— Это не входило в мои планы. Я даже не подозревал о существовании такого имени. Я просто хотел вернуться домой. — Лакшми залпом выпил последний глоток пива и откинулся на *сопо*. Он предчувствовал, что Бхаубааб что-то расскажет ему сегодня. — Кажется, дерево росло недалеко от Дар-эс-Салам, где я провел детство, и я очень его любил. Позже мы переехали в Великобританию, и мне так его не хватало. Но я не планировал возвращаться в Африку. Моя мать постоянно твердила о возвращении домой, в Гоа. Еще ребенком я несколько раз бывал в Алдоне, и у меня сохранились приятные воспоминания об этом месте…

— Алдона? Тебе довелось увидеть легендарную надпись на их кладбище? — перебил Лакшми.

— «Сегодня — я, завтра — ты»?[12] Да. Моя мать однажды перевела ее для меня. Очень обнадеживающе.

— Обнадеживающе? Эти слова на воротах кладбища вселяют в тебя надежду? Неужели напоминание о неизбежности смерти не удручает тебя?

— Наоборот, это освобождает. Мы зачастую воспринимаем все: любовь, расставание, успех, разочарование — слишком серьезно, забывая, что в жизни неизменно лишь одно — смерть. Если мы научимся помнить об этом, то сможем с легкостью относиться ко всему. Будем испытывать меньше боли, но и одновременно меньше радости — вот в чем смысл.

Он перевел взгляд на Лакшми — на его глаза наворачивались слезы. Он положил ему на плечо руку, и Лакшми зарыдал. Бхаубааб нежно обнимал его, пока он плакал у него на груди.

Несколько минут спустя Лакшми отстранился, вытирая слезы. Он поднял взгляд и слабо улыбнулся Бхаубаабу:

— Извини, я перебил тебя. Значит, ты приехал в Гоа в поисках баобаба из твоего детства?

---

[12] Примечания: 12

Aiz maka falea tuka (*каннада*) — название фильма, снятого в Алдоне и получившего мировую известность.

— А ты догадливый парень.

— С одной стороны, нужно помнить о смерти. С другой — хочется быть рядом с вечно живым существом? По крайней мере, вечно по человеческим стандартам. Предполагаю, это очень субъективно. Ведь ничто не вечно, не так ли? Ни планета, ни даже Вселенная.

— Именно так. Ты сам сказал. Смерть и вечная жизнь не особо отличаются.

– *Ирувудо илладирувудо ембудей и прашне*, — пробормотал себе под нос Лакшми.

— Что?

— «Быть или не быть, вот в чем вопрос». Я както играл в адаптации «Гамлета» на каннада.

— Серьезно? Понравилось?

— Да.

Вернувшись домой, Лакшми обнаружил, что его мать и *аттиге*, жена брата, сидят на полу перед миской с кокосовым маслом и большим неспелым джекфрутом, разрезанным посередине длинным ножом. Мать натерла руки маслом и ловко начала вынимать мясистую мякоть из-под колючей кожицы плода.

– *Гудже гаси* на ужин! — воскликнул Лакшми. Во взгляде матери было заметно приятное удивление.

Бхаубааб обустроился, и Лакшми стал проводить у него бóльшую часть времени. Несколько раз в неделю он оставался на ночь. *Аттиге* недавно родила и с большим трудом укладывала ребенка. Ей удавалось лишь урывками вздремнуть, пока малыш спал. Если Лакшми, вернувшись к себе, обнаруживал, что в доме тихо, он просто шел обратно к своему новому другу, чтобы не будить ребенка стуком и не поднимать на уши весь дом. Его родители не возражали, так как были очень признательны Бхаубаабу за то, что благодаря ему глаза их мальчика снова заблестели. Они считали, что новый сосед окажет хорошее влияние на их сына и заставит его заняться чем-то стоящим.

Как и у каждого дома, у дома Бхаубааба были свои кокосовые пальмы. Поскольку много-много лет в нем никто не жил, собирали там кокосы соседи. Когда Бхаубааб поселился в доме, они решили, что деревья и их плоды принадлежат ему. Когда они поняли, что он не знает, что делать с кокосами, то поделились с ним своими рецептами. Они даже помогли ему нанять подходящего человека для их сбора. Теперь хранилище Бхаубааба было забито нечищеными кокосами в ожидании отправки на маслобойню.

В тот день мать Лакшми попросила его взять у Бхаубааба пару кокосов для приготовления утреннего чатни: их собственный урожай был продан торговцу молодыми кокосами.

Бхаубааб пошел за ними в хранилище. Он взял с собой светодиодный фонарик, поскольку это хранилище напоминало подземелье, куда в дневное время не проникал естественный свет; электрические провода были порваны, и он не удосужился их заменить. Когда он наклонился, чтобы взять кокос из большой кучи, раздалось отчетливое шипение. Лакшми, стоявший у него за спиной, подумал, что это кот, который снует по темной комнате в поисках мышей. Но Бхаубааба было не обмануть. Таких, как он, не испугать.

— Ну здравствуй, подружка, — прошептал он себе под нос.

— Чего? Разве это не кот? — спросил Лакшми.

— Нет, змея.

Лакшми с криком выбежал из сарая:

— Выходи! Я позову на помощь. Ее убьют.

— Не надо, — спокойно сказал Бхаубааб, не двигаясь с места. — Мы не будем ее убивать. Я поймаю ее.

— За… зачем?

— Почему она должна погибать только из-за

того, что оказалась у меня на пути? — ответил Бхаубааб. — Найди мешок, прочный, и двухдюймовую пластиковую трубу. И вдруг попадется — металлический крюк.

Лакшми выглядел озадаченным, но тем не менее отправился на поиски необходимых предметов.

Сколько всякой всячины можно найти в доме, в котором долгое время никто не жил. Здесь есть и оставленные предыдущими жильцами безделушки, и вещи, выброшенные бродягами, которых неизбежно привлекают такие места, и мусор, сваленный людьми, которые пытались навести порядок в собственном доме. Хотя дом Бхаубааба был тщательно убран и отремонтирован, все равно не удалось полностью избавиться от всего хлама. Вещи просто свалили в кучу в углу просторного заднего двора, видимо, они должны были каким-то чудесным образом самоустраниться.

Среди груды из пустых пивных банок, сломанного трехколесного велосипеда, лопаты, нескольких глиняных горшков, помятой скороварки и кипы пожелтевшей бумаги Лакшми удалось отыскать крюк, трубу и мешок, соответствующие требованиям Бхаубааба.

Когда он осторожно вернулся в хранилище, то увидел, что змея — взрослая кобра — вылезла из своего укрытия и стояла с раскрытым капюшоном, угрожая нанести удар. Бхаубааб находился на безопасном расстоянии, держа в одной руке длинную палку, а в другой — фонарик, и спокойно смотрел на нее. Лакшми передал принесенные вещи и отошел назад.

— Может, позвать на помощь?

— Тсс… — сказал Бхаубааб, протягивая ему фонарик.

Лакшми взял его и направил на змею. Изогнутая в форме буквы S тень плясала на стене. Чешуя кобры блестела, как пайетки, придавая сцене столкновения человека и животного больше драматизма. Бхаубааб ударил палкой по земле рядом со змеей, и она было кинулась к нему, но тут же отступила. Когда он ударил еще раз, уже ближе к ней, кобра опустилась на землю и проскользнула мимо палки в кучу кокосов так молниеносно, что Лакшми от испуга подпрыгнул и ударился головой о низкую балку покатой крыши.

Бхаубааб привязал пустой мешок к одному концу трубы длиной два фута.

— Уходи! — приказал он Лакшми и начал медленно разбирать кокосовую крепость. Змея

шипела из своего укрытия. Бхаубааб тыкал палкой в груду, как вдруг кобра выпрыгнула и почти вцепилась в его руку. Он успел вовремя уклониться — змея рухнула на пол и попыталась заползти обратно в кокосы. Бхаубааб перегородил ей путь палкой, и, испугавшись, змея скрылась в другом углу. Все это время она непрерывно шипела и теперь выбилась из сил.

— Бедняжка, — пробормотал Бхаубааб, слыша, как змея тяжело дышит, словно собака, и видя, как нарисованные очки на ее капюшоне расширялись и сжимались в ритме сбитого дыхания. Лакшми внимательно наблюдал за этим зрелищем. Бхаубааб был полностью сосредоточен на кобре. Он схватил пару мешков и набросил их на кокосы, преградив змее путь к щели в куче. Потом положил мешок, привязанный к трубе, вдоль стены перед змеей и начал постукивать по полу сзади нее. Змея проскользнула в трубу и оказалась в мешке. Тут же Бхаубааб положил на мешок палку, чтобы змея не смогла укусить его через ткань, и схватил за горловину. Он вынул трубку и ловко завязал мешок одной рукой, а другой прижимал к нему палку, чтобы удержать змею внутри. Затем он прикрепил крюк к мешку, надел мешок на конец палки и вынес из хра-

нилища, держа его подальше от себя. Лакшми, который наблюдал за всеми этими уловками с близкого расстояния, отпрыгнул с его пути. Бхаубааб присел на корточки, чтобы взять еще один мешок, удерживая мешок со змеей над землей. При помощи Лакшми он уложил мешок с коброй в еще один, укрепив тем самым свою ловушку.

— Прикати скутер, Лакшми, — попросил Бхаубааб. Лакшми побежал домой и вернулся уже на скутере.

Вместе они отправились в густой лес в нескольких километрах от дома, причем Бхаубааб тщательно следил, чтобы мешок находился на конце палки, подальше от них. Когда они добрались до места, он быстро вынул мешок со змеей, развязал его и положил на землю, после чего отошел на безопасное расстояние. Затем Бхаубааб ткнул мешок палкой. Змея осторожно вылезла наружу, на мгновение застыв рядом с мешком. Она несколько раз высунула язык и, убедившись в отсутствии угрозы, исчезла в листве.

Вечером за пивом и солеными кешью Бхаубааб объяснял Лакшми науку и ремесло ловли змей, тот внимал каждому его слову.

— Я всегда мечтал поймать очковую кобру. Я слышал, что из всех ядовитых змей их легче всего

поймать. Так и получилось.

— Разве это была не королевская кобра?

— Конечно нет. Не говори глупостей. Разве ты не заметил у нее на капюшоне рисунок, напоминающий очки? В любом случае эта кобра, в отличие от некоторых африканских видов, не относится к плюющимся, что делает ее поимку гораздо менее рискованной. Еще очковые кобры обычно имитируют нападение — сначала предупреждают, но кусают не сразу, как, например, гадюки, — и это дает тебе некоторую свободу действий. Главное — сохранять спокойствие. Если запаникуешь, то твои движения могут стать резкими, что напугает змею еще больше — она и так защищается, нервничает — и в итоге заставит ее напасть.

— Ничего себе.

— Кроме того, клыки у кобры короткие, так как находятся на неподвижной челюсти, в отличие от гораздо более длинных клыков гадюки, которые растут на подвижной кости и умеют складываться, когда змея закрывает пасть. Поэтому некоторые укусы могут быть сухими, без яда. Яд является нейротоксином. Он, конечно, смертельно опасен, но, если вовремя оказать помощь, вероятность повреждения тканей уменьшается.

Так обычно бывает при укусах змей, в яде которых содержится гемотоксин.

Лакшми кивнул, делая вид, что понимает.

— А для чего тебе был нужен мешок с трубой?

— Очень просто. В основном, когда змеям угрожает опасность, они ищут темную щель или углубление в земле, чтобы спрятаться. Трюк заключается в том, чтобы перекрыть любые такие места и сделать так, чтобы твоя ловушка была единственным доступным укрытием. Как только змея заберется в мешок, нужно положить твердый предмет, например палку или ботинок, на его горловину, чтобы змея не смогла высунуться и укусить. Потом быстро и надежно завязать мешок и держать подальше от себя. Мешок должен быть из прочного материала, иначе придется надеть поверх него второй для уверенности, что змея не сможет порвать его. Я предпочитаю мешки из натурального материала, например джута или хлопка. И конечно, важно проверить, чтобы в них не было дырок. Ну а теперь самое главное — нужно как можно скорее выпустить змею на свободу, иначе все усилия были насмарку: она может задохнуться в мешке. Со мной такое случалось несколько раз, — с сожалением в голосе сказал Бхаубааб.

— Сколько тебе удалось поймать? — недоверчиво уточнил Лакшми.

— Змей? Много. Сбился со счета. Но это моя первая очковая кобра. Впервые я поймал змею, когда еще был маленьким. Меня этому научил наш слуга Эреву втайне от моих родителей. В нашей округе водилось много змей. И он трепетно относился к ним и не хотел убивать. Именно его звали, если вдруг змея заползала в чей-либо дом. И я ходил вместе с ним. Но однажды об этом прознал мой брат… — Его голос дрогнул.

— Он сдал тебя?

— Не сразу. Сначала он заставил меня понервничать, — глядя в сторону, произнес Бхаубааб.

— Как именно?

— Хм. Это было так давно. В любом случае мои родители обо всем узнали и уволили Эреву. Но к тому времени ему уже удалось научить меня основам. После этого я поймал несколько моих первых змей. То небольшое количество знаний, которые Эреву успел мне передать, носило более практический характер: как различать виды змей, как ведет себя загнанная в угол змея, как предугадать ее движения и так далее. Позже я узнал о них больше. Великобритания не может похвастаться большим разнообразием змей.

Гадюки — единственные ядовитые змеи там, да и то редко встречаются. Одни ужи и медянки, которые даже не змеи, а всего лишь ящерицы без конечностей!

— Ты научишь меня ловить змей? — неожиданно спросил Лакшми.

— Это тебе не развлечение, понимаешь?

— Я знаю. Я хочу научиться… — Лакшми на мгновение задумался. — Я хочу стать таким, как ты.

Бхаубааб внимательно посмотрел на него, прежде чем растянуться в улыбке. Он засыпал его змеиными историями, пока тот не устал. В ту ночь Лакшми остался у него.

— Как думаешь, куда змея уползла после того, как мы ее выпустили? — поинтересовался Лакшми на следующее утро за чашкой кофе.

— Ты все еще об этом думаешь? Надеюсь, она нашла укрытие в лесу, иначе она вернется. Кобры, как и собаки, всегда находят свой дом.

— Хочешь сказать, они точно не ошибутся дверью? Ха-ха…

— Это скорее приобретенный навык, чем инстинкт. — Бхаубааб ласково улыбнулся ему. У Лакшми был довольный вид.

* * *

Все понимали, что это было полнейшим безрассудством — несчастным случаем, которого можно было избежать. Но всегда проще, если есть кого обвинить. Бхаубааб отсутствовал несколько дней, когда произошел этот прискорбный случай, но именно его обвинили в том, что он вбил в голову молодого и чувствительного парня эту глупую идею о «спасении» змей. Он и понятия не имел обо всех сплетнях, которые ходили в его отсутствие. Узнав об ампутации, он тут же отправился навестить Лакшми.

За вежливостью родителей Лакшми едва скрывалась их неприязнь к соседу, и они упорно не рассказывали о подробностях несчастного случая. Они угостили Бхаубааба чаем с молоком, который он пил через силу, не желая обидеть их отказом. Но когда он попросил увидеться с Лакшми, его родители заявили, что тот спит. Бхаубааб удивился. Именно тогда до него дошло, что они считают его ответственным за случившееся.

Он узнал всю историю от местного *подера*. Дом Бхаубааба был одним из последних домов, которые тот обходил, желая продать выпечку. В его огромной плетеной корзине, накрытой голубой

пластиковой крышкой, почти не осталось *пау* и *пои*: их быстро раскупали. Молодой Орайя был только рад сделать перерыв и пожевать *гутку*, когда Бхаубааб спросил его о случившемся с Лакшми. Орайя прислонил велосипед к стене и, взяв в рот свежую щепотку *гутки*, приступил к рассказу.

— Лакшми начал уверенно пробираться через заросли между домами, вместо того чтобы, как обычно, обойти по мощеной дороге. Он нес всякую чушь о том, что змеи — сожительницы человека на земле, что они нападают только для самообороны и не хотят причинять вред людям, и тому подобное. В тот день, увидев кобру, он не созвал людей и не забил ее до смерти, а побежал домой за трубкой и мешком и в возбуждении пытался поймать ее. Он бормотал что-то о том, что эта кобра уже приходила сюда. Было поздно, темнело, и все пошло наперекосяк. Кобра напала и укусила его за большой палец левой руки. На его крики сбежались соседи. Ему наложили жгут, и…

— Это единственное, чего нельзя было делать! — сквозь зубы прошипел Бхаубааб.

— Его тут же доставили в центр первичной медицинской помощи, где ему ввели противоядие,

которое спасло ему жизнь. Но большой палец успел почернеть, кожа начала отслаиваться. Его отвезли в частную больницу в Маргао, где сообщили, что не остается ничего другого, кроме как ампутировать палец.

— Как выглядела змея?

Хотя *подер* и не был очевидцем, но знал все детали случившегося: последние несколько дней все только об этом и говорили.

— Она была коричневого цвета с черными кольцами по всему телу и длиной около пяти футов. И мордой смахивала на собаку. — У *подера*, как и у других жителей деревни, была своя версия того, что произошло. — Кобра не раскрыла капюшон перед нападением, поэтому Лакшми не был готов к нему…

— Глупости! Это же не кобра. Это чертова гадюка Рассела! Яд — гемотоксин. Этот дурачок не смог бы отличить крысиную змею от крысиной задницы. И зачем я вообще рассказал ему о спасении змей? Ну и болван! — прокричал Бхаубааб.

Подер спокойно воспринял эту вспышку гнева. Он выплюнул красную струйку и поинтересовался у Бхаубааба, не научился ли он этой черной магии у африканских племен.

* * *

Бхаубааб с тоской дожидался, когда Лакшми поправится и навестит его. Он то и дело выглядывал из окна, из которого виднелся его дом, в надежде уловить хоть какие-то признаки жизни. Но дом Лакшми словно погрузился в спячку.

Пошли слухи, что африканский *бааб* занимается черной магией, зажигает свечи из змеиного жира и танцует в новолуние с разрисованным лицом. В то время как сама гоанская жизнь изобиловала языческими преданиями и практиками, которые органично вписались в лузитанский католицизм, и у жителей и прихожан каждой деревни, церкви, часовни имелась куча своих сверхъестественных и паранормальных историй, Африка все еще казалась им далекой и покрытой мглой. То, что приходило с этого континента, представлялось очень далеким от обрядов местных жителей и вселяло в них страх.

Невестка Лакшми стала выбрасывать использованные детские подгузники в низину, находящуюся за оградой дома Бхаубааба, а не в ручей по другую сторону от своего дома. Голодные свиньи разрывали подгузники и растаскивали их по гудронной дороге, оставляя повсюду по-

крытые фекалиями комки хлопка. Азиатские буйволы, которые по этой дороге возвращались в деревню с пастбищ, прибивали эти комки своими лепешками, и получившаяся масса еще больше вдавливалась в гудрон грузовиками с песком, которые каждый день проезжали здесь. По мере того как дорога перед его домом становилась дурно пахнущей и ухабистой, Бхаубааб приобретал все более угрюмый вид. Хотя одиночество было для него не в новинку, он предпочитал, чтобы оно было его личным выбором, а не наказанием. И его глубоко ранила мысль о том, что люди в месте, которое он надеялся сделать своим домом, злятся на него за то, что он рисковал жизнью Лакшми и из-за него тот лишился большого пальца.

Единственным утешением для него был его любимый баобаб, который он подолгу рассматривал. Именно в один из таких вечеров, когда Бхаубааб стоял под баобабом, безучастно глядя в пустоту, раздался звонок с неизвестного номера.

— Алло?

— Э-э-э… Тио Кадже? — произнес молодой женский голос на другом конце линии.

* * *

После небольшого путешествия по Центральной Карнатаке, где она собирала информацию о древних баобабах в Савануре, и краткого визита в Хампи, где она съела шницель и посмотрела, как течет Тунгабхадра, Сильвия села на поезд «Амаравати Экспресс» до Гоа, чтобы присоединиться к своим старым школьным приятельницам на встрече выпускников. С этими тремя девушками она не виделась с получения аттестатов, и последние десять лет они почти не общались. Не то чтобы они были особенно близки в школе, но и не враждовали, и Сильвии было любопытно узнать, как у них дела. Одна из них изучала гостиничный менеджмент в престижном университете, другая отучилась на физиотерапевта, но главным событием ее жизни стало то, что к концу года она собиралась переехать в Дубай со своим будущим мужем, выпускником Индийского института менеджмента. Третья недавно получила степень магистра бизнес-администрирования и была пристроена на работу в международную корпорацию в Гургаоне, причем в самую лучшую. Сильвия уже не помнила, кто из подружек кем был.

Одноклассницы прилетели в Гоа за час до при-

бытия Сильвии и вызвали такси до крошечной железнодорожной станции имени Васко да Гамы, чтобы встретить ее. Сначала они долго обнимались, визжали от радости и поздравляли друг друга с успехами, после чего загрузились в такси и отправились на север, в Анджуну, где у них был забронирован номер в отеле. Когда такси застряло в пробке на мосту Зуари, Рашми, сидевшая рядом с водителем, обернулась к Сильвии:

— Слушай, ты знала, что твой штат наглухо закупорен?

Все дружно рассмеялись над этим вопросом, но Сильвия ответила со скучающим видом:

— Его сложно назвать моим штатом. То, что моя фамилия Перейра, еще не делает Гоа моей родиной.

— Разве твоя семья не из Гоа? Тогда, наверное, из Мангалора? — спросила Арчана, недавно получившая диплом менеджера гостиничного бизнеса.

— Мой отец родом из Гоа. Кажется, из Алдоны. Но он вырос в Африке и Великобритании, так что на нем связь с Гоа прерывается. Я живу в Бангалоре. И здесь я такой же гость, как и вы.

Разговор сменился обсуждением «огромного камня» на пальце Тины и того, как она позна-

комилась со своим будущим женихом. Сильвия смотрела в окно, пока Тина, задыхаясь от эмоций и охая, пересказывала всю историю, не скупясь на подробности. Только когда они снова встали в пробке, на этот раз на мосту Мандови, девушки заметили, что Сильвия все это время молчала.

— А ты как? Пишешь и все такое, а? — спросила Рашми. — Недурно! Я так рада, что ты следуешь зову своего сердца. Это очень смело с твоей стороны, ты это понимаешь? Мои родители никогда бы не позволили мне заняться чем-то подобным. В моей ситуации год перерыва означал бы огромную потерю доходов. Нужно быть очень смелой, чтобы поступить, как ты.

Все согласились, что Сильвия действительно самая смелая из них, а затем вернулись к обсуждению Тининой «свадьбы мечты».

После двух дней купания в море, употребления алкоголя и ночных танцев под громкую болливудскую музыку Сильвии захотелось передохнуть от РАТС — так, по первым буквам имен, они назвали свою девчачью компанию. Она отказалась от прогулки на яхте, где планировалось смотреть на дельфинов под диджейский сет, и осталась наедине с собой. За обедом, состоящим из жаренных в кляре кальмаров и тушеных овощей, Сильвия

дочитывала полную драматизма биографию семьи политиков из южноазиатской страны с мрачным прошлым, написанную современным ученым. Она продолжила чтение за парой кружек пива и, закончив, устроила себе продолжительный послеобеденный сон. Проснувшись, Сильвия почувствовала себя намного лучше, по-настоящему отдохнувшей. Она написала подругам, что не придет на вечеринку, и отправилась поплавать в бассейне отеля «Морской бриз».

Вода была прохладной, но Сильвия была совершенно одна в бассейне. Она энергично проплыла около десяти кругов, чтобы скорее вывести алкоголь из организма, и перевернулась на спину. Смотря на лазурное небо, Сильвия наслаждалась ощущением полного одиночества в мире, как вдруг что-то маленькое и невесомое ударило ее по груди. Повернув голову, она увидела на поверхности воды окурок. Сильвия посмотрела на окна отеля и заметила, как кто-то резко задергивает шторы в комнате на втором этаже. Мгновенно очнувшись от своих мечтаний, она поплыла к лестнице и выбралась из воды. Сильвия направилась в уборную у бассейна, чтобы снять купальник. Когда она присела над унитазом, кое-что на двери привлекло ее внимание.

На веревочке висели старые номера газеты «О'Херальдо», в листы которой можно было завернуть использованные прокладки и тампоны, прежде чем выбросить их в мусорное ведро. Статья, бросившаяся ей в глаза, называлась «Блудный сын Гоа околдован змеями» и сопровождалась фотографией мужчины средних лет с мешком в руках, в котором, очевидно, находилась змея. Подзаголовок гласил: «Каджетан Перейра приехал из Африки, чтобы спасать змей Гоа». Сильвия быстро накинула на себя халат и, схватив газету, вышла из туалета. Усевшись на шезлонге у бассейна, она внимательно прочитала статью. Затем Сильвия потратила целый час на обзвон знакомых журналистов и ожидание, пока они добудут ей номер телефона. Ей потребовалось еще полчаса, чтобы набраться смелости и позвонить по этому номеру.

— Слушаю. — В его низком голосе звучал интерес.

— Э-э-э… Тио Кадже?

— Что?

— Кхм… Простите, это господин Каджетан Перейра?

— Да. С кем я разговариваю?

— Меня зовут Сильвия. Сильвия Перейра. Воз-

можно, я ваша племянница.

Подружки сильно удивились, когда Сильвия решила оставить их ради встречи с дядей.

— Но разве не ты говорила, что у тебя здесь нет родных?

— Я так думала, но оказалось, что это не так, — спокойно ответила она.

Они были недовольны ее преждевременным отъездом: в конце концов РАТС только воссоединилась. Они пообещали поддерживать связь и встретиться на свадьбе Тины, сделали кучу совместных селфи, прежде чем отпустить Сильвию.

Каджетан дал ей точные инструкции, как добраться до его дома. Ей предстояло доехать на автобусе «Кадамбы» из Панджима в Маргао, а потом нанять водителя мотоцикла и заплатить ему не более ста пятидесяти рупий за поездку. Как только Сильвия вошла в автобус и сняла с плеч рюкзак, она тут же достала телефон и покинула чат РАТС.

* * *

Весь день Бхаубаабу было неспокойно. Он расхаживал по длинной веранде. Он подошел к баобабу, перепрыгнул через ограду, установленную вокруг него, и прикоснулся к стволу.

Прильнув к нему, Бхаубааб замер и уставился в пустоту. После этого он перепрыгнул обратно и поспешил домой, где продолжил ходить взад-вперед. Невозможно описать охватившие его чувства. Настоящее попурри из целого спектра всех возможных человеческих эмоций.

Его брат Антон — Антонио — был старше на пять лет и долгое время служил для него примером для подражания, даже был для него героем. Бхаубааб старался быть похожим на него, повторял его слова и действия. Антон был любимцем родителей. Они долго молили Пресвятую Богоматерь даровать им первенца и теперь считали, что их золотой ребенок не мог поступать неправильно.

Первый ребенок стал их наградой за годы медитаций и молитв, поэтому незапланированное рождение второго сына не вызвало ярких эмоций. Его любили инстинктивно, но не уделяли ему такого внимания, как Антону, сделанному словно на заказ. Бхаубааба это совсем не беспокоило. На самом деле он был рад, что его кумир стал всеобщим любимцем. Именно поэтому случившееся позже так расстроило его. От предательства, в отличие от других душевных травм, невозможно исцелиться. Лучшее, что можно сделать после

многолетних попыток забыть об этом, — стать циником. Их родители были безмерно преданы своей вере, как это бывает только у эмигрантов, а Антон был безбожником. Поначалу Бхаубааб вместе с братом насмехался над религией, просто чтобы угодить ему, а позже научился думать своей головой. Но ни один из них не осмеливался перечить родителям. Они беспрекословно посещали занятия по изучению Библии, принимали причастие, ходили на исповеди, читали новенны, соблюдали Великий пост и делали все то, что от них требовали, даже не пытаясь закатывать глаза в знак протеста. У братьев не было желания сопротивляться. Им это было неважно, пока они могли быть кем угодно в своих фантазиях. По крайней мере так считал Бхаубааб.

Однажды, когда Бхаубаабу было около двенадцати лет, родители пригласили нового священника, родившегося в Гоа, но выросшего в Лиссабоне, для освящения их дома. После благословения и чая с *доче де грао* священник сидел в большом кресле в гостиной и улыбался мальчикам. Тщательно вымытые и одетые в сильно накрахмаленные рубашки, они стояли перед ним в ожидании его милости и совета.

— Вам повезло, что у вас такие родители. Они

очень хорошие люди. Хорошие гоанцы. Расскажите, мальчики, чему вы у них научились?

Бхаубааб был оскорблен таким покровительственным тоном. Склонив голову, он принялся рисовать ногой круги, чтобы скрыть свое раздражение. В поисках поддержки он смущенно посмотрел на Антона. Но брат, вместо того чтобы разделить его негодование, смиренно встретил взгляд священника и тихо ответил:

— Милосердию, отец. Они научили нас ценить милосердие. Они очень великодушные люди, и мы стараемся подражать им во всем. Если в этой жизни нам удастся хотя бы на четверть быть столь милосердными, как они, то мы сможем считать себя праведными христианами.

Бхаубааб помнил, какое впечатление произвели эти слова на священника и как заблестели глаза его родителей. Когда те принимали поздравления священника, что у них такой замечательный сын, Антон подмигнул Бхаубаабу. Он был ошеломлен такой дерзостью брата. В любом случае это должно было послужить предупреждением о его корыстной и двуличной натуре. Но Бхаубаабу тогда это не пришло в голову. И поэтому ему было невероятно больно, когда Антон, вместо того чтобы заверить в своей поддержке,

ухмыльнулся и фыркнул в ответ на его признание в чувствах к Эреву[13].

— Не говори маме, — попросил Бхаубааб, неожиданно засомневавшись.

— Еще посмотрим, — лишь бросил Антон с усмешкой на губах.

Жестокие издевательства стали обычным делом. Антон не шантажировал Бхаубааба, чтобы тот выполнял за него работу по дому, как можно было бы ожидать. Вместо этого он сваливал на младшего брата все большее количество мелких грехов, проверяя пределы его эмоциональной стойкости к наказаниям. Бхаубааба обвинили в том, что он бросил в голову священника косточку от авокадо. Во время родительского допроса он было открыл рот, чтобы яростно отрицать это, как вдруг уловил самодовольное выражение на лице Антона и просто повесил голову, молча принимая обвинение. В первый раз родители отнеслись к его безрассудному поступку милосердно: они обняли его и объяснили, почему это неправильно и почему так больше не стоит поступать, а также сказали, что милостивый Господь всегда дает второй шанс.

---

[13] Примечания: 13

Международное общественное движение «ЛГБТ» признано экстремистской организацией и запрещено в России.

— Голубой, — шепнул ему Антон, как только родители оставили Бхаубааба в одиночестве обдумывать свой поступок.

Они проявили меньше снисходительности, когда Бхаубааб признался, что помочился в горшки с цветами у часовни. За то, что Бхаубааб выцарапал перочинным ножом мужские половые органы на церковной скамье, отец влепил ему такую сильную пощечину, что тот едва устоял на ногах. Из-за найденного в благотворительной копилке после воскресной мессы оскорбительного рисунка с изображением священника Бхаубааба пороли до тех пор, пока на его спине и руках не появились ссадины.

Он рыдал в углу, когда к нему подошел Антон:

— Бедняга голубой. Бедный, бедный. *Пай* сильно тебя побил? Только посмотрите на эти пухлые щечки. Щечки гомика. А что, ты похож на одного из негритят, которых ты так любишь!

От обиды и унижения Бхаубааб бросился на брата и сильно, до крови, укусил его за щеку. На крики прибежал отец и оттащил его. Он принялся хлестать Бхаубааба еще сильнее, даже не разобравшись, что произошло. Бхаубааб больше не мог терпеть такой несправедливости. Он закричал, что все его проступки были делом рук

Антона. Отец остановился на мгновение и вопросительно посмотрел на Антона.

— Кадже — педик! — крикнул тот в ответ. Его глаза были такими же красными от слез, как кровь, стекавшая по щеке.

Ошеломленный отец повернулся к Бхаубаабу.

— Это правда? — спросил он. Бхаубааб ничего не ответил. Отец бросил ремень, которым порол его, и вышел, хлопнув дверью.

* * *

Эреву уволили, и Бхаубааб больше никогда о нем не слышал. Вскоре после этого родители решили покинуть Танзанию. Им потребовалось несколько лет, чтобы закончить все дела и найти достойную работу в Великобритании. Это был период, когда африканские колонии, недавно получившие независимость от европейского правления, становились национальными государствами. Индийские семьи активно уезжали в США, Канаду и Европу, опасаясь реакции со стороны политически окрепшего чернокожего населения, которое, как они предполагали, могло мстить им за то, что они помогали белым угнетать и эксплуатировать их в собственной стране. Хотя переезд семьи Перейра в Великобританию

совпал с волной бегства индийцев из Африки, родители Бхаубааба не уставали напоминать ему, что они уезжают из-за позора, который он на них навлек.

Отец был бухгалтером, а мать — учительницей. Им удалось найти работу в Лондоне и на деньги от продажи их просторного особняка в Дар-эс-Саламе купить небольшую квартиру в Уэмбли. Они начали жизнь с чистого листа, притворяясь, что ничего не знают об «отклонении» Бхаубааба, хотя уже было поздно: семья безвозвратно распалась. Антон и Бхаубааб больше не разговаривали друг с другом, а во время совместных приемов пищи за столом царила такая удручающая тишина, что мать перестала настаивать на том, чтобы есть вместе. Вскоре Антон уехал учиться в университет в другом городе. Некоторое время Бхаубааб продолжал жить с родителями, которые вели привычный для среднего класса образ жизни — их занимали работа, готовка, еда, молитвы, телевизор и походы в церковь, — но их холодность продолжала причинять ему боль. Вскоре Бхаубааб устроился рабочим на ферме и переехал в деревню. Протесты родителей по поводу его выбора профессии были слабыми, как и их радость, когда он приезжал на каникулы. В конце концов

он накопил немного денег, получил диплом агронома и устроился менеджером в компанию, продающую мощную сельскохозяйственную технику.

В качестве отчаянной попытки угодить родителям он женился на добродушной католичке. Они прожили вместе год: она ушла из-за его неспособности закрепить брак, то есть заняться с ней сексом, но обещала остаться друзьями. Вскоре они перестали общаться, чему ни один из них не удивился.

Его родители умерли в один год от сердечных приступов. Последним, что он слышал об Антоне, было то, что тот переехал в Индию, где получил должность креативного директора в крупном рекламном агентстве, потом женился и окончательно осел. И вот теперь, спустя почти тридцать лет, ему звонит девушка и утверждает, что является дочерью его единственного брата. Он налил себе еще бурбон и стал ждать.

* * *

Шов после ампутации зажил, и Лакшми уже восстановил силы. Сейчас его терзала лишь жалость к самому себе. Неожиданное появление на пороге его дома девушки в черной майке, тем-

но-зеленых чиносах и с большим рюкзаком за спиной предоставило ему необходимую возможность отвлечься от этого чувства.

— Э-э-э… Я ищу мистера Каджетана Перейра, — произнесла девушка.

— Он живет вон там, — ответил Лакшми, указав на дом Бхаубааба.

— Извините. Водитель высадил меня здесь. Как я могу туда пройти? Нигде не видно тропинки: все так заросло.

— Она с другой стороны. Вообще, давайте-ка я провожу вас к нему.

— Ну что вы. Я не хотела вас беспокоить.

— Вы и не беспокоите. Мистер Перейра, или Бхаубааб, как его прозвали здесь, — мой близкий друг. Я давно собирался его навестить.

* * *

Бхаубаабу достаточно было взглянуть на Сильвию, чтобы убедиться в том, что она действительно дочь его давно пропавшего брата. Неловкость от первой встречи с ней полностью скрыла неловкость от встречи с Лакшми после случившегося, и он почувствовал облегчение. Лакшми смотрел на Бхаубааба со смесью раскаяния и грусти. Теплая улыбка Бхаубааба тут же

успокоила его. Взгляд Бхаубааба переместился на Сильвию, которая стояла в растерянности.

— Значит, ты дочь Антона. — Эта фраза прозвучала скорее как утверждение, чем вопрос.

— Да. А вы — мой дядя.

— Входи. Можешь оставить рюкзак в той комнате. Откуда ты приехала? Из Анджуны?

— Да. Я была там с подругами, а вообще живу в Бангалоре.

— Твой отец знает о нашей встрече? — на всякий случай уточнил он.

— Нет. — Лицо Сильвии приняло странное выражение. — Я не видела его больше двадцати лет. И понятия не имею, где он.

— Как? И ты тоже? Это, кажется, стало семейной традицией. Но что случилось?

— Длинная история.

— Разве истории не всегда такие?

Лакшми молча наблюдал за беседой. Будучи единственным другом и доверенным лицом Бхаубааба со времени его приезда, Лакшми почувствовал, что что-то изменилось в их отношениях с появлением родственницы. Они сплотились в семью, а он оказался чужаком.

— Давайте присядем. Хотите чего-нибудь выпить? — спросил Бхаубааб.

Сильвия для начала хотела умыться. Бхаубааб отвел ее в ванную и, вернувшись, увидел, что Лакшми направляется к выходу.

— Уже уходишь? А как насчет выпить?

— Я вернусь попозже, — ответил он.

— Приходи на ужин.

Лакшми кивнул в знак согласия и ушел. В тот вечер он не вернулся.

Бхаубааб приготовил курицу шакути, купил свежие лепешки *пой* у *подера*. За ужином Сильвия подробнее рассказала об Антоне.

— Моя мама, новоиспеченная выпускница литературного факультета, стажировалась в рекламном агентстве в Бомбее, где Антон был креативным директором, — начала Сильвия.

— Погоди, дальше я сам знаю, — перебил Бхаубааб. — Они встретились, влюбились, поженились, родили тебя, разлюбили друг друга, и на этом все кончилось. Не так ли?

Сильвия снисходительно улыбнулась.

— Что? Неужели я неправ?

— Нет. Но кто говорит «влюбились»? Это так старомодно.

— А как теперь говорят? Приударили друг за другом? Стали встречаться?

— Неважно, как теперь говорят. Вернемся к

истории. Моя мама была молодой и податливой. Антон был старше, образован, опытен и, конечно, очаровал ее. Он был привлекательным, если не сказать более, и пользовался огромным успехом у женщин. И мама очень удивилась, что он обратил на нее внимание. Они начали встречаться. Ее индийская семья придерживалась консервативных взглядов и была против этих отношений. Ей казалось, что тайный брак с ним сделает ее сильной и независимой. Он хорошо зарабатывал, и они могли позволить себе комфортную жизнь. После года замужества на свет появилась я, и меня назвали в честь Сильвии Плат — единственной поэтессы, стихи которой, как оказалось, были понятны моей матери. После этого все посыпалось. Мама догадалась, что отец ей изменяет. Вместо ответов на вопросы о своих интрижках он распускал руки. Сильно поколачивал маму. Я была совсем маленькой и знаю об этом только по ее рассказам.

Это заметно огорчило Бхаубааба, и он пробормотал:

— Вот ублюдок! На какую же жестокость он был способен!

— Оказалось, на немалую. Мама не могла уйти от него и вернуться к своим родителям, которые

все еще злились на нее за то, что она оскорбила их, выйдя замуж против их воли. После моего рождения она бросила работу и не могла быстро найти другую, потому что я была слишком маленькой, чтобы оставаться дома одной.

На глазах Бхаубааба заблестели слезы, но он ничего не сказал.

— Вскоре после моего пятилетия отец особенно сильно избил маму, тогда она схватила меня и убежала посреди ночи. Мы остались у ее бывшей коллеги, которая не могла поверить, что мой отец — учтивый джентльмен с умным взглядом, опрятной бородой, очаровательной улыбкой и британским акцентом — оказался чудовищем, срывающимся на жене. Но ее убедили синяк под глазом и рассеченная губа моей матери, и женщина приютила нас. Примерно через месяц маме удалось связаться с одним из своих однокурсников в Бангалоре, который помог ей устроиться учителем в престижную местную школу. Во время ссор родителей и маминых рыданий я привыкла запираться в своей комнате и одержимо перелистывать мои любимые книжки с картинками. Я рано научилась читать, и, наверное, это мне помогло. Я успешно сдала вступительный экзамен в той же школе и получила полную

стипендию. Мама обрадовалась: весь день мы находились рядом, и ей не нужно было переживать, что она оставляет меня ради карьеры.

— А что случилось с Антоном?

— Мы потеряли связь. — Сильвия ненадолго остановилась, прежде чем продолжить рассказ. — Мама говорила, что он несколько раз звонил ей. Сначала он извинялся и уговаривал ее вернуться, но, когда она отказалась, стал угрожать, что покончит с собой. Мама не поддавалась на уговоры, тогда он стал угрожать ей физической расправой. Перед сном мы закрывали все окна и запирались на замок в спальне, и мне нельзя было ни выходить одной из дома, ни оставаться у друзей после школы. Но меня это не беспокоило: мне хотелось все время сидеть дома и читать. Потом звонки с угрозами стали поступать все реже. Будучи экспертом в области рекламы, Антон постоянно мелькал в новостях — на светских страницах журналов и так далее, — и мы примерно догадывались о его местонахождении. Но через некоторое время он исчез. Как говорится, скатертью дорожка.

— Мне очень жаль, что мой брат причинил столько боли тебе и твоей матери. Он ужасный человек. Если бы я только знал… Я бы не позволил

вам так страдать.

— Мы еще малым отделались. Меня это больше не беспокоит. А тогда я пряталась в книгах.

— Мне интересно, как ты узнала обо мне?

— Отец часто рассказывал.

— Серьезно?

— Стоило мне сделать что-нибудь, что раздражало его, как он тут же говорил, что я вся в тебя. Ты всегда был частью моей жизни. Я впервые услышала твое имя, когда мне было три. Антон избивал маму, и я, видимо, сильно разозлилась. Я накинулась на него и вцепилась зубами в руку. Он закричал и отбросил меня в сторону, сказав, что я точь-в-точь как Тио Кадже. — Сильвия не хотела дословно цитировать его фразу «точь-в-точь как мерзкий педик Тио Кадже»: теперь она понимала значение этих слов. — Судя по тому, в каком контексте он упомянул твое имя, я поняла, что он тоже сделал тебе больно и что мы с тобой могли бы быть друзьями. Я всегда мечтала с тобой встретиться.

Бхаубааб грустно улыбнулся:

— Ну никто из нас не сдался без боя, не так ли?

— Мы вообще не сдались.

Глубоко за полночь Бхаубааб встал попить воды и заметил свет в комнате Сильвии. Он заглянул

узнать, почему она до сих пор не спит, и обнаружил ее спящей. Он подумал, что она уснула за чтением, и, выключив свет, вернулся к себе.

На следующее утро за чашкой кофе Сильвия спросила:

— Ты выключил свет в моей комнате?

— Да. А что такое? Не стоило?

— Не стоило. Но ничего, я уже спала.

— В чем дело? Это как-то связано с Антоном?

И Сильвия рассказала ему. В детстве она боялась оставаться одна в темноте и по вечерам просила маму посидеть с ней, пока не заснет. Однажды Сильвия захотела спать раньше и попросила маму оставить уборку и уложить ее. Отец даже слышать этого не желал и строго приказал ей отправляться спать одной.

— Папочка, хотя бы на пять минуточек, — умоляла Сильвия, но отец отказывался слушать. Мама хотела пойти с дочерью, но Антон уперся и накричал на жену за то, что она делает из его ребенка слабачку.

— Иди к себе, — сурово сказал он, — ложись и не закатывай сцен. Матери нужно закончить дела.

На просьбу оставить свет включенным он ответил отказом.

— Чего ты боишься? Привидений? Ну-ка скажи

мне, что такое привидение? Сейчас же скажи!

Сквозь плач Сильвия выдавила, что не знает.

— Вот видишь. Их нет. Ты моя дочь! Моя! И я не приму трусости в тебе! А сейчас марш в постель!

Девочка отправилась в темную комнату, крепко зажав рот рукой, чтобы до отца не донесся ее плач. Она легла на кровать, не отрывая взгляд от дверного проема, через который проникал свет из столовой. Отец сидел на диване, скрестив ноги, и читал газету, пока мама убирала со стола. Мама беспомощно оглядывалась на Сильвию, и казалось, что между ними пролегает почти настоящий туннель, прорезающий непроглядную темноту вокруг. Девочка старалась не моргать, чтобы не разорвать связь и не позволить темноте завладеть ею. Наконец, когда отец вышел из столовой, мама бросилась к дочери и обняла ее. Сильвия беззвучно рыдала на маминой груди, пока не заснула. Мама плакала вместе с ней.

Бхаубааб протер глаза кулаком.

— А что твоя мать думает о нашей встрече? — спросил он после долгого молчания.

— Она скептически отнеслась с этому. Мама не верила, что кто-либо из семьи моего отца может быть хорошим человеком. Я должна позвонить и сказать, что она ошибалась. Признаться, я и сама

не была уверена, стоит ли нам встречаться, но, когда мне на глаза попалась та статья в газете, любопытство взяло верх. Да и что ты можешь мне сделать? Теперь я вполне способна дать отпор, — сказала она и рассмеялась. — Я не планировала здесь оставаться. Сама себе поражаюсь.

— Рад, что ты на это решилась. Пожалуйста, оставайся сколько угодно. Ты — единственная семья, которая у меня осталась.

Лакшми присоединился к ним за ужином и остался выпить и сыграть партию в «Эрудита». Поскольку Бхаубаабу и Сильвии удалось восполнить пробелы в собственных историях и достичь вместе своего рода катарсиса, между ними больше не было напряжения, как при первой встрече. И они были рады отдохнуть от тяжелых разговоров и провести время в компании Лакшми.

После появления Сильвии Лакшми удалось развеять сомнения родителей по поводу встречи с Бхаубаабом, и он снова зачастил в его дом. Лакшми подружился с Сильвией. Она жалела его из-за ампутации, о причине которой он рассказал ей, когда рядом не было Бхаубааба. Почувствовав ее искренний интерес, он решил поделиться своими бангалорскими приключениями. Рассказывая о городе, где он почти обрел славу, Лакшми

загрустил по былым временам.

Изначально Сильвия не планировала задерживаться у Бхаубааба. Испытав облегчение от того, как легко они нашли общий язык, она решила остаться на несколько дней. Сильвия позвонила матери, чтобы рассеять ее сомнения. Она взяла перерыв на год, и у нее не было никаких конкретных планов, некуда было торопиться. На второй неделе своего пребывания Сильвия достала из рюкзака тяжелую ароматическую свечу в стеклянной банке и поставила ее на домашний алтарь. Свеча была бледно-голубого цвета, а банка по форме напоминала сферу.

— Приятный запах. Что за аромат? — спросил Бхаубааб.

— «Свежее белье». Видимо, название придумывал бедный копирайтер, который когда-то мечтал стать поэтом.

— Ты привезла ее для меня? Ты сначала хотела посмотреть, понравлюсь ли я тебе, прежде чем дарить подарок?

— Ты слишком высокого о себе мнения, тебе так не кажется? — Сильвия озорно улыбалась. В их общении появилась легкая игривость. — Это моя «одомашнивающая» свеча. Я зажигаю ее в местах, где чувствую себя как дома. И на самом

деле она предназначалась для кое-кого другого, но я решила не отдавать ее этому человеку.

— Мне нравится слушать твои истории. Только хотелось бы, чтобы они были со счастливым концом.

— Эта история как раз такая. Она даже смешная.

— Рассказывай.

— В студенчестве я встречалась с дизайнером интерьеров старше меня на несколько лет. Он, кажется, гордился тем, что его девушка учится в университете, и брал меня с собой на вечеринки и тому подобное. Однажды нас пригласили на ужин в особняк одного из его клиентов, и моему парню очень хотелось, чтобы я произвела хорошее впечатление. Он попросил меня подобрать для этого клиента подарок: «Возьми что-нибудь со вкусом. Только на интерьер они потратили целый крор [14]». Я купила эту свечу и сделала букет из базилика, который вырастила сама. Их особняк был огромным, впечатляющим и пышным. Все в нем блестело, кричало и стоило огромных денег. Казалось, что я попала в огромный греко-римско-карибский хрустальный шар!

---

[14] Примечания: 14
Индийская мера исчисления, равная 10 миллионам рупий.

— Вот это описание! — рассмеялся Бхаубааб.

— Знаешь, это было ужасно. Хозяин устроил нам экскурсию по дому. Проведя нас по, казалось, бесконечным залам, он остановился перед большим, скрытым под стеклом принтом с изображением бабочки, рядом с ним причудливым шрифтом было написано: «Сальвадор Дали». «Ха-ха… Носорог», — заметила я, надеясь, что эта отсылка к знаменитой сцене из фильма «Полночь в Париже», где Дали одержим носорогами, сможет скрыть мое отвращение. Хозяин с любопытством взглянул на меня. «Нет. Это бабочка. Картина очень знаменитого испанского художника Сальвадора Дали», — объяснил он. Прежде чем я успела ответить, вмешался мой парень: «Мистер Шах, у Сильвии есть кое-что для вас». Я потянулась к сумке и достала базилик. «Это для вас», — произнесла я. «О! Большое спасибо. Это органический продукт?» — спросил он. «Конечно», — ответила я. Позже в машине, когда мы ехали домой, мой парень спросил, почему я не подарила свечу. Я ответила, что купила свечу для дома, а не для таких дурацких дворцов, как этот. Мне стало жалко эту одинокую свечу, и я не смогла оставить ее в этом пошлом месте. С тех пор я всегда беру ее с собой, когда отправляюсь

в путешествие.

* * *

Через месяц Сильвия неожиданно спросила у Бхаубааба, можно ли ей записать его воспоминания.

— С чего бы кому-нибудь может захотеться читать мои мемуары?

— С того, что я их запишу, — нашлась с ответом она и уверенно улыбнулась.

— В тебе есть кое-что от твоего отца, — ответил он.

— Пожалуйста, обещай никогда больше такого не говорить.

Каждый день после обеденного отдыха они ставили два складных стула рядом с баобабом. Устроившись, Бхаубааб принимался вспоминать разные случаи из своей жизни, а Сильвия слушала и делала заметки. Они проводили весь день за разговорами о Танзании и Британии и с наступлением темноты возвращались домой. Они вместе готовили, и не сговариваясь, ели в тишине, прокручивая в голове воспоминания о сегодняшнем дне. После ужина к ним заглядывал Лакшми, чтобы выпить и пообщаться. Это стало обычной рутиной.

Однажды после обеда Сильвия прочитала Бхаубаабу отрывок из записанного в предыдущий день:

— Сложно передать, что я чувствовал. Когда я смотрел на баобаб с высоты моих трех футов или около того, мне казалось, что он заслоняет все небо. Его верхние ветви были словно крышей мира. Мои родители, брат и я часто ездили к баобабу, растущему недалеко от Дар-эс-Салама, на нашей развалюхе. Я ничего не помню об этих поездках, кроме того, что я стоял и смотрел на это величавое дерево и на небо, будто расцарапанное его когтистыми ветвями. Его листва никогда полностью не закрывала небо и контрастировала с его светлой голубизной. Дерево впервые позволило мне найти что-то осязаемое в этой пустоте. Отец утверждал, что дереву больше тысячи лет. Не уверен, узнал ли я об этом, когда впервые увидел баобаб, или позже, в последующие годы, во время наших регулярных поездок. Это размылось в моей памяти.

Тысячелетний возраст дерева и его высота до небес слились в бесконечность, которая вызывала у меня благоговейный трепет. Я перестал различать время и пространство. Значение дерева было для меня настолько огромным, что

выходило за пределы моего воображения. Оно казалось единственным, что было постоянным… в моей жизни. Мы регулярно навещали дерево. Кажется, из нашего дома в закрытом гоанском квартале города виднелась его верхушка. Но не уверен. Возможно, это то, что я вбил себе в голову. Издалека дерево не казалось таким внушительным, как если смотреть на него, стоя у ствола, но это не убавляло его значимости для меня. Я смотрел на него, когда ссорились родители, когда получал плохие оценки, когда терпел издевательства со стороны сверстников, жестокость брата, — баобаб всегда оставался на своем месте: непоколебимый, постоянный, вселяющий надежду.

— Убери про жестокость моего брата.

— Почему? Стоит говорить правду.

— Я не хочу рассказывать всю правду целиком. Просто опусти эту часть.

— Хорошо, — неохотно согласилась она. — А как насчет остального?

— Пойдет. Хотя, может, получится слишком романтично. А еще ты делаешь из меня язычника, поклоняющегося дереву, — с улыбкой произнес он.

— Возможно, ты такой и есть.

— Мы все такие, — к разговору присоединился Лакшми. Занятые текстом, они не заметили, как он подошел к баобабу.

— А ты на самом деле *кафир*, — резко ответил Бхаубааб.

— Эй! Кто еще? Что это вообще значит?

— Кафир — это человек, который не верит. Язычник, с другой стороны, человек глубоко верующий. У него столько веры, что ее не уместить в одного бога. Поэтому у него их много. Язычник находит бога во всей природе, в любом проявлении жизни. Он уважает змею так же сильно, как и боится ее. И не позволяет ей укусить себя.

Было сложно понять, шутит ли Бхаубааб. Но Лакшми это задело. Он было собирался развернуться и уйти, как Сильвия попыталась сгладить ситуацию:

— Лакшми, погоди! Не забывай, что у кафиров самая вкусная еда…

— Да ладно!

— Я серьезно. — Она подбежала к нему и обняла за плечи. — А ты знал, что кафреаль[15] придумали кафиры?

— Ты все сочиняешь.

---

[15] Примечания: 15
Острое блюдо из курицы.

— Вовсе нет. Блюдо пришло откуда-то из Африки… Из Анголы? — последний вопрос предназначался Бхаубаабу.

— Мозамбика, — исправил он.

— Точно. Этот африканский рецепт португальцы привезли в Гоа, переводится как «еда кафиров». Когда-то слово «кафир» использовалось как уничижительное, но именно благодаря этому оно вошло в обиход. Это блюдо африканско-гоанское, совсем как Бхаубааб. — И она рассмеялась.

Бхаубааб уже начал сожалеть о своем резком замечании и хотел помириться с Лакшми.

— Почему бы нам не приготовить кафреаль сегодня на ужин? Лакшми, останешься? Пожалуйста? — предложил Бхаубааб.

Они готовили вместе. Лакшми рубил свежий кориандр, пока Сильвия резала куриное филе кубиками, как для карри. Сильвия заметила, что Лакшми старается не обращать внимания на отсутствующий большой палец и работать без него как можно быстрее. Бхаубааб готовился измельчить масалу — положил в блендер кориандр, корицу, зеленый чили, лавровый лист, гвоздику, тмин, имбирь, чеснок и щепотку куркумы, но неожиданно осознал, что у него закончился кокосовый уксус.

— Может, заменим его лимонным соком? — спросил он.

— Нет, все должно быть так, как в рецепте, — сказала Сильвия.

Лакшми предложил принести немного из своего дома. Через несколько минут он вернулся со стаканом уксуса и бутылкой дорогого виски. Его брат, работающий в казино, приехал навестить родителей и привез эту бутылку, которая досталась ему от богатого клиента. Он отдал ее Лакшми, который вежливо попросил об этом.

Вечер получился шумным: они пили односолодовый виски, постоянно наполняя бокалы, и закусывали жареным картофелем и кафреалем. Сильвия, повеселевшая от алкоголя, сидела в кресле, подтянув одну ногу к подбородку, и о чем-то размышляла.

— Я только что поняла, насколько необычна вся эта череда событий. Перед тем как приехать в Гоа, я была в Центральной Карнатаке и писала о тысячевосьмисотлетних баобабах. Потом мне совершенно случайно попалась заметка о Тио Кадже в газете — причем в номере недельной давности. И где же я нашла своего дядю? Под другим баобабом!

Лакшми был поражен услышанным, а Бхаубааб

понимающе кивнул.

— Я не удивлен, — тихо сказал он. — Это дерево обладает непостижимой нашему уму силой.

Но Сильвия все еще была поглощена своим открытием.

— Как это возможно? В стране лишь несколько таких деревьев, и их можно пересчитать по пальцам одной руки, — сказала она.

— Всего четыре? — переспросил Лакшми, дурашливо помахав рукой без большого пальца.

Это вывело их из серьезных размышлений, и все разразились хохотом. Затем они снова наполнили бокалы виски и вскоре уже пели во всю глотку. В какой-то момент Бхаубааб обнял Сильвию и Лакшми за плечи и поцеловал обоих в щеки.

— Как же это замечательно. Мы семья. Мы дома. Я отец, это моя дочь, а этот парень — частичка моего сердца! — воскликнул он. Двое молодых людей неловко улыбнулись друг другу. Бхаубааб, не обратив внимания на их смущение, опрокинул в себя еще один бокал виски. — Кажется, я слишком много выпил. Лучше прилягу. Вы двое продолжайте веселиться… продолжайте… Талли-

хо! [16] И все такое… Спокойной ночи!

Пошатываясь, он отправился в свою комнату. Сильвия и Лакшми сидели за столом друг напротив друга, обмениваясь пьяными взглядами. Она отставила свой бокал в сторону, протянула руку и медленно обвела контур его лица указательным пальцем. Он наклонился к ней и поцеловал ее. Она обхватила его за шею и прижала свои губы к его.

* * *

Когда Сильвия проснулась в объятиях Лакшми, было уже позднее утро. Лакшми прижал ее к себе покрепче.

— Я люблю тебя, — пробормотал он, не открывая глаз.

Сильвия насторожилась:

— Что ты сказал?

— Я сказал, что люблю тебя, — ответил он и, открыв глаза, улыбнулся.

— Почему? Что случилось? — Она резко села и выглянула в окно. — Я скучаю по дому, — протяжно сказала она.

---

[16] Примечания: 16

– **Tally-ho** старинный английский боевой клич участников охоты на лис, который оповещает о том, что добыча была замечена.

Лакшми ничего не понял, но, прежде чем он успел попросить Сильвию объяснить, она встала и вышла из комнаты. Лакшми немного подождал, недоумевая от произошедшего, и только после этого отправился за ней. В дверях он столкнулся с Бхаубаабом. Они встретились взглядами, но ничего не сказали друг другу. Лакшми быстро отвел взгляд и почти сразу же отправился к себе домой.

Позже этим же утром, не обнаружив Бхаубааба в доме, Сильвия отправилась в единственное место, где, как она предполагала, могла бы его найти. Бхаубааб стоял с потерянным видом под баобабом. Она подошла к нему и молча встала рядом, устремив взгляд на те же бесконечные рисовые поля, что и он.

— Мне пора возвращаться домой, — произнесла она некоторое время спустя.

— Точно? — переспросил он, не поднимая на нее взгляда.

— Да.

После долгой паузы он сказал:

— Оставайся. Ты совсем не похожа на своего отца. — В его голосе звучало смирение.

— Я стараюсь не походить на него. Не уверена, насколько мне это удается, — сказала она, и

на ее глазах заблестели слезы. Бхаубааб обнял Сильвию.

Такси в этом районе было не очень надежным, поэтому Бхаубааб решил сам отвезти Сильвию. Он одолжил у Лакшми скутер, на котором тот больше не ездил с тех пор, как потерял палец, и высадил Сильвию на автобусной остановке в Маргао. Он купил ей билет за тридцать шесть рупий на рейсовый автобус до Васко-да-Гама. На нем она должна была доехать до аэропорта и сесть на самолет до Бангалора.

— Ой, подожди, — сказала она, прежде чем он повернулся, чтобы уйти. Она потянулась к сумке и достала свечу. — Пожалуйста, передай Лакшми.

Часть 2

Яичная скорлупа

В дождь пришел мальчик лет четырех. Его глаза слипались, но он не мог протереть их: в одной руке мальчик держал складной зонтик со сломанными спицами, в другой — три двухрупиевые монеты. Его отец — простой полицейский — вернулся со службы в десять, а дома было нечего есть. «Пять рупий за целые яйца, три за треснутые — их нельзя сварить, зато из них получается отличный омлет», — было написано на табличке.

— Сегодня нет треснутых, — сказала жена продавца яиц. Казалось, она состарилась раньше времени, а теперь хотела соответствовать своему истинному возрасту. Стук в дверь разбудил ее, но она быстро проснулась, так как ей пришлось передвигаться на цыпочках, чтобы не разбудить спящего мужа. Она пересчитала деньги в руках мальчика.

— За это ты получишь одно яйцо, а рупию оставь себе.

— Пожалуйста, тресни их, *акка*. Мне нужны два яйца. *Аббу* очень голоден.

Недолго думая, она протянула ему два яйца,

завернутые в старую газету.

— Не рассказывай никому, что они были целыми. — Она широко улыбнулась, напомнив ребенка, недавно потерявшего молочные зубы. Осторожно закрыв дверь за мальчиком, она прокралась на цыпочках к спящему мужу.

Бхагирати

Там, откуда она родом, взятки назывались куши́, что означало «радость». Такое название как будто сглаживало бесчестие поступка, к тому же ударение в слове ставилось на первый, а не на второй слог изначального слова, делая его понятным и близким местному населению. Они дали ку́ши в размере пятисот рупий служащим бюро регистрации браков, чтобы поскорее стать мужем и женой, хотя официально регистрация стоила тридцать рупий. Им не терпелось поделиться своей радостью с другими. Свидетелей было трое: отец жениха, соседка невесты по комнате и спасатель из бассейна, где они познакомились. Куши сопровождала их по жизни, пока они искали ответы и подтверждения метафизическому замешательству в компании друг друга: она по-прежнему отказывалась называть это чувство любовью. Он не возражал, главное — он ощущал его. Но это было до того, как она услышала голос. Затем они вместе похоронили своего питомца.

Бад Джексон был тем мертвецом, в честь которого назвали школу. Этот американец во время посещения деревни упал с повозки, запряжен-

ной буйволом, и разбился насмерть задолго до ее рождения. Можно только строить предположения, что этот белый мужчина забыл в таком захудалом далеком месте. Люди, приехавшие похоронить его, дали некоторую сумму денег и его портрет местному предпринимателю, которому принадлежала школа. Деньги вложили в хлопкопрядильную фабрику, а портрет повесили на стене школы, переименовав ее из «Чимнабай Горпаде Видьямандир» в «Школу памяти Бада». И так за одну ночь школа превратилась в «монастырь».

Она предположила, что он был «евангелистом из белого отребья». Разумеется, эта мысль пришла к ней уже намного позже того, как она освободилась от влияния школы. Она узнала о термине «белое отребье» только после прочтения «Унесенных ветром» в университете. Слово «евангелист» она узнала, когда кто-то на работе рассказал, как тетя его соседа была исцелена от рака человеком в белом костюме. Она научилась соединять эти два слова вместе, когда политика в стране Бада Джексона приняла неожиданный оборот (хотя некоторые псефологи и медиааналитики утверждали, что это вовсе не было неожиданностью). Это понятие, казалось, подходило ему. О Баде

Джексоне практически ничего не знали учителя и уж тем более ученики, для которых он был не больше, чем чужак с фотографии, висевшей на стене над столом директора. Кабинет директора был недоступен для посторонних, и только случайному прогульщику доводилось увидеть его изнутри. С палкой в руке строгий директор произносил свою привычную фразу: «Неужели Ганди-*джи* боролся с белыми за свободу для того, чтобы вы себя так вели? Вы никогда не повзрослеете и не поедете в Америку, если будете продолжать в том же духе!»

Когда-то Америка была для нее местом, куда она тоже мечтала попасть. Она представляла, как она прогуливается в платьях в горошек, ест яблочные пироги, лепит снеговиков и живет жизнью героев комикса «Арчи». Потом все стали уезжать туда в качестве ИТ-специалистов (интересно, сколько белых евангелистов должно было умереть и быть похоронено в Индии, чтобы способствовать этой массовой миграции?), и ее желание пропало. Тем не менее она поступила на инженерный факультет. Как и все. Что еще ей оставалось делать?

Он был очарован папоротниками — растениями, сохранившимися еще с юрского периода,

которые выжили на Земле, когда она то раскалялась, то остывала, уничтожая большинство современных видов животных. Они росли на влажных латеритных стенах домов в студенческом городке, в котором он жил. Стены давно утратили свой первоначальный коричнево-оранжевый оттенок из-за покрывающего их мха, который приобретал светло-зеленый цвет с приходом дождей, а вскоре темнел и тускнел — так было большую часть года — и в конце концов становился серо-коричневым во время недолгих засух. Из трещин и отверстий в выщербленном камне прорастали папоротники, похожие на густые клоки в бороде его отца, которые смягчали его резкие угловатые черты. Его отец был высоким широкоплечим человеком, немногословным, с глубоко посаженными глазами, которые рассеянно смотрели через очки в толстой оправе. Когда отец улыбался, его глаза еще больше впадали, оставляя в уголках изящные «гусиные лапки». Он любил своего отца. И любил папоротники.

У его отца было много поклонниц, которые начали проявлять интерес как только могли, едва закончился положенный траур по погибшей в автокатастрофе жене. Сантош был младенцем, когда это произошло, и совершенно ничего не

помнил. Мать была всего лишь улыбающимся портретом на столе его отца и нашептываемым сочувствием со стороны незнакомых людей. Однако он привык к постоянному потоку внимания, направленному на его отца. В доме всегда находилась какая-нибудь коллега или подруга родителя: вынимала из сушилки свежее белье, приносила «мальчикам» горячий обед, хвалила ребенка, пока тот делал домашнее задание, — главное, каждая женщина старалась, чтобы это все заметил отец.

Профессор Праджапати, или просто Пати — для своих друзей и приятелей, Пати-па — для Сантоша, молча принимал комплименты, не поощряя и не отвергая помощь. Многие из женщин оставались в доме — иногда неделями напролет, — но в конце концов надолго ни одна не задерживалась: им надоедало самодовольство Пати — и они освобождали место для других.

Сантош отправился учиться в жаркий и сухой соседний штат, подальше от милого студгородка, набитого папоротниками, чтобы вывести свою любовь к этому растению на академический уровень. То, что он не пошел по стопам своего отца, знаменитого профессора информатики, принадлежавшего к поколению, в котором инженеры

считались людьми науки, больше волновало окружающих, чем его отца. «Ты выбрасываешь свое будущее в окно», — остерегали они его. Он улыбался, неосознанно походя этим на родителя, и ничего не говорил. Именно во время визита домой он встретил Бхагирати, студентку своего отца.

Курс профессора Пати был единственным, который ей нравился, остальные она едва сдавала — в основном из-за своего хронического безразличия. После занятий она отправлялась к нему домой обсудить предмет. В отличие от других преподавателей, он никогда не заводил с ней разговоров об экзаменах или о рынке труда. Вместо этого их разговоры об информатике всегда плавно переходили на такие темы, как теория множеств, философия события или поэзия. Она внимательно слушала и намеренно не смотрела ему в глаза. Она молчала, лишь изредка задавая вопросы. Они до темноты сидели в плетеных креслах в его заваленном книгами кабинете, пока наконец не замечали, что никто не удосужился включить свет. Тогда профессор Пати откашливался и неловко предлагал чай, а она вызывалась приготовить его сама. После того как они в тишине пили чай, она собиралась

и, улыбнувшись на прощание, уходила. Только завернув за угол, она позволяла себе выдохнуть и расслабиться. Профессор с балкона смотрел ей вслед, смеясь в бороду.

— Ты должна познакомиться с моим сыном, — сказал он во время следующей встречи. Они обсуждали идею Томаса Куна о смене парадигм в истории науки. Важное понятие, пока корпорации не успели использовать его в своих целях, заметил он, на что она застенчиво улыбнулась. Она уже собирала свои книги, чтобы уйти, как преподаватель вдруг вспомнил про сына.

— Конечно, — ответила она уклончиво.

— Он тебе понравится. — Ему показалось, что на ее лице проскользнула тень неприятия.

— Ладно, — быстро ответила она, улыбнулась, не встречаясь с ним взглядом, и ушла.

— Запишись-ка в бассейн рядом со студгородком, — предложил Пати-па Сантошу, недавно приехавшему домой погостить. — Там дорожки длиннее.

Сантош почувствовал, что отец более растерян, чем обычно, но никак не прокомментировал это.

— Хорошо, — всего лишь ответил он.

У входа в бассейн стояла Бхагирати: она в смятении уставилась на объявление. Сантош подошел

поближе, чтобы самому прочитать его.

— Могли бы предупредить заранее, что сегодня бассейн будет закрыт на ремонт, — рассеянно произнесла она.

— Ага.

Она повернулась к нему:

— Ты, должно быть, сын профессора Пати.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя… э-э-э… его глаза, — нашлась она, демонстрируя глубокие познания для человека, который прилагал все усилия, чтобы не встречаться взглядом с профессором.

— Ты часто сюда ходишь? — спросил он, пытаясь сменить тему. — Я недавно записался по совету отца. — Сантошу показалось, что девушка переменилась в лице.

— У бассейна в студгородке странное расписание. Женщин пускают только в три часа дня, когда там нет мужчин.

— Вернее, когда мужчины не ходят туда, потому что могут выбирать более удобное время.

— Что?

— Я имею в виду резервацию[17].

— Поняла. — Теперь она смотрела на него с большим интересом.

На нем были однотонные шорты и футболка, на шее висело полотенце. На ней — пепельного цвета треники длиной до икры и персиковая футболка с каллиграфической надписью You Winsome, You Lissom[18], а в руках она сжимала пластиковый пакет, в котором, похоже, лежал купальный костюм.

Она рассказала ему о том, что узнала о мастурбации в возрасте шести лет, сидя на своем небольшом велосипеде с сиденьем размером в один фут, которое опрокидывалось назад и имело длинную металлическую перевернутую букву U в качестве спинки. Он был предметом всеобщего вожделения в ее детстве. Велосипед стоял на месте, и когда она приноровилась удерживать равновесие, то почувствовала что-то странное и приятное. Она повторяла это легкое движение,

---

[17] Примечания: 17

Система поддержки и оказания помощи меньшинствам и социально неблагополучным группам населения в Индии, согласно которой определенный процент мест в компаниях и учебных заведениях отводится для людей, принадлежащих к таким группам.

[18] Примечания: 18

Искаженная фраза *You win some, you lose some* — «Где-то найдешь, где-то потеряешь» (*англ.*).

пока не решила, что к ней пришло прозрение. Только тогда она еще не знала, как это называется. Неважно, она все равно была уверена, что общается с высшим существом.

— Секс и религия! В другое время и на другом континенте ты могла бы дать фору Доре и Анне О., — передразнил он ее.

Ей нравились его понятные далеко не всем шутки. Он признался, что никогда не скучал по матери и что потерял девственность с женщиной, которая была старше его на пятнадцать лет. Она степенно кивнула.

После этого их отношения начали развиваться по привычному сценарию — совместное чтение книг, музыка, фильмы, еда, алкоголь, секс, ссоры, — пока они не приняли решение не заводить детей. Перенаселение, истощение ресурсов, изменение климата, наследственные заболевания, экология, рост фундаментализма, ксенофобии, национализма и числа войн — причины, как они единодушно согласились, как будто прямо из дискурса антинатализма. Кроме того, она добавила, что боялась боли при родах и надеялась, что сочетание обоснований каким-то образом сделает ее более убедительной. Она попросила родителей не приезжать на свадьбу, чтобы не придавать ей

излишнее значение. Отец возмущался со слезами на глазах. Мать приняла просьбу без вопросов, как и все остальное в жизни. Отец Сантоша обнял ее во время их «пятисоттридцатирупиевой радости», и это было божественно. С тех пор как она начала встречаться с Сантошем, она стала называть его Пати-па и спокойно смотрела ему в глаза во время разговора. В роли его невестки она чувствовала себя более раскованно, чем когда-то в роли восхищенной студентки. Иногда она ловила себя на том, что смотрит куда-то вдаль и улыбается.

Пати-па отказался переезжать к ним, несмотря на их настойчивые просьбы. «Мне нравится мое одиночество», — объяснил он. Через два месяца после свадьбы он удивил молодоженов, отправившись в поход в Шола с несколькими своими самыми безрассудными студентами — к этому неспортивный пожилой профессор раньше никогда не проявлял интереса. Там, пытаясь перейти ручей, он поскользнулся на мху и сильно ударился головой о камень. Из комы он так и не вышел, и на двадцатый день Сантош попросил доктора отключить отца от аппарата.

* * *

Именно в ночь после смерти Мии они занялись любовью с той страстью, которая, казалось, пропала после первых месяцев ухаживания. Мия всегда казалась немного глуповатой, и Сантош предложил не выпускать ее из дома. Бхагирати возразила, что ей будет не хватать свежего воздуха. Кроме того, никто из них не хотел убирать кошачий лоток, поэтому Сантош уступил. С тех пор как они взяли ее из приюта тощим маленьким котенком, им не раз приходилось спасать ее из непростых ситуаций — с карниза окна на четвертом этаже, из заполненной водой канавы на стройке по соседству, с верхушки высокого дерева.

И хотя каждому из них было ясно, что однажды они могут не успеть добраться до нее, они все равно были ошеломлены и опечалены, когда нашли ее мертвой под деревом: ее яркая трехцветная шерсть была потрепанной, на шее запеклась кровь. Они положили ее окоченевшее тело в корзину и похоронили на заднем дворе. Он копал могилу киркой, а она разгребала землю.

Позже вечером, когда они молча сидели за столом друг напротив друга, Сантош неожиданно

разрыдался. Его сильные широкие плечи затряслись, он спрятал лицо за костлявыми руками, и слезы потекли по пальцам. Такая странная и по-детски наивная реакция казалась очень нехарактерной для человека, который на протяжении всей своей жизни проявлял исключительную твердость и стойкость даже в момент смерти близкого. Бхагирати обняла его, и он признательно прижался к ней.

Сантош устроился доцентом на кафедру ботаники в престижном университете — работа настолько ему подходила, что трудно было представить его без нее. Благодаря ей появился дом с высокими потолками, красным терракотовым полом и просторным заросшим задним двором. Хотя здесь не было папоротников, он чувствовал себя как дома.

Бхагирати, напротив, потеряла три рабочих места — одно за другим. Новую работу она решила искать не по своей специальности: карьера инженера ее, в общем-то, не интересовала. Она участвовала в движении по защите окружающей среды и поэтому обратилась в неправительственную организацию, которая занималась обеспечением доступа к безопасной воде в засушливых районах, и ей предложили должность

младшего менеджера по проектам. Единственно очевидным в названии этой должности было то, что она гарантировала небольшую зарплату. Идеализм Бхагирати помогал ей справляться с самыми неприятными задачами — рассылать приглашения высокопоставленным гостям на конференции, встречать их в аэропорту, оставаться после их выступлений, чтобы убрать проекторы и микрофоны. И именно идеализм заставил ее уволиться, когда ее попросили заказать минеральную воду для оценщиков, отправляющихся в деревни по заданию.

Затем она присоединилась к команде по связям с общественностью в неправительственной организации, которая работала с женщинами и детьми. Поначалу все шло хорошо, и она подружилась с одной из своих коллег, которая была примерно одного возраста с ней. Радуясь дружбе, Бхагирати втайне возмущалась беззаботностью своей коллеги, но успешно скрывала это. Она одновременно испытывала восхищение и зависть. Одна из причин этого заключалась в том, что, в отличие от нее самой, эта коллега изучала гуманитарные науки в университете. «Этим Сандрам

из Бандры[19] вечно везет: им разрешают изучать язык и литературу, а не пихают на дурацкие курсы профессиональной подготовки», — делилась она с Сантошем, стараясь делать вид, что ее это не сильно задевает. Другой причиной зависти было то, что ее коллега называла работу не более чем источником дохода и не относилась к ней слишком серьезно, в то время как Бхагирати с большим трудом удалось найти место. Бхагирати впервые столкнулась с таким легким отношением к жизни. Она, как и ее коллега и друг в одном лице, хотела относиться к людям и делам с некой отстраненной объективностью, но не знала, как это сделать. Когда сотрудники отдела по связям с общественностью устроили вечеринку в честь получения финансирования, которое они выиграли на один проект от трех разных организаций, Сильвия решила, что провела там достаточно времени и ей нужно уволиться и заняться своими делами. Бхагирати уволилась с ней заодно, продемонстрировав несравненно бóльшее лицемерие.

Сантоша немного повеселил ее уход с первой работы и немного более обеспокоило, когда она ушла со следующей. «Может, стоит хорошень-

[19] Примечания: 19
Типаж девушек болливудских фильмов.

ко подумать, прежде чем выходить на другую работу?» — уточнил он. В третьей организации, лоббирующей обязательный сбор дождевой воды во всех новостройках штата, не было слишком большого разрыва между ее представлениями и реальностью, и она с радостью присоединилась к команде, занимающейся сбором данных для краудсорсинга. Но когда озеро из дождевой воды начало бурлить и в нем погибла вся рыба, она точно знала, что надо уходить.

Ее отправили домой на такси, когда она с кулаками набросилась на коллегу за то, что тот утопил идола Ганеши в местном пруду. Коллега не стал привлекать ее к ответственности, но начальник настоял на том, чтобы Бхагирати взяла отгул. Именно тогда она завела речь о ребенке. Сантош отвел ее в консультационный центр на территории университетского городка, который создали после серии самоубийств среди студентов. Консультант посоветовал отдохнуть и отвлечься, а также начать принимать витамины. Через две недели Бхагирати вернулась на работу.

За этим последовали три беспечных месяца. Но однажды она забыла выйти из бассейна. Спасатель, знавший ее как отличную пловчиху, оставил ей ключи, чтобы она закрыла помеще-

ние, так как она обычно уходила в конце дня, после студентов. Когда она не вернулась к ужину, Сантош отправился на поиски. Он нашел ее лежащей на спине в мелкой части бассейна. Свет был выключен, и когда он увидел, что ворота открыты, то приготовился к худшему. Гвоздик в ее брови замерцал при свете фонарика.

Ее физическое состояние не было таким уж плохим, если не считать ладоней и ступней, которые размякли и сморщились, и простуды, которая продержалась целую неделю. На этот раз они отправились искать помощи за пределами университетского городка. Психиатр в заведении с отголосками империалистического прошлого — с нежно-белыми стенами и пастельно-зелеными обрамлениями — отказался поставить диагноз.

— Такое состояние легко классифицировать, и можно на этом остановиться. Но диагноз может стать стигмой — бременем, которое придется нести всю жизнь. Я думаю, что мы сможем совершить прорыв, обнаружив логику, управляющую альтернативной реальностью, в которую она погружается. К тому же все не так плохо, как вы думаете. Я уверен, что когнитивно-поведенческая терапия поможет, — заверил он спокойным и обнадеживающим голосом.

Бхагирати перестала ходить на работу. Два раза в неделю она отправлялась на терапию, и, кажется, та помогала. Кроме того, Бхагирати записалась на курсы йоги и усердно их посещала. Она увлеклась готовкой и постоянно пробовала разные блюда и рецепты. Она стала выращивать овощи на заднем дворе, из раза в раз сражаясь с Мией, которая выкапывала морковь. Бхагирати устраивала небольшие вечеринки для студентов-ботаников Сантоша, угощая их невегетарианскими закусками и шутя, что они, вероятно, предпочитают не есть объекты своих научных исследований. Время от времени она вскользь упоминала о детях, но Сантош не придавал этому значения. В конце концов ее общее состояние было как никогда бодрым. Потом Мия умерла, и Бхагирати забеременела.

* * *

Когда Сантош узнал об этом, он одновременно рассердился, смутился и испугался.

— Разве мы не договаривались не делать этого? — спросил он.

Она смотрела на него с некоторым снисхождением, пряча в уголках губ легкую улыбку. Но это только разозлило его:

— Что с тобой не так? Откуда взялось это поборничество за жизнь?

— Я за выбор, — ответила она спокойно и уверенно. — И это мой выбор.

Ее психотерапевт отметил, что она уже долгое время пребывает в стабильном состоянии (будучи авторитетным специалистом по психическим заболеваниям, он никогда не использовал слово «нормальный») и он не видит причин, препятствующих ее материнству.

— Но мы решили, что родительство не для нас. Мы обсуждали это до свадьбы. Это было здравое и взвешенное решение. Это совсем не похоже на нее, доктор. Это ненормально. Она пытается обвести вас вокруг пальца! — прокричал Сантош.

— Сантош, нет ничего ненормального в желании стать матерью, — сказал психотерапевт самым что ни на есть профессиональным тоном.

Сантош отказался от попыток разобраться, что происходит, и с головой погрузился в работу. Все свое время он проводил в университете — на занятиях или готовясь к ним у себя в кабинете. Он перестал приглашать студентов домой. Возвращаясь очень поздно, он сразу же отправлялся в свою комнату и работал над постдокторским исследованием. Бхагирати, напротив, все больше

излучала радость и энергию, и ее беременность напоминала кадры из кинофильма. Скачки гормонов, тошнота, тяга к разной еде, усталость, перепады настроения — все привычные проблемы беременности обошли ее стороной. Она с такой радостью готовила и убирала, что это удивило бы любого, кто знал о ее прежнем отвращении к обязанностям по дому. Но Сантоша уже было не удивить, и он почти не замечал ни сияющей чистоты, ни свежих цветов на рабочем столе, ни изысканных блюд, которые она подавала к столу изо дня в день.

Однажды Бхагирати тихонько постучала в дверь его кабинета: «Время пришло». Не было ни одышки, ни паники, ни тревоги, ни трудно переносимых схваток, которые заставили бы ее сияющее лицо искривиться. Он отвез ее в больницу и остался ждать у родильного зала. Она отказалась от эпидуральной анестезии и была решительно настроена на естественные роды. Через полчаса его пригласили войти. Врачи и медсестры не могли перестать поражаться, с какой легкостью все произошло. Она лежала на кровати с широкой улыбкой на лице. И лишь несколько прядей волос, прилипших к телу, свидетельствовали о том, что она прошла через

родовые схватки. Рядом с ней в люльке лежал младенец, завернутый в мягкое белое одеяльце. При взгляде на него что-то зашевелилось внутри у Сантоша. Он отвернулся, вытирая слезу.

* * *

Она была одета в струящийся белый шелк. Ткань была расшита белоснежными нитями, что придавало ей более богатый вид, не нарушало первозданную белизну. Блузка без бретелек — обтягивающий топ — прикрывала ее стройную грудь, которая и без бюстгальтера была невероятно упругой. Нижняя часть одеяния — дхоти [20] — начиналась чуть ниже пупка, оставляя его неприкрытым, как и тонкую талию и плоский живот. Свободное дхоти подчеркивало ее подтянутые бедра и икры. Белое одхани [21], не прикрепленное ни к какой другой одежде и почти не скрывавшее тела, свисало с плеч, развеваясь на ветру. Ее руки, обнаженные, если не считать

[20] Примечания: 20

Традиционная мужская одежда народов Южной и Юго-Восточной Азии — длинная прямоугольная полоса ткани, оборачиваемая вокруг бедер, один конец которой пропускают между ногами и завязывают на узел.

[21] Примечания: 21

Часть традиционного костюма женщин Индии — кусок ткани, которым они покрывают голову и плечи, обычно украшенный по краям.

браслетов из цветов жасмина на запястьях, были длинными и тонкими. Ее блестящие черные волосы роскошным каскадом ниспадали до бедер. Бхагирати была выше, стройнее, бледнее, с более мягкой кожей и тонкими чертами лица, чем когда-либо. Как будто и не было родов. Она выглядела один в один как персонажи комиксов «Амар Читра Катха»[22].

С огромного валуна она наблюдала за спокойным течением реки. Он последовал за ней, услышав короткий вскрик ребенка и негромкий звук всплеска. Он стоял, наполовину укрывшись в зарослях папоротника, и смотрел на нее; на его лице читалась покорность, грозившая вот-вот перейти в отчаяние. Она повернулась и улыбнулась ему:

Текучая, я не знаю норм —
То ледяная, то обжигаю,
Взаимностью отвечаю,
Твою заботу в себе заключая.

Он сел и беззвучно заплакал.

В водах моих омытый, чист ребенок

[22] Примечания: 22

Издательство комиксов, часто прибегающее к стереотипному изображению женской красоты.

мой,
Место его уготовлено в жизни другой:
Будь то бунтарь или вор скота,
От всех грехов он чист.

Он не поднял на нее взгляда.

Костоправ

Он перечислял преимущества медицины деси[23] в противовес аллопатической — капиталистической афере, фармацевтическому заговору, изолированной и нехолистической идеологии лечения и так далее и тому подобное, пока она пыталась сосредоточиться на дороге. Он поскользнулся на битых яйцах и попытался предотвратить падение левой рукой. Рука вывернулась под его весом, и раздался треск. Предплечье припухло, и казалось, что у него под кожей образовалось крупное яйцо с двумя желтками. Она остановилась у вывески, чтобы уточнить дорогу, но, выглянув из окна, поняла, что это не понадобится. Дом костоправа был самым большим из *пакка* домов в деревне. У входа был припаркован внедорожник грязно-белого цвета, как ей и говорили.

Он был костоправом. Его отец и дед тоже были костоправами. Как и его отца, его называли Ганди-тата — дедушка Ганди, и те немногие люди в

---

[23] Примечания: 23

В переводе с индийских языков значит «деревенский». Здесь используется в значении «традиционная медицина».

деревне, которые знали его настоящее имя, забыли его, как только он начал заниматься костями. Толстый брезентовый коврик, доставшийся ему от деда, обозначал место в однокомнатной хижине, где он вправлял кости. Когда-то коврик был белым, но ему он уже достался цвета слабого кофе со множеством более темных пятен. И хотя он каждую неделю тер его едким мылом, коврик всегда выглядел грязным.

Он сидел на этом коврике, как это до него делали его отец и дед, скрестив ноги. Правой рукой он массировал левую ступню — точно так же, как это делали и они. За эту позу его отец получил прозвище Ганди-тата. Хотя дед тоже сидел в такой же позе и он был современником Ганди, никому не приходило в голову так его называть: никто не знал привычной позы Ганди. Только после того, как в газетах опубликовали статью с фотографиями, посвященную отличиям людей в разных регионах Индии, кто-то догадался сравнить кого-то с этим известным деятелем. Так вместе с ковриком он унаследовал титул и прозвище Ганди-тата, костоправа, несмотря на то что был слишком молод, чтобы называться дедушкой.

Каждое утро в простой обстановке своей

скромной хижины, с палочками благовоний и рассыпанными горстями свежесобранного жасмина, он молился перед целым рядом портретов на стене. Портреты богов и богинь в разных роскошных нарядах и украшениях тоже достались ему по наследству, он лишь добавил фотографии политических лидеров. Он гордился тем, что они принадлежали к его касте. После небольшого обряда поклонения он усаживался на коврик перед своим небольшим деревянным сундуком, одновременно служившим столом, и ждал посетителей. В сундуке хранились ступка и пестик, чаши с зелеными пастами из секретной травы, которую он каждый вечер измельчал, чтобы использовать на следующий день, маленькие бамбуковые палочки, полоски ткани и лоток яиц.

Ганди-тата, не отличавшийся разговорчивостью, любил рассказывать одну и ту же историю своим пациентам и не уставал повторять ее:

— Давным-давно жил-был король. Народ его очень любил, но он был довольно застенчив и ограничил контакт с людьми короткой аудиенцией, во время которой восседал на высоком троне, чтобы его было плохо видно. Его никогда не видели без тюрбана, который он натягивал почти до

самых ушей. Совершенно никому не доводилось видеть его без тюрбана. Даже королева, которая после нескольких неудачных попыток заставить его снять тюрбан в отчаянии сбежала от него и обещала никогда не возвращаться. Но было одно исключение — личный цирюльник короля. И что же предстало перед глазами цирюльника, когда тот размотал длинную полосу ткани с головы короля? Ослиные уши! Длинные, сужающиеся кверху пластинки — серые с наружной стороны, бледно-розовые внутри, с тонкой паутиной вен, — которые никак не могли принадлежать человеку. Когда у короля выросли уши? Родился ли он с ними? Или они появились у него в юности? Никто не знал. Цирюльник, который каждую неделю приходил, чтобы сделать королю массаж головы, подровнять усы, бороду и подстричь волосы, поклялся под страхом смерти никому не рассказывать об этих ушах. Он сохранял эту тайну на протяжении многих лет, но однажды почувствовал, что должен как-то снять с себя эту ношу, иначе ее тяжесть раздавит его до смерти. С этой целью он отправился в лес, глубже, чем осмеливались заходить пастухи и охотники, и там, обхватив руками ствол большого дерева, стал повторять: «У короля уши осла, у короля уши

осла». Произнеся это сотни раз, он почувствовал, что освободился от мучительной тайны, и отправился домой с ощущением легкости и радости на душе.

В те времена границы королевства расширялись и постоянно вырубались леса, чтобы удовлетворить его потребности. Вскоре начали вырубать даже самые высокие деревья в густой чаще: требовалось место для садов с фонтанами и статуями. Некоторые деревья шли на изготовление барабанов табла. Но табла из них издавали только один тал — восьмиударную кахарву! Что бы ни пытались набивать пальцы, получалось сплошное «у — ко — ро — ля — у — ши — ос — ла». Так тайна стала известна всем.

В завершение рассказа костоправ заходился искренним смехом. После этого он отделял яичный белок, чтобы смешать его с травяной пастой — смесь наносилась на сломанную конечность, прежде чем прикрепить к ней тонкую бамбуковую палочку для поддержки и повязать на нее полоску белой ткани. Его пациенты, слишком страдающие от боли, чтобы веселиться над забавными историями, чаще всего не реагировали и просто закусывали губу, чтобы выдержать скручивание и перевязывание, которым они

подвергались.

В сельской общине, где люди обрабатывали землю своими руками, переломы костей не были редкостью. И настойчивый отказ костоправа брать плату за свои услуги раздражал его жену. После рождения сына, несмотря на громогласные протесты родственников, как близких, так и дальних, ей перевязали маточные трубы. «Это я пашу как мул на чужой земле, чтобы кормить нас два раза в день *мудде* и *саару*. Сколько приносит домой этот негодный муж со своего костоправства? Эти нахалы не платят даже за палки, которые он покупает для перевязок. Иногда ему самому приходится давать пациентам несколько рупий. Пустая трата хороших яиц! При всех советах не принимать моринги во время восстановления, думаете, хоть кто-нибудь из них поделился с нами ненужной моринги? Халявщики! Он им и слова не скажет. А кто будет кормить рожденных детей? Вы?» — кричала она на родственников. То ли их отпугнула ее громкость, то ли ее рассудительность, но они больше не приставали к ней.

Костоправ владел небольшим участком земли в два акра, который после нескольких попыток возделывания так ничего и не дал. В то время как на чужих землях росли *рааги*, кукуруза, кокосы,

кислые и волокнистые манго для солений, редис, амарант, пажитник и моринга, его участок оставался бесплодным, как невеста после менопаузы. Он находился на холме, и вода здесь никогда не задерживалась. Но это было еще не все. В один год небольшой урожай рааги, выделявшийся, как хвост хилой лисицы, съела саранча; в другой початки кукурузы сочно налились, но зерна в них не было; затем начался пожар, обошедший все остальные участки. И это не прекращалось. Тогда они пришли к единственно возможному выводу: его земля была проклята. После того как *пуджа*, во время которой в жертву были принесены два больших жирных барана, которыми они накормили всю деревню, не сняла с него проклятия, он просто сдался и вернулся к костоправству. Его жена продолжала работать не покладая рук, чтобы прокормить семью из трех человек.

Затем пришло известие, что в рамках проекта нового правительства «Асфальтовый алмаз» через их деревню проложат дорожную магистраль. Что и произошло. Землю быстро оценили и продали государству. Поскольку все жители деревни принадлежали к той же касте, что и политический лидер, представляющий их интересы, он помог им справиться с бюрократическими

проволочками и позаботился о том, чтобы они вовремя получили свои деньги. Жителям деревни не терпелось поскорей избавиться от своей земли и купить дома в городских трущобах. Но поскольку участок Ганди-тата начинался как раз там, где заканчивался асфальт, то его не купили. Его земля уже давно не приносила ему ничего, кроме опасений и разочарований, и Ганди-тата едва придал значение очередной неприятной новости.

Когда приехали инженеры, они поняли, что его участок находится как раз в том месте, где дорога должна изгибаться и спускаться с обеих сторон, и поэтому лучше всего подходит для стоянки их тяжелой техники. Бульдозеры, гудронаторы, катки, грузовики и бесконечное количество фур с камнями, цементом и прочим парковались на его земле. Ему платили аренду, исчисляемую лакхами[24] рупий в месяц. Работа заняла несколько лет, и, поскольку его участок находился в самом центре двухсоткилометрового отрезка, компания, получившая контракт на строительство магистрали, еще долго-долго парковала здесь свою технику и машины.

---

[24] Примечания: 24
В Индии единица измерения, равная 100 тысячам.

За месяц костоправ заработал больше денег, чем три поколения его семьи за всю их жизнь. За полгода он накопил на внедорожник «Скорпио» белого цвета, который из-за работ к вечеру становился пыльно-красным. По утрам ему приходилось вычерпывать воду ведрами из недавно вырытой скважины, чтобы помыть машину.

На месте хижины он построил дом с тремя просторными комнатами квадратной формы и выкрасил стены в золотой цвет. В комнате в задней части дома, где он вправлял кости, находился его домашний алтарь, который теперь был из позолоченной латуни, а на смену сундуку явился стол со стеклянной столешницей. В комнате стояло большое вращающееся кресло, покрытое полотенцами *тхарки*, на котором он сидел прямо, а не скрестив ноги. В шкафу хранились палочки, мази и прочие принадлежности. Теперь у него даже появился рентгеновский аппарат. В нем разбирался его племянник, вернувшийся в деревню из города, куда переехали его родители, продав землю правительству. Юноша провалил экзамены в десятом классе и оказался в непростой ситуации. Его застукали, когда он подглядывал за женщинами, и с тех пор он терпел побои от ревнивых мужей и заботливых отцов соседских

девушек. Родители решили, что ему лучше вернуться в деревню, где под присмотром теперь уже состоятельного дяди он мог освоить новое ремесло. За рентген Ганди-тата брал деньги. Он протягивал снимки посетителям и показывал им, где именно сломана кость, хотя раньше в этом не было надобности.

В соседней комнате стоял большой плоский телевизор, по которому он смотрел новости — каналы эпатажной желтой журналистики с ее сенсационностью вещали день и ночь. Больше всего ему нравились репортажи с места преступлений в прайм-тайм. Если пациенты приходили в это время, их провожали в «костоправную» комнату, где им приходилось дожидаться его на пластмассовых стульях. Он сидел перед телевизором и не обращал внимания на проходящих мимо него пациентов.

Он по-прежнему не брал с них денег за лечение переломов. Но теперь они кланялись ему, прикасаясь к его ногам, приносили овощи, дикий мед, курицу или спиртное в тетрапаках. Он не дотрагивался ни до одного из них. Даже не смотрел на них. Они оставляли свои дары на полу, где их подбирала его жена и относила в третью комнату — в спальню. Она продолжала готовить

на открытом огне на заднем дворе: ей не хотелось современную кухню — задымленную и тесную. Старый брезентовый коврик был куда-то убран, и пациентам больше не доводилось слушать историю о короле с ослиными ушами.

Потом их единственного сына переехал бульдозер. Жене тут же развязали маточные трубы, и после трех выкидышей женского пола на свет появился желанный наследник, а потом еще один. На этот раз они решили завести двоих детей, на всякий случай. Она уже давно перестала обрабатывать землю.

Рядом с портретами божеств висела фотография Ганди-тата, на которой он позировал с самым видным политическим лидером своей касты, который сейчас занимал должность важного министра.

На углу улицы под большим баньяном раньше находилась шиномонтажная мастерская. В грязи возле маленького деревянного сарая рядом с шинами для грузовиков была воткнута вилкообразная палка, на которой висела автомобильная шина с горящей лампочкой, чтобы привлечь внимание к мастерской. Деревянная вывеска с надписью «Бхарат шиномонтаж», выведенной от руки белыми буквами разного размера, была

едва заметна днем и совсем не видна ночью. Зато был виден полумесяц света, отражающийся от внутреннего изгиба шины, и яркая лампочка, издалека сияющая, словно звезда. Как и у большинства владельцев мелкого бизнеса в деревне, с началом дорожных работ дела у шиномонтажа пошли в гору. И всех удивило, когда по просьбе Ганди-таты владелец мастерской в одну ночь собрал сумку и покинул город.

Освободившееся место теперь занимал большой рекламный баннер. В центре было написано курсивом «Ганди-тата — костоправ», а ниже более мелким шрифтом — «100 %-й результат». Кроме того, на баннере были изображены беззубый улыбающийся Махатма Ганди, суровое лицо самого костоправа и два льва, нападающие друг на друга, а также крупная красная роза в каждом углу листа.

Костоправ не обращал внимания на Сильвию, пока крутил и выворачивал руку ее мужа, чтобы определить место перелома. Его жена заглянула к ним из соседней комнаты и с подозрением уставилась на женщину с распущенными волосами и в брюках. Закончив перевязывать руку, костоправ сказал:

— В течение месяца вам нельзя есть куриные

ножки, сэр. — На мгновение перевел взгляд на Сильвию, но, вернувшись к ее супругу, с улыбкой спросил у него: — Знаете ли вы историю о короле с ослиными ушами? Давным-давно…

Оленина

После пятнадцатиминутного перерыва звон и стук снова продолжились. Шайла попыталась заглянуть за стену, отделяющую задний двор ее дома от дома Рукмини. Она ничего не увидела, хотя шум не прекращался. Прошло немало времени с тех пор, как Рукку была одержима в последний раз, и на этот раз неистовый дух, вселившийся в ее тело, казалось, наверстывал упущенное. В невнятице ее криков можно было разобрать отдельные фразы, в основном ругательства на языке дакхни. *«Аан-де… соб харам хоран-ку маар'к сата-тун!»* — неистово кричала она не своим голосом. Шайла представила, как Рукку, должно быть, с пеной у рта бьется в конвульсии, похожей на эпилепсию, как в тот раз, когда она однажды видела ее в таком состоянии. Наверное, она делает перерывы между припадками, чтобы швырять кастрюли и сковородки в стену и проклинать свою мать.

Когда несколько месяцев назад Шайла и ее муж Суджит переехали в деревню из города и обнаружили, что дочь хозяина дома одержима демонами, они попытались помочь, настаивая

на том, чтобы он обратился за помощью к психиатру. Но хозяин дома с женой совершенно не хотели заниматься своей шестнадцатилетней дочерью, правда, простили городским пижонам их возмутительное предложение.

— Вы только послушайте: отвезите дочь в психушку! — делилась мать с прикованной к постели бабушкой. — Чтобы мою дочь заковали в цепи и били током по голове, чтобы она всю жизнь пускала слюни?! Кто же тогда на ней женится?

— Оставь их в покое. Они хотят как лучше, — сказала миролюбивая старушка. — Таковы городские жители. Мальчик ведь из Кералы или откуда-то рядом, не так ли? А у нее фамилия Хирематх. Кто бы допустил такой брак здесь?[25] Интересно, что на это сказали ее родители. В наши дни дети, посещавшие школу, даже не спрашивают разрешения родителей на брак. Но мальчик хороший, он… очень вежливый.

— Я даже не могу выговорить его полное имя, — сказала мать Рукку, не понимая, что хитрая старушка сменила тему на более легкую, напоминающую скорее сплетни, зная, что ее невестка

---

[25] Примечания: 25

Керала — католический штат. Хирематх — популярная фамилия среди лингаятов, последователей Шивы, не принимающих положения индуизма.

не устоит перед этим. — По крайней мере Суджит — это индусское имя. Хотя могу себе представить, что индусы в Керале совсем не похожи на нас.

— Надо будет как-нибудь пригласить их на обед. К нам все равно больше никто не ходит. Вроде бы мы брамины, а живем как изгои. — Голос пожилой женщины дрогнул, когда она произносила последнюю фразу.

Жители деревни действительно избегали семейства Кулкарни. Их не навещали и не приглашали на мероприятия других браминов в деревне. Шайла Хирематх и Суджит Джейкоб Каниямпарабил снимали у них жилье. Пара познакомилась и поженилась в Бангалоре. Проведя там первые несколько лет отношений, как и любая другая пара, работающая в сфере информационных технологий, они решили, что им надоели пробки, грязный воздух, бесконечные угрозы городских властей вырубить еще больше деревьев, которые стихали после протестов жителей, а затем опять появлялись в связи с новым планом развития, — в общем, им надоело то, что они когда-то считали привлекательным. Суджит искал утешение в уходе за садом на террасе и лелеял детские воспоминания о поездках на каучуковую плантацию своего дяди в Ваяна-

де. Склоны холмов покрывал каучук, а долины — рисовые поля, и ему доставляло большое удовольствие работать с фермерами по щиколотку в грязи. Постепенно в его голове зародилась мечта стать фермером. И Шайла разделяла его желания. Вместе они выискивали в интернете многочисленные истории успеха после возвращения в деревню и смотрели видеоролики о том, как инженеры, ставшие фермерами, внедряли простые технологии для автоматизации сельскохозяйственных процессов. Они продали машину и всю мебель, которая у них была, и свели свое имущество к нескольким чемоданам с одеждой и книгами.

Пожив в разных местах, они прибыли в Канас, который находился недалеко от места, откуда была родом семья Шайлы. Жить становится проще, если уехать из города в деревню, где не говорят на вашем языке. Их непривычное поведение быстро списывают на особенность региона, из которого они приехали. Большинство отличий прощают или не замечают и в худшем случае с ними обращаются как с чужестранцами. Но стоит им начать говорить на языке этого места, они тут же перестают быть другими. Как только их принимают за своих, они невольно становят-

ся объектами осуждения, их распределяют по кастам и их городская инаковость привлекает к себе всеобщее внимание. Шайла очень этого опасалась. Она выросла в Дели, но Канас находился в регионе, где жили ее предки. У нее были близкие отношения с отцом. Хотя он всегда поддерживал любой ее выбор, отец настороженно отнесся к переезду его очень привыкшей к городу дочери в деревню. «Все не так идеалистично, как ты себе представляешь, *танги*. Там тебе будет не по себе», — пытался он предупредить ее. Но он знал, что она слишком упряма в вопросах, касающихся Суджита, и в конце концов перестал пытаться переубедить дочь. Вместо этого он заверил ее, что поможет, если им что-нибудь понадобится. Он договорился с родственником, что по хорошей цене они получат в аренду участок земли в Канасе площадью четыре акра.

На участке не было дома, и, пока они строились, им пришлось искать жилье в деревне. Шайла боялась оказаться в густонаселенном лингаятами районе. Хотя, представляясь людям, они решили отказаться от Джейкоба в имени Суджита, она опасалась, что долго скрывать их межрелигиозный брак от «ее людей» не получится. Поэтому, когда они узнали, что у семейства Кулкарни есть

свободный дом, находящийся немного в стороне от нагромождения домов браминов и окруженный поселениями мусульман, они тут же решили снять его.

Недуг Рукку не был единственной причиной, по которой жители деревни обходили Кулкарни стороной. Одержимость не вызывала особого удивления в месте, где истории о привидениях витали в воздухе, как вездесущая красная пыль, поднимаемая с полей суховеями. Большинство домов в деревне были очень старыми и служили многим поколениям одной семьи, которые рождались, жили и умирали в них. Кладбище лингаятов, еще недавно находившееся на окраине деревни, теперь входило в ее черту. Земля, на которой оно находилось, была отвоевана знатным лингаятским семейством Банаджига для строительства довузовского колледжа в память о недавно ушедшей из жизни вдове Гуравве Гурсиддаппе Баликае. Но «мертвые» выторговали себе хорошие условия: их могилы оставили, а для строительства колледжа вырубили только несколько тамариндовых деревьев.

Люди продолжали умирать, и их трупы хоронили на территории, которую теперь называли кладбищенским колледжем. Вскоре и колледж

получил это название. Преподаватели делали перерыв на чай, когда шум барабанов и петард, сопровождающих похоронный кортеж, мешал им читать лекции, и ждали окончания ритуала, прежде чем продолжить занятие. Когда умерших со скрещенными ногами, которые были усыпаны цветами, доставляли на носилках на кладбище, казалось, они кивали в знак искреннего согласия с тем, что здесь, на неровной земле, будет их место упокоения. Постепенно студенты преодолели свой страх перед мертвыми. Некоторые даже подшучивали над болтающимися головами трупов, вызывая сдержанный смех у подростков. Те набрались храбрости и стали повторять это действие, которое мертвецы выполняли не по своей воле, и таким образом постигали метафизику жизни. Кролик всегда находится на волоске от смерти.

Позже они собирали монеты, разбросанные скорбящими вокруг свежих могильных холмиков, и покупали себе на них сигареты и сладости. Таким образом, финансово-экономический колледж ненароком учил философии деревенскую молодежь. Самой заметной была погребальная церемония лингаятов, хотя неподалеку находились и мусульманские захоронения, а внизу у

ручья стоял крематорий браминов.

* * *

Когда однажды Рукку откинула голову назад, ее глаза запали, а тело начало странно дергаться, ее семья точно знала, что делать. Они отвели ее к *ачаря*, который разжег огонь, бросил в пламя рис и киноварь, а также другие предметы, пробормотал мантры, окропил ее святой водой, и дух покинул ее. Конечно, не это стало причиной того, что их сторонятся. На самом деле все в деревне сочувствовали им, хотя и не показывали этого: такое могло произойти с каждым. Но через месяц дух вернулся, и, поскольку Рукку была студенткой кладбищенского колледжа, семья задумалась, не призрак ли это лингаята, раз мантры священника-брамина оказались недостаточно сильными для духа, напитанного чесноком. Они отвели ее к старейшине лингаятов, владеющему оккультными ремеслами, который, строго обращаясь с духом, настойчиво повторял, чтобы тот убирался, до тех пор, пока Рукку не потеряла сознание. Он дал ей мешочек со святым пеплом и амулет и отправил с заверением, что она исцелена.

Но в следующее новолуние она снова стала одержимой, и, когда она начала ругаться на язы-

ке дахни, семья поняла, что их худшие опасения сбылись. Они тайно отвели ее к Хусейнсаабу в Гол Гумбаз — мавзолей с куполами-близнецами, — тот положил ей на голову тяжелый камень и приказал держать его. Рукку стояла с пунцовыми от ярости глазами, пока он развеивал вокруг нее фимиам и хлестал ее веером из павлиньих перьев. Через час такой терапии Рукку уронила камень и обмякла. Хусейнсааб в оцепенении сел и заговорил с ней: *«Кон туме? Кон каря? Кявн? Ран-део джао туме… джао… Джате-ки-най? Джате ки НАЙ? Кя хона тумна?»*

Было не слышно, что она отвечает, но Хусейнсааб внезапно отшатнулся, словно отброшенный огромной силой, и медленно начал приходить в себя. Он вынес свой вердикт: «Да. В нее действительно вселился дух одного из наших людей. Самый страшный из всех, кого мне когда-либо доводилось встретить. Так просто он не уйдет. Враги привязали его к дереву и оставили умирать от голода. Он просит, чтобы его накормили. В следующий раз, когда она будет одержима, дайте ей баранину. Насытившись, он сам уйдет». Насыпав еще порошки, вручив амулеты и предупредив, как не разгневать духа, он отправил их домой. Родители были полны решимости сохранить

все в тайне, но жена Пинджаара Пакираппы, к которому они отправились в поисках запретной пищи для голодного квартиранта тела их дочери, оказалась очень болтливой. Вскоре известие о том, что дочь Кулкарни питается бараниной, разлетелось по всему Канасу и поползли слухи.

Последние тесно связаны с ересью. Так, если одержимость демоном другой веры еще можно было простить, то нарушение пищевого табу привело к тому, что семью стали избегать в деревне. После многочисленных косых взглядов соседей и отказа пустить в священный *матха* на церемонию *арадхани* отец Рукку решил перевезти всю семью — сына, дочь, жену и престарелую мать — из общего семейного дома, который они делили с двоюродными братьями в густонаселенном квартале браминов, в новый дом на окраине деревни. Несколько лет назад он предусмотрительно купил недорогой участок земли и построил на нем дом. Он планировал сдавать его в аренду, чтобы иметь доход, так как собирался уйти на пенсию с должности служащего в «Грамин-банке». Дом был поделен на две крошечные квартиры, расположенные впритык друг к другу, как спичечные коробки, — каждая с одной спальней, прихожей и кухней, а также с выходом на задний двор,

который был отделен от соседского невысокой стеной. Квартиранты недавно съехали, и семья заняла одну из них.

Пинджаар Пакираппа продолжал привозить Кулкарни пряное карри из баранины. Ему доставляло большое удовольствие вносить разнообразие в свои поставки. «Сегодня я приготовил красный соус. В следующий раз принесу зеленый». Кулкарни не обращали внимания на цвет — лишь бы дух, вселившийся в их дочь, был доволен и оставил ее в покое на ближайшие две недели.

Во второй квартире никто не хотел селиться. Поэтому, когда Шайла и Суджит попросили сдать ее, Кулкарни были приятно удивлены и не стали приставать с лишними вопросами. Когда Шайла сама рассказала, что иногда готовит невегетарианские блюда, они, казалось, не стали беспокоиться о том, что их дом будет осквернен еще и соседями. Но однажды мать Рукку из неудержимого любопытства окликнула Шайлу через стену на заднем дворе:

— Я знаю, что Суджит из Керала. Но ты Хирематх, не так ли? Как ты можешь не быть вегетарианкой?

— Нет, тетушка-*ри*, меня воспитали вегетариан-

кой. Но в университете я стала есть мясо птицы и морепродукты. Мои родители не возражали. Суджит же никогда не был вегетарианцем.

— Из какой он касты?

— В Керале все едят мясо, — уклонилась Шайла от вопроса.

Тетушка была довольна тем, что соседка хорошо кормила своего мужа, но ее продолжало терзать любопытство.

— Значит, ты ешь баранину и тому подобное? — не сдавалась она.

— Нет, тетушка-*ри*. Я не ем красное мясо.

— Что такое красное мясо?

— Мясо млекопитающих — животных, которые рожают и кормят молоком свое потомство, например козы, овцы, буйволы…

Тетушка глубоко вздохнула и залилась слезами:

— Какой грех… какой грех! Что мы сделали карме, раз наша Рукку совершает такой грех… и ест плоть матерей и их детенышей?..

— Тетушка-*ри*… не надо так. Это естественно. Успокойтесь. — Шайла не знала, что еще добавить, чтобы унять ее.

— Но… это не Рукку. Грех лежит на том чудовище, которое овладело ею, — сказала тетушка,

утирая слезы.

Позже, когда Шайла пересказала этот разговор Суджиту, он ответил, что ей не стоит обсуждать такую деликатную тему с Кулкарни. И Шайла согласилась, впрочем, как и со всем, что он говорил. С тех пор Шайла держалась на вежливом расстоянии от «гастро-духовных» вопросов Кулкарни, проявляя сочувствие только тогда, когда это было необходимо.

* * *

Теперь Шайла знала, что, когда у Рукку начинался очередной приступ истерики, кто-нибудь звонил Пинджаару Пакираппе, и он прибегал со специальным блюдом, и спустя время все приходило в норму. Предыдущей ночью Шайлу охватил необъяснимый страх за Суджита, поэтому она плохо спала и была слишком истощена, чтобы терпеть шум за стеной.

После завтрака Суджит уехал на велосипеде на ферму. Обычно Шайла оставалась дома, чтобы закончить дела, приготовить и упаковать обед для них двоих. После этого она отправлялась на скутере к Суджиту на ферму. Они вместе ели, и она недолго слонялась без дела, прежде чем устроиться под деревом с книгой. Суджит с Муд-

каппой, помогавшим ему на ферме, проводили весь день за прополкой и поливом грядок. Через некоторое время Шайла уезжала домой на своем скутере, а Суджит возвращался с заходом солнца на своем велосипеде.

Сегодня ей было не до готовки, и вместо этого она решила прогуляться. Она уже прошла немного по грунтовой дорожке в сторону кладбищенского колледжа, как вдруг увидела Суджита — он мчался ей навстречу, поднимая красную пыль. Она подождала, пока он приблизится к ней.

— Что случилось? — спросила она, когда тот подъехал и спрыгнул с велосипеда.

— Мудкаппа… сильное похмелье… переборщил с алкоголем прошлой ночью… едва держится на ногах, — выпалил Суджит.

Шайла дала ему отдышаться, прежде чем спросить:

— И что ты сделал?

— Я напоил его водой с электролитами и отправил на тракторе домой. Сегодня было немного работы, поэтому я тоже решил вернуться пораньше. Что насчет тебя?

— У Рукку один из ее дней. Это было невыносимо, и я решила прогуляться.

Он понимающе кивнул. Они продолжили прогулку в тишине, и он катил рядом свой велосипед. Как будто договорившись заранее, они остановились у ветхой постройки с оловянной крышей и без окон. Замок на двери прятал за собой пустое помещение. И хотя стены полностью посерели от плесени, на одной из них хорошо считывалась надпись «Школа при монастыре памяти Клары», аккуратно выведенная по трафарету. Они уселись на крыльце и некоторое время молчали.

— Суджит…

— Да?..

— Помнишь тот телефонный звонок в пять утра прошлым июнем… который ты мгновенно сбросил, и вышел с телефоном, плотно закрыв дверь за собой?

— Обязательно начинать все сначала?

— Нет, но ты так и не объяснил…

— Замолчи!

Она уставилась в пустоту. Через минуту он положил руку ей на плечо.

— Расскажи историю Клары, — произнес он спокойно.

— Монашки, пожинавшей лавры? — продолжила она.

— Что она забыла в Канасе?

— Была училкой в классе.

— Или искала спасения от кары? — Он засмеялся, завершая лимерик, который Сильвия сочинила некоторое время назад. Она была удивлена, увидев такую лачугу: ей казалось странным, что подобное место существует в Канасе — деревне, которая не может вызвать ни проповеднического, ни назидательного интереса у самых решительных миссионерских организаций. Шайла рассмеялась вместе с ним.

— Пошли домой? — предложил он, и они выдвинулись в его сторону.

— Я ничего не готовила.

— Ничего страшного. Сегодня готовлю я. Что у нас есть из продуктов?

— Ничего.

— Сегодня понедельник. *Шанти*, должно быть, уже открылся. Пойдем купим овощи и все необходимое.

Взяв большую матерчатую сумку, они отправились на скутере на деревенскую площадь, которая каждый понедельник превращалась в открытый рынок, где торговцы раскладывали свои товары прямо на земле. Суджит принялся торговаться об огурцах на своем малаяламском языке, вставляя словечки на каннада, отчего

продавщица прикрыла рот свободным концом своего сари и захихикала. Шайла закатила глаза и пошла к тому месту, где должна была стоять Хашина, торгующая пророщенными бобовыми.

Эти проростки имеют едва уловимый неприятный запах чего-то прогоркшего, сырого или кислого. Хашина привезла свои ростки на рынок в пластиковом контейнере. Воздух не проникал туда, поэтому они только накапливали свой «аромат». Хашина демонстрировала предприимчивость бедных деревенских женщин, продавая проросшие бобовые, — без этого нельзя было обойтись. Шайла мало что знала о ней, но было легко догадаться, что у ее семьи нет земли — или, по крайней мере, плодородной земли, питаемой водой, на которой можно выращивать овощи. Возможно, в остальные шесть дней недели Хашина зарабатывала физическим трудом: об этом говорили трещины на ладонях и худощавая фигура. Разумеется, она не хотела отказываться от возможности ходить на еженедельный рынок, где из рук в руки переходит больше денег, чем у ее семьи когда-либо было. Обычно Хашина покупала три вида бобовых: маш, вигну и фасоль колатх. Замоченные на ночь и на следующий день оставленные прорастать, они разбухали

и становились почти в три раза больше своего первоначального размера. Она закупала их по весу, а продавала по объему, и на эту вырученную разницу она существовала. Запах проростков можно было устранить при варке, добавив щепотку гарам масалы и подержав их на огне еще пять минут без крышки.

— *Аво бхабхи, кия хона?* — Хашина весело окликнула Шайлу. В первый раз, когда Шайла подошла к ней, Хашина с недоверием смотрела на нее. Какая взрослая женщина наденет брюки? Но с тех пор молва, видимо, распространилась, и она поняла, что Шайла — такая же уважаемая замужняя женщина, как и она. Шайла, в свою очередь, смирилась с тем, что к ней обращаются по-свойски, и это даже начало нравиться. Сегодня она купила все виды проростков на тридцать рупий, раздумывая, что приготовить на обед.

Жилец, поселившийся в душе Рукку, покинул ее после положенной порции еды, и в доме стало тихо. После обеда Шайла и Суджит легли вздремнуть. Проснувшись, Шайла еще пребывала в оцепенении из-за кошмаров. Она выпила чашку черного фильтр-кофе — в деревне его было не достать, поэтому они заказывали его онлайн с доставкой на адрес двоюродной сестры

в ближайшем крупном городе — и решила снова прогуляться. Одна.

Она шла по обочине грунтовой дороги, которая вела от их дома к шоссе. Потом она шла по обочине шоссе. По обе стороны от него на многие мили расстилался холмистый ландшафт. Стоял ясный, безоблачный день, и с правой стороны розовое заходящее солнце висело угрожающе близко к земле. Слева вдали виднелись ветряные мельницы, а бутеи, сбросив листья, обнажили ветви, на которых оставались оранжевые цветы. То тут, то там встречались небольшие голубые пятна — водоемы, которые не продержатся до конца лета. В отличие от улиц Бангалора, где приходилось проталкиваться через толпы людей, здесь она была единственной на многие мили. Она шла под навесом, напоминающим туннель, который образовали тамариндовые и баньяновые деревья, растущие вдоль дороги. Бесконечные поля теперь были скрыты от глаз, и лес, казалось, поглотил ее. На стволах деревьев были горизонтальные белые и ржаво-красные полосы, обозначавшие, что они принадлежат департаменту лесного хозяйства и не подлежат вырубке без разрешения.

— Настоящая страна лингаятов! — сказала

Шайла сама себе. — Даже листья одеты в *вибхути*. — Она улыбнулась, туман в ее голове стал потихоньку рассеиваться. Темнело, но, вопреки здравому смыслу, она продолжила свой путь.

* * *

Они приехали в деревню, когда страна находилась в состоянии экономического «кровопускания», необходимого для излечения от «фискальной» анемии. В крупных городах царили хаос и паника, но Канас остался относительно в стороне от этого: большинство финансовых операций здесь совершалось в кредит. Поскольку потребностей у них было мало и жить здесь было намного дешевле, им вполне хватало тех небольших доходов, которые приносила ферма. «Если у кукурузы и кокосов будет хороший урожай и в этом году мы не уйдем в минус, то, возможно, в следующем году сможем вложить деньги в теплицу — будем выращивать сладкий перец, кабачки и брокколи и продавать их ресторанам здорового питания в Гоа, — думала про себя Шайла. — Наших сбережений должно хватить на пару лет вперед. Может, мы даже заведем несколько коров. Надеюсь, это займет Суджита и поможет ему забыть о том, чем он занимался за

моей спиной в Бангалоре. Возможно, мне стоит на днях позвонить Сильвии. Она давно с ним дружит и может знать то, чего не знаю я. Хорошо, что мы нашли общий язык на нашей свадьбе. Давненько я с ней не разговаривала. В последний раз она собиралась выйти замуж за фермера, разводящего кур, и переехать к нему куда-то в глубинку. Говорила что-то о пассивном доходе и тишине, необходимой для писательства…»

Резкий свет фар проезжающего автобуса заставил ее заметить, что уже стемнело и пора возвращаться. Неожиданно она вспомнила, что у нее нет телефона — не то чтобы от него была большая польза, поскольку сигнала все равно не было, но было приятно осознавать, что он под рукой, — и страх внезапно вернулся. Хотя она часто жаждала одиночества и нуждалась в нем, она знала, как важны улу — улицы, набитые людьми. Прекрасно находиться в одиночестве в безопасном замкнутом пространстве. Но на открытой безлюдной дороге ей хотелось быть в окружении других. Страх столкнуться с определенными людьми или группами мужчин засел в глубине ее сознания. Она не могла избавиться от убеждения, что люди по своей природе жестокие и жадные и единственное, что удерживает

их от бессмысленных актов жестокости, — это страх быть осужденными окружающими, и оно точило ее изнутри. Суть культуры заключается в том, чтобы, используя этот страх, удерживать людей от причинения вреда друг другу даже в тех случаях, когда это может сойти им с рук. Но не все способны побороть свои инстинкты и продолжают грабить, убивать и насиловать, считая культуру пустой тратой времени. Поэтому многие ощущают себя в безопасности даже в толпе, состоящей из незнакомцев.

Только фары проносящихся мимо машин помогали Шайле вернуться домой. У нее перед глазами промелькнули все ужасные истории о преступлениях в разных уголках мира, которые она пролистывала в ленте социальных сетей и комментировала, будучи уверенной, что с ней никогда такого не произойдет, в последние несколько дней. Она шла настолько быстро, что даже не почувствовала, как слезы покатились по щекам. Позади послышались шаги. Обернувшись, она увидела свет фонарика, который следовал за ней. Она прибавила скорость, и шаги за спиной тоже стали быстрее. Она перешла на бег, прекрасно понимая, что, кто бы ни бежал за ней, он может легко ее обогнать.

— Мадам! — кто-то окликнул ее, смеясь.

Она побежала еще быстрее.

— Мадам, подождите… мадам! Мадам! Мадам! Мадам! Невестка! Мадам! Невестка!.. Шайла… Шайла… Шайла…

Казалось, что голос доносился сквозь толщу воды. Она открыла глаза — у нее кружилась голова и горло пересохло от жажды — и обнаружила, что находится в их крошечной спальне в Канасе. Рядом с ней сидел сильно обеспокоенный Суджит.

— Что случил…

Он поднес к ее губам стакан с водой, прежде чем она успела закончить фразу. Выпив его, она села на кровати, оперевшись об изголовье.

— Мне позвонил Анил и сказал, что ты потеряла сознание на дороге. Я тут же поехал туда и привез тебя домой. Что с тобой происходит?

— Кто такой Анил? — в недоумении спросила она.

— Он принадлежит к племени самаари[26] и живет за нашим участком. Я каждый день вижусь с ним на ферме. Он заметил тебя в темноте и попытался заговорить с тобой, но, по его словам, ты бросилась бежать и, прежде чем он смог тебя

---

[26] Примечания: 26
Вымышленное название племени, как и манчи.

догнать, потеряла сознание. Он испугался, что подумают, будто он что-то с тобой сделал, поэтому сразу же позвонил мне. Слава богу. О чем ты только думала, Шайла? Почему ты не сказала мне, куда идешь? И почему не взяла свой телефон?

— Извини. Я совсем не подумала. Мне действительно жаль.

Она заплакала, и он крепко прижал ее к себе.

— Такое не повторится, — шмыгая носом, сказала она.

— Ничего страшного… Я переживал.

Немного придя в себя, она попросила принести еще воды.

— Что Анилу нужно было от меня? Почему он звал меня?

— Он хотел предложить тебе купить у него оленину.

— Оленину?

— Да. Они поставили ловушку и поймали крупного оленя. Он оказался слишком большим для его семьи, и они решили продать немного мяса.

— Что ты ему сказал?

— Я отказался. Мы не покупаем мясо у охотников. Они добывают еду для себя, и в этом нет ничего плохого. Но если люди начнут покупать мясо у них, то они станут убивать больше жи-

вотных.

И хотя открытая охота была запрещена, лесничие позволяли племенам самаари и манчи ставить ловушки на мелких животных и птиц — обычно за небольшую долю добытого мяса. Если манчи, питавшиеся свиньями, кошками и крысами и жившие в грязных лачугах на пустырях за окраинами деревни, ловили оленя, лесники принимали от них сырое мясо и относили домой своим женам, которые готовили его как баранину. Если оленя убивали самаари, передвижное племя бывших кочевников, уходящее корнями к североиндийским воинам, лесники не возражали, если те принесут уже приготовленное мясо, а иногда и сами участвовали в шумном веселье в их поселениях, где рекою тек домашний самогон. Большую часть леса вокруг фермерских участков в деревне занимали плантации эвкалипта или акации — деревьев мягкой породы, которые выращивали бумажные фабрики. Олени не питались их листьями. И из-за деревьев, изначально предназначенных для осушения болот, сухие равнины, на которых они росли, не могли удержать ни одного пруда или даже лужицы поблизости. Голодные и измученные жаждой, животные, естественно, выходили на зеленые поля и попа-

дали в ловушки фермеров.

Суджита и Шайлу тоже беспокоили частые набеги оленей. Они растянули вдоль границ своего участка старые сари, которые можно было купить по двадцать рупий или даже доторговаться до четырнадцати. Но олени были отличными прыгунами.

После пережитого у Шайлы несколько дней держалась температура. Она чувствовала слабость и с трудом передвигалась. Все это время за ней ухаживал Суджит. Перед уходом на ферму он готовил, убирал, оставлял у ее кровати флягу с горячим имбирным чаем и просил звонить ему, если что-то понадобится. Он уезжал на скутере, а не на велосипеде, чтобы быстро вернуться, если она позвонит. В середине дня он приезжал домой на обед, чтобы проведать ее.

На восстановление сил и возвращение к привычному образу жизни ей потребовалась почти неделя. В то утро она обняла Суджита перед его уходом на работу. Он был таким нежным и заботливым во время ее болезни. Возможно, его небольшой моральный проступок можно было списать на случайную ошибку. В конце концов, он очень ценил мораль. Его решение не покупать мясо у охотников было абсолютно правильным.

И вообще, у них все только начинало налаживаться. Они были далеко от города, сводящего их с ума, и работали на ферме в поте лица, как всегда об этом мечтали. Свежий воздух и позитивные эмоции окружали их. Резкий стук в дверь прервал ее размышления.

— Шайла! — В голосе Суджита звучала настойчивость.

Она открыла дверь.

— Что случилось? Все в порядке? Не прошло и часа, как ты ушел.

— Быстро. Закрывай дверь. — Он вытащил из пластикового пакета тяжелый мешок с кровавыми подтеками.

— Что…

— Ш-ш-ш. Это оленина, — хрипло прошептал он.

— Я думала, ты сказал, что нам не следует покупать…

— Я не покупал. А поймал. Всю прошлую неделю олень постоянно совершал набеги на наш участок. Пропал почти акр кукурузы. Промучившись несколько дней, мы с Мудкаппой решили поставить ловушку. Мы не хотели его убивать. И думали, что выпустим его на свободу утром. Мы надеялись напугать его, чтобы он не возвращал-

ся. Но собаки добрались до него раньше, чем мы.

— Ох, нет… Как ужасно. Ужасно.

— Я прекрасно понимаю, Шайла. Но он мертв, и вместо того, чтобы выкинуть его, сделав его смерть напрасной, я посчитал, что лучше его съесть. Я поделился с Мудкаппой, Анилом и манчи.

— Кто снял с него шкуру и разрезал на части?

— Я.

— Откуда ты знал, как это делать?

— Посмотрел видео в интернете.

Шайла отправилась в их спальню и закрыла за собой дверь. Суджит отлично знал, что ее не следует беспокоить в моменты, когда ей хочется побыть одной, наедине со своими мыслями. Некоторое время спустя она вышла с покрасневшими глазами, но спокойным выражением лица.

– *Конд паапа, тинд парихаара,* — сказала она мягким, но твердым голосом. — Искупите грех убийства, съев свою жертву.

Она нашла в интернете рецепт и, вооружившись имбирем, чесноком, кумином, зеленым чили, кориандром, анисом, корицей, кардамоном, черным перцем, луком, банкой кокосового молока, мятой и лаймом, приготовилась к искуплению. Аромат карри разносился по всему дому,

переполняя их безумным, неотложным, всеохватывающим желанием очиститься, признаться, полюбить. Он обнял ее и со слезами заглянул в ее глаза.

— Извини за Бангалор, — сказал он.

Она заплакала, обнимая его в ответ:

— Извини и ты, что я спросила.

В тот вечер, прежде чем начать есть, Суджит предложил:

— Может, дадим немного Рукку?

— Но она не одержима сегодня. Мясо предназначается духу. Сама она не будет есть.

— Мы можем спросить.

Шайла замешкалась:

— Мать Рукку уехала на лечение от отеков ног. Я никогда напрямую не разговаривала с Рукку. У нее дикий взгляд… немного пугающий…

— Тогда спроси ее отца.

Шайла подошла к дому Кулкарни и осторожно постучала в приоткрытую дверь.

— Дядя? — тихонько позвала она. Ответа не последовало. Она постучала еще раз: — Дядя-*ри*…

С наружной стороны в дверь швырнули стальной стакан, который с гулким звоном упал у ног Шайлы.

– *Маар'к сата-тун!* — закричала из-за двери

Рукку мужским голосом.

Синяя бочка

Решме хотелось помыть волосы. Прошло уже больше десяти дней с последнего раза. Ей больше не нужно готовиться к визиту своего школьного друга. Он перестал приходить. По телефону они тоже не разговаривают. Но они не делали этого даже тогда, когда он регулярно навещал ее. Их отношения никогда не были такими. Не было долгих, наполненных вздохами телефонных разговоров, переписок поздней ночью, глубоких взглядов друг другу в глаза, ужинов и подарков. Она просто крала воду, мылась перед его приходом, и они тихо занимались любовью в темноте в небольшом сарае, который служил ей домом. Отец, который слонялся по комнате в одном *лунги*, улыбался парню, когда тот приходил, и расспрашивал о здоровье родителей, после чего брал свои костыли и, прихрамывая, уходил, чтобы оставить молодую пару наедине. Он садился снаружи на сломанный табурет и курил *биди*, делая вид, что вовсе не стоит на страже.

Как только отец выходил, Решма приставляла синюю бочку к пластиковой двери, чтобы закрыть большую дыру. Ее мама уходила готовить

и убирать в больших домах на соседней улице — скорее всего, в доме школьного друга. Возможно, именно так друг узнавал, когда к ней приходить. Сколько времени прошло с его последнего визита? Три года? Четыре? Кто вообще считал? Он женился. Решма начала мыть голову для самой себя. Ее густые прямые волосы прикрывают лопатки. Мама не втирала в них масло и не завязывала тугие косы с тех пор, как дочь поступила в престижную школу. Это было очень давно. Решма перестала заплетать волосы и только в особенно жаркие дни поднимает их в высокий хвост. Она не особо утруждает себя их расчесыванием или смазыванием маслом. Она сама подстригает их, когда они становятся слишком длинными. Небрежная прическа соответствует остальным чертам ее характера.

Ее дом в трущобах находился рядом с большим перекрестком — в стратегически выгодном месте, чтобы воровать воду из автоцистерн, которые везут ее в элитные жилые комплексы в километре отсюда. Большинство машин вынуждено останавливаться перед светофором на перекрестке трижды (дважды, если на дороге свободно), прежде чем пересечь его. Водители автоцистерн, которым нужно было повернуть налево, всегда

занимали крайнюю левую полосу, чтобы плавно совершить маневр, никому не мешая. За то время, пока они ждали свой черед, Решме удавалось дотащить огромную синюю пластиковую бочку от своей двери до дороги, поставить ее под выступающую трубу цистерны и повернуть вентиль. Водители чаще всего нетерпеливо поглядывали на светофор и были слишком сосредоточены, чтобы заметить девочку, ворующую несколько литров воды из задней цистерны. Тем не менее ее отец выходил на дорогу, чтобы загородить зеркало заднего вида. Решма всегда тщательно закрывала вентиль, прежде чем грузовик уезжал.

Ее семья, как и все в их поселении, набирала воду из колонки. Мама с рассветом вставала в очередь, чтобы набрать несколько ведер и пластиковых кастрюль. Решма тоже помогала ей, когда могла. Но эта вода предназначалась для питья и приготовления пищи и была слишком ценна, чтобы тратить ее на такую роскошь, как мытье волос. В итоге им удавалось немного сэкономить, и раз в два дня или около того они набирали небольшую ванну только для мытья тела. Время от времени папа отказывался даже от этого — он оставлял Решме несколько дополнительных кружек. Когда Решма поступила в школу

и ее голову наводнили вши, то ей пришлось мыть волосы лекарственным шампунем. Тогда у нее и появился план, как красть воду из цистерны. В детстве она воровала воду в маленьком пластиковом ведерке. Позже, когда вшей уже не стало, особый интерес школьного друга к ней заставил ее продолжить это занятие и она добыла синюю бочку.

Решме было около пяти лет, когда ее папа, управляя авторикшей, попал под бетономешалку, которая раздробила ему ногу. Он едва выжил. Когда ассоциация водителей устроила шумиху у офиса и пригрозила общегородской забастовкой, строительная компания, которой принадлежала бетономешалка, заплатила за то, чтобы врачи ампутировали его зазубренную голень и наложили швы. Компания также купила ему костыли. Папа несколько месяцев пролежал в постели, пока за ним ухаживала мама. Как только ему перестали давать лекарства, он снова принялся пить и бить маму. Удары были не такими сильными, как раньше, поскольку ему приходилось балансировать на одной ноге и держать костыль в руке, что не давало ему особых возможностей для избиения жены. Поэтому в основном он оказывал психологическое давление. В какой-то момент мама,

похоже, осознала всю нелепость происходящего и превратилась из тихо страдающей жены в ту, которой надоело терпеть. Однажды она ударила его в ответ и повалила на пол. Она выбила ему два передних зуба и подавила желание бить ее.

После этого он стал проводить время дома, покуривая свои *биди*, когда ему удавалось их достать. Иногда он разговаривал с Решмой, но в основном молчал. Ей казалось, что у него был самый добрый голос. Мама, которая ходила по дому на цыпочках и дрожала от страха перед мужем, теперь вышла за его пределы и устроилась уборщицей у чужих людей. Однако у нее не появилось враждебных чувств к мужу. И она не тыкала ему в лицо своей вновь обретенной независимостью и не выгнала его из дома в попытке отомстить. Хотя он был калекой, она считала, что в доме должен быть мужчина, особенно он нужен для воспитания маленькой дочери в таком районе, как их. Она кормила его несколько раз в день, покупала ему тетрапак или два дешевого виски и оставляла в покое. Когда Решма подросла, она сама стала следить за тем, чтобы у него была еда, и маме больше не нужно было заботиться о нем. Он больше не играл роль мужа, но оставался отцом, и он не возмущался и не благодарил за то,

что ему позволили пережить свой срок, держа свое мнение при себе и не суясь в чужие дела.

Мама иногда брала Решму с собой убирать дома в общине «Добрая Земля». Этой общине принадлежали хорошие дома — аккуратные двухэтажные строения из кирпича-сырца, изготовленного из местной грязи и переработанной древесины. У них были покатые черепичные крыши, прочные перила, терракотовые полы и винтовые лестницы к библиотекам, расположенным в мезонине. У многих из них были открытые внутренние дворики, заставленные горшками с суккулентами, пальмами бонсай и статуэтками Будды; на террасах стояли аппараты для сбора дождевой воды и солнечные водонагреватели; в домах висели медные колокольчики и масляные лампы; в рамочках красовались рисунки и картины, написанные кем-то из членов семьи. Решма ощущала себя внутри таких домов маленькой и дикой.

Хозяева домов были великодушны, угощали девочку сладостями из пальмового сахара и дарили игрушки из тростника. Тетушка Вина особенно хорошо относилась к ней. Ее сын был одного возраста с Решмой, и она поощряла их совместные игры. Именно ее муж, дядя Джейкоб, предложил маме Решмы отправить девочку в школу вместе с

их Джуджу. Сначала та подумала, что это шутка. Это было задолго до того, как образовательная политика вынудила снобистские школы искать лазейки, чтобы не вводить квоту для дворового сброда, и мама не могла поверить, что ее дочь может попасть в такую школу.

Но дядя Джейкоб был серьезен. «Ну, *моле*, ты бы хотела ходить в школу со своим лучшим другом?» — спросил он Решму, и та уставилась в пол, теребя полу маминого сари. Они взяли на себя все формальности поступления и оплатили обучение девочки. В графе «Родитель/опекун» указали Вину Натараджан, поскольку Джуджу носил фамилию отца. Тетушка Вина договорилась с соседкой, и та собрала для Решмы старую одежду своей дочери Сильвии: девочка не должна была выделяться среди одноклассников. Но она все равно выделялась, потому что не владела английским. Хотя с помощью тети Вины и дяди Джейкоба она со временем выучила его, ей так и не удалось говорить на нем с той непринужденной легкостью, с которой делали это ее одноклассники. Не помогло и то, что Сильвия училась с ней в одном классе, хотя она ни разу не ставила Решму в неловкое положение. В моменты, когда Сильвия не была занята чтением, она предавалась мечтаниям и могла не

заметить переживаний Решмы из-за обносков. Просто все остальные уже видели Сильвию в той одежде, которую сейчас носила Решма, и, когда они пытались сделать вид, что не замечают этого, Решма внутренне содрогалась от стыда.

Единственным утешением для нее было общение с Джуджу. Он, похоже, тоже маялся от скуки на уроках, как и она, и, казалось, его не интересовало, что рассказывает учитель. Он плохо читал и проваливал все диктанты. В итоге они вместе садились за последнюю парту, где предавались мечтаниям или рисовали карандашами, пока учителя вещали о сражениях, нарциссах и квадратах гипотенузы. Иногда во время уроков естествознания Сильвия садилась рядом с ними за заднюю парту, прятала книгу в страницах своего учебника и спокойно читала, делая вид, что слушает учителя.

С годами Сильвия перешла от «Братьев Харди» [27] к Агате Кристи, Маркесу и Рушди. Постоянные провалы Решмы на экзаменах объяснялись тем, что ей негде было применять эти знания. Джуджу поставили диагноз «дислексия». Тетя Вина и дядя Джейкоб забрали Джуджу из школы и наняли

---

[27] Примечания: 27
Серия подростковых детективов.

специального репетитора для его домашнего обучения. Кроме того, мальчик проходил курс арт-терапии два раза в неделю и на летние каникулы отправлялся в семейные угодья отца в Ваянаде.

Они предложили продолжать оплачивать учебу Решмы, хотя их больше не особо интересовали ее домашние задания и оценки. Они оставались такими же милыми и добрыми, как всегда, но маму Решмы тяготило странное чувство вины: может ли плохая успеваемость дочери в школе быть расценена как неблагодарность по отношению к их благодетелям? После ухода Джуджу Решма проходила в школу еще несколько месяцев, но без него она чувствовала себя мучительно одинокой, а уроки, которые все это время казались чужими проблемами, стали ее личной пыткой. В конце концов она бросила школу в середине седьмого класса. Тетя Вина и дядя Джейкоб не стали переубеждать ее. Она перестала ходить с мамой в общину «Добрая Земля», но продолжала получать старую одежду Сильвии: от красивых платьев с блестками и ярких топов с мотивами «Суперкрошек» и Барби до безразмерных пуловеров и футболок серого и голубого

цветов, свободных джинсов, курты кхади[28] и хлопковых брюк. У Сильвии были даже юбки с запахом, клетчатые шорты и что-то вроде пижамы, но мама отказалась брать их для Решмы. Она носила все, что бы ей ни передавали, без каких-либо пререканий. Одежда подчеркивала ее стройную фигуру, высокий рост и в сочетании с распущенными волосами придавала ей умный вид.

Решма оставалась дома и готовила для себя и папы. Иногда она смотрела телевизор. Решма пыталась, но не могла сойтись с девочками из своего района. Она не находила, что им сказать, а они не любили ее за то, что Решма была одета лучше их, и за то, что она еще недавно входила в круг более удачливых ребят.

Когда ей было около шестнадцати, мама устроила ее на работу на швейную фабрику. Как раз в это время Джуджу неожиданно объявился на пороге ее дома. Они не виделись несколько лет, и он достаточно сильно изменился — стал высоким и широкоплечим, а над верхней губой наметились усы. Он носил очки. Но что-то в его выражении

---

[28] Примечания: 28

Курта — традиционная одежда в ряде стран, в том числе в Индии, рубашка с воротником-стойкой длиной до колена. Кхади в переводе значит «грубая ткань, изготовленная на ручном станке», одежда из этой ткани продается исключительно в дорогих магазинах.

лица привлекло ее внимание. Она пригласила его в сарай, где папа играл в видеоигру на своем телефоне. «О, да это же школьный приятель Решмы, не так ли? Проходите, проходите, сэр. Как поживают ваши родители? Они были очень добры к нашей семье, — сказал он вместо приветствия. — Пожалуйста, присаживайтесь, сэр. Садитесь и разговаривайте», — сказал он, встал и, прихрамывая, вышел.

Решма не знала, о чем говорить. Их дружба в школе сводилась к тому, чтобы тихо сидеть вместе и разделять отчаяние о науке. Они прекрасно понимали друг друга, но никогда не утруждали себя тем, чтобы найти этому выражение.

— Что стряслось? — спросила Решма. — *Амма?*

— Нет. *Акчан*, — ответил он, не поднимая взгляда.

— Что он такого сделал?

— Он не мой родной отец.

— Что?

И он все вывалил на нее. Бессвязными фразами с длинными паузами он пересказал ей разговор с родителями. В тот день они пригласили его в домашнюю библиотеку и усадили перед собой. *Акчан* обнял его и сказал: что бы он ни рассказал ему, он будет продолжать любить его, как и

прежде. На глазах *аммы* навернулись слезы, и она тихо прошептала: «Я люблю тебя». Он понял, что они скажут что-то ужасное. Они признались, что часто думали рассказать об этом, но всегда решали, что еще не время. «Хватит уже. Меня усыновили? Просто скажите мне!» — прервал он. *Амма* сделала долгий вдох и ответила: «Нет», — после чего все рассказала.

* * *

Когда *амма* защитила докторскую диссертацию по социологии, она устроилась доцентом в университет. Там она познакомилась и сблизилась с коллегой с кафедры информатики. Он был намного старше ее и недавно овдовел. У него был маленький сын, которого *амма* очень полюбила. Она переехала к ним с надеждой, что они станут одной семьей. Но, осознав, что это не входит в планы мужчины, она ушла. Разочарование от несовпадения планов было тяжелым. Он с одинаковым безразличием отреагировал как на ее переезд к нему, так и на ее уход. Осознание того, что это было невзаимное чувство, было унизительным. Новость о ее беременности только усугубила ситуацию. Ей пришлось бросить работу и вернуться домой. Она была слишком

горда, чтобы просить его о помощи. Родители не слишком поддержали ее, но ее бывший университетский приятель, который был тайно влюблен в нее, предложил пожениться, как только узнал о ребенке. Она с благодарностью согласилась. Джейкоб всегда считал Джуджу своим сыном и ни разу не давал повода усомниться в его искренних чувствах. *Амма* настояла на том, чтобы он взял фамилию Джейкоба.

— Кто же тогда мой биологический отец?

— Милый, это неважно. Он не объявлялся с тех пор, как я бросила университет. Он даже не знает о твоем существовании. И я не держу на него зла. Он не изменял мне или что-нибудь в этом роде. И ничего мне не обещал. Просто ему было не до нас. Но теперь это и неважно. Важно, что *акчан* был твоим отцом все это время, он любил тебя всем сердцем, и мы хотим, чтобы ты это знал.

— И что с этого? Вы хотите, чтобы я поблагодарил вас за это?! — прокричал он в ответ.

— Нет, милый…

Юноша выбежал оттуда в слезах и пешком отправился к Решме. Когда он закончил свой рассказ, Решма просто посмотрела на него с улыбкой. Она выглядела так же, как в детстве, когда его жизнь еще не успела перевернуть эта новость.

— Дядя Джейкоб очень мил, — сказала она.

Он вытер слезы и улыбнулся в ответ. Она коснулась его плеча, и он повернулся к ней лицом. Он сделал вдох, и тут с ним что-то произошло. Он снова вдохнул, как бы желая найти подтверждение своим чувствам. И обнял ее. Она была удивлена, но ей понравилось это ощущение. С тех пор он стал регулярно бывать у нее. Он прошел курс полового воспитания. А она — нет, но видела одно видео на папином телефоне, которое он поставил на паузу, когда отправился мыться. Так что она знала, что к чему.

Решма и ее друг начали заниматься сексом, но никто из них не упоминал об этом. Просто так получилось, и в этом не виделось ничего плохого. Он был ласковым и нежным, но не было похоже, что он чувствовал удовольствие от этого. Он всегда останавливался, когда она кончала, и не настаивал на продолжении. Но это не служило преградой для его визитов: на его лице считывались улыбка и умиротворение, так что она решила, что он тоже получает удовольствие. Она чувствовала себя так, словно одалживала у него инструменты для собственных нужд. Она с благодарностью брала их, бережно использовала и аккуратно возвращала. А он был просто

счастлив одолжить их и наслаждался ее сиянием после этого.

Это хранилось в секрете от мамы. Когда Решма попросила ее найти емкость для воды побольше, та просто обратилась к тете Вине и достала старую синюю бочку, которая стояла без дела на заднем дворе. Раньше они использовали ее для пополнения запасов воды в декоративном водоеме с лотосами в засушливые летние месяцы. Но теперь в их саду появился водопровод, для выполнения этой задачи нужен был лишь шланг, и они с радостью избавились от старой бочки.

Несколько лет никто не знал об отношениях Решмы и Джуджу. Но в один прекрасный день Джуджу исчез так же внезапно, как и появился. Решма подождала несколько недель, прежде чем набраться смелости отправиться в общину «Добрая Земля». Тетушка Вина была воплощением доброты. Она приняла ее возбужденной болтовней. Нет, мама не здесь… в это время она обычно находится в двадцать втором доме. Не хочет ли она пончик? Сегодня у нее был небольшой перерыв от ее диеты… ха-ха… Она восхищалась фигурой Решмы… Какая она стала энергичная! Когда она была в ее возрасте, ей приходилось бороться с лишними килограммами…

— Эмм… Тетушка?

– *Энни-ма?*

— Хмм…

— Я знаю, — нежно начала она. — Ты пришла спросить о Джуджу. Мы знаем, что вы были близки, и мне больно видеть твои страдания. Поверь мне, девочка моя, мне пришлось пройти через не меньшее, если не большее. Тебе будет нелегко, но придется смириться с этим. На прошлой неделе Джуджу уехал в Дели. Он поступил в самый престижный инженерный университет страны. Я думала, что он сообщил тебе об этом.

— Он говорил, что сдал экзамен и рассчитывает поступить, — задумчиво произнесла Решма.

— Да. Частное обучение пошло ему на пользу. Бедный ребенок всегда был очень талантлив, но дислексия мешала ему показать, на что он способен. Ему пришлось поторопиться, чтобы успеть подать документы в срок. Занятия начались сразу же, и он не успел попрощаться ни с кем из своих друзей. Он даже не позвонил домой. Ты же его хорошо знаешь, — успокаивала тетя Вина.

— Да, тетушка.

Вина ненадолго замолчала, после чего продолжила, опустив взгляд в пол.

— Девочка моя, думаю, тебе лучше забыть его.

Он своенравен… его эмоции нестабильны. Ты только причинишь себе больше боли. Я думаю, он похож на своего отца, — она почувствовала комок в горле.

Решма придвинулась ближе и дотронулась до ее колена. Тетя Вина обняла ее, и они тихо заплакали. В этот момент заглянул дядя Джейкоб — он хотел предложить чай. Но, увидев, как они плачут, ушел, не сказав ни слова. Тетя Вина вытерла Решме слезы и улыбнулась.

— Ты хорошая. Пожалуйста, позаботься о себе. Мы с Джейкобом всегда рядом, если понадобимся. Не стесняйся просить о любой помощи, ладно? Любой. — Она на мгновение остановилась, прежде чем продолжить: — Слышала, что в политехническом институте есть отличный курс по дизайну одежды. Но для этого нужно сдать экзамены. Может, закончишь школу экстерном?

— Я подумаю об этом, тетушка, — сказала Решма и направилась к выходу.

Тетя Вина проводила Решму до двери и поцеловала ее в лоб:

— Это для твоего же блага. Забудь о Джуджу.

Трудно было вести счет годам, поскольку все они были одинаковы по своей безнадежности. В один из них Решма потеряла работу на швейной

фабрике из-за участия в протестах за повышение зарплаты. Благодаря учебе в школе она читала и писала по-английски. Она уверенно разговаривала по телефону и умела делать элементарные арифметические вычисления. Денег с разных подработок ей хватало на жизнь, но не более чем на несколько месяцев.

Прошла неделя с тех пор, как Решма уволилась с должности секретаря в курьерской компании, и она коротала время дома. Рано утром, еще до рассвета, она ни с того ни с сего взяла телефон и набрала его номер. Второй гудок прервался на середине, но уже через пару минут ее телефон зазвонил. В его голосе чувствовалось некое напряжение, но он точно не был разочарован ее звонком. Несколько минут они говорили об обыденных вещах, как будто с момента их последнего разговора не прошло много лет. После того как он повесил трубку, она еще долго сидела в тишине.

Когда мама в тот день отправилась в общину «Доброй Земли», Решма решила приготовить *бурджи* для папы и себя. Мама обедала в одном из домов и вечером приносила с собой оставшуюся еду. Решма присела на корточки над проволочной корзиной, чтобы почистить луковицу, как неожиданно ее взволновал собственный запах.

Пьянящий и кисловатый, он напоминал размоченные семена пажитника, и она почувствовала сильное желание помастурбировать.

Она бросила лук и отправилась к маленькому закутку, обнесенному гофрированными металлическими листами, который служил им ванной комнатой. Они мылись в нем только по ночам, поскольку у него не было крыши и соседи могли заглядывать сверху из своего бетонного дома. Их соседи переехали сюда из деревни несколько лет назад, продав свой участок. Их осел-сын провалил экзамены в старшей школе и в последнее время доставлял много хлопот остальным соседям. Поговаривали, что его избили за подглядывание за женщинами, но это его не остановило. Решма знала, что он околачивается на крыше в надежде застать кого-нибудь в ванной, но сегодня ей было все равно. Она не была латентной эксгибиционисткой. Просто в тот момент ее не волновала приватность. Она расстегнула шнурок *сальвар* и уселась на грубый гранитный блок, служивший полом в ванной.

Через несколько минут она вернулась в комнату, вытирая глаза рукавом своей хлопковой курты, и на скорую руку подала *бурджи*. После того как они с отцом съели его с *пао* — держа его

в левой руке, а правой отламывая от него кусочки поменьше и собирая ими оставшуюся еду со сковороды, — она убрала со стола, а посуду отнесла в ванную, чтобы сполоснуть попозже. В этот момент она почувствовала, что ей нужно помыть волосы. Она чувствовала себя грязной. Нечистой.

Она утратила свою прежнюю расторопность. К тому же в тот день она была довольно рассеянной, пока дожидалась проезжающей мимо цистерны с водой. Когда та наконец приехала, то остановилась у светофора не в крайней левой полосе, как обычно, а в паре скутеров от нее, ближе к середине. Решма пробралась с синей бочкой к цистерне, уворачиваясь от взглядов недоумевающих автомобилистов. Она с отточенной легкостью открутила вентиль, и вода хлынула внутрь бочки. Как она и ожидала, шум воды, льющейся в пустой бочонок, заглушали гудки нетерпеливых водителей. Автоцистерна только что остановилась, и оставалось еще целых две минуты до того момента, когда нужно будет перекрыть вентиль. Но тут произошло нечто странное. Решма набрала столько воды, сколько нужно для мытья волос в память о Джуджу, но, когда загорелся зеленый свет и грузовик тронулся с места, вместо того чтобы убежать, она словно

остолбенела. Она просто стояла и смотрела перед собой. Только когда на нее посыпались резкие звуки клаксонов и ее чуть не сбил скутер, она поняла, что грузовик уехал, а вода продолжала литься. Словно пробудившись от глубокого сна, она встряхнулась и понеслась за автоцистерной, оставив свою бочку. На светофоре грузовик повернул налево, оставляя за собой темный след на сухом асфальте. Ее волосы разметались во все стороны, а грудь прыгала в просторной курте, пока Решма бежала за цистерной, призывая водителя остановиться и закрыть вентиль.

Он заметил ее в зеркало заднего вида и резко затормозил. Он вдруг понял, что произошло, и его глаза налились яростью. Водитель выскочил из грузовика и схватил Решму за горло. Он крепко вцепился в ее руку и, прежде чем она успела отвернуться, ударил по лицу раскрытой ладонью. «*Арамкор сулемагале*! — орал он, хлестая ее по щекам. — Так это ты все это время воровала воду из моей цистерны?» Он схватил ее за грудки и разорвал курту до самой талии, обнажив дорогой, но поношенный бюстгальтер на косточках. Он держал ее за волосы — она была уже в полуобморочном состоянии. «Из-за тебя я чуть не лишился работы, шлюха!» — кричал он.

К тому времени очевидцы, которым надоело это нездоровое развлечение, бросились девушке на помощь. «Оставьте ее… у нее не все в порядке с головой. Пошла в английскую школу вопреки всем уговорам. Это испортило ее. Ее мать — бедная женщина, которая изо всех сил старается прокормить семью. Пожалуйста, отпустите… это всего лишь несколько ведер воды», — причитали они, и водитель угомонился. За это время успело утечь большое количество воды прямо под мост, где стоял грузовик. Мужчина закрутил вентиль, надеясь спасти хотя бы несколько литров воды для предстоящей доставки, и уехал, бормоча вслух, что, если она снова попадется ему, он порвет на ней не только рубашку. Толпа, высвободившая Решму из его мстительных рук, разошлась и оставила девушку одну, пока она медленно приходила в себя.

На ее смуглых щеках проявлялись злостные следы от ладони. Губа была рассечена и кровоточила. Левый глаз опух и быстро темнел. Она подняла свою разорванную курту и прижала ее к груди одной рукой. Другой рукой она провела по волосам, разглаживая колтуны, и медленно поплелась к дому. Слезы смешивались с кайалом, кровью и соплями, напоминали меланхолич-

ные акварельные подтеки на ее щеках и шее. Ее сердце, кажется, отбивало ритм, который она выучила на первом уроке игры на табла в школе, которую посещала в детстве. Как там? «У — ко — ро — ля — у — ши — ос — ла». Она как вкопанная остановилась перед домом.

— Суджит? — не веря своим глазам, спросила она. Он успел притащить синюю бочку с дороги к жестяному сараю и с беспокойным видом стоял рядом с ней. На его лице считывалась едва уловимая улыбка.

На улицу вышел папа.

Восемнадцать ложек

Он снова моргнул, глубоко вдохнул и уставился на экран. Письмо с пометкой «С. П.» не было выделено жирным шрифтом. Он больше не испытывал разочарование. Регулярные отказы издателей и литературных агентов, которые он получал последние пару лет, укрепили его в мысли, что его время еще не пришло. Тем не менее он ощущал легкую боль и продолжал надеяться. Но, возможно, она ему никогда не ответит. И в это было тяжело поверить. Он не знал, как перестать надеяться, а эта ситуация требовала от него именно этого. Он считал, что задержка с ответом связана со сменой средства коммуникации. Он продолжал убеждать себя в этом: ответ на комментарий или сообщение в социальных сетях занимает меньше времени, чем написание письма на электронную почту. Его паранойя, граничащая с тревожностью, одержала верх, и он подумал, что, возможно, за шесть или семь месяцев их общения он написал что-нибудь такое глупое, что могло разозлить ее.

Ему казалось, что он всегда был корректен и почтителен в своих письмах, хотя в перепис-

ке через «Фейсбук» [29] ему немного не хватало душевности из-за того, что в этой соцсети все выставлялось напоказ, как на городской площади. Он терпеть не мог публичных проявлений чувств — даже завуалированных. Именно в «Фейсбуке»[30] он впервые связался с ней. В наши дни у каждого была своя страница в этой соцсети, и отличить фан-страницу от настоящей не составляло никакого труда. Ее страница, несомненно, принадлежала ей самой. Он отправил ей личное сообщение, которое скорее напоминало письмо с полагающимися «дорогая» и «с теплыми пожеланиями», но при этом не нарушало личные границы. Он представился, признался, что восхищается ее творчеством, извинился за вторжение в ее жизнь и поинтересовался, не могла бы она уделить минутку, чтобы оценить написанный им рассказ. Он попросил адрес электронной почты: ему не хватило наглости отправить текст прямо в мессенджере. Он ни разу не воспользовался

---

[29] Примечания: 29

Деятельность Meta Platforms, Inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

[30] Примечания: 30

Деятельность Meta Platforms, Inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

кнопкой «Помахать», после нажатия которой в переписке всплывал машущий рукой эмодзи. Он считал такое поведение неуважительным и глупым и удалял из друзей любого, кто присылал ему подобный эмодзи вместо обычного приветствия.

Ее ответ был вежливым: она поблагодарила его за то, что он доверил ей свою неопубликованную работу, предупредила, что будет занята всю ту неделю, но обещала посмотреть в ближайшее время и попросила напомнить ей, «если он не против». Она также поделилась личной электронной почтой. Он напомнил о себе через неделю, и она прислала двухстраничную рецензию на пятистраничный рассказ: в целом он неплохой, но персонажи выглядят неестественными — может, он перестарался? Он был счастлив, что она заметила этот тонкий аспект, и поблагодарил в ответ, стараясь скрыть свое волнение; ничто не скрывает восторг лучше, чем слова «я в восторге». С тех пор время от времени они общались на ограниченные, но определенные темы, которые не занимали бы много ее времени: он советовался с ней по поводу того или иного издательства или просил порекомендовать книги.

Она без промедления отвечала на любую его просьбу, давала адекватные ответы и для вежли-

вости спрашивала о его делах. Никто из них ни разу не упоминал о своей личной жизни. Он отправил ей экземпляр своей первой книги стихов. Он не спрашивал ее адрес и отправил экземпляр в университет, где она преподавала творческое письмо. Она не ответила. Неужели какое-либо из его писем могло разозлить ее? Хотя лучше уж злость, чем безразличие, которое беспокоило его, и он был почти уверен, что именно его она и испытывает. Гнев означал несовпадение ожиданий, которые, видимо, у нее были, но безразличие казалось ударом под дых.

Может быть, она занята? Он проверил ее ленту в «Фейсбуке»[31] и увидел, что за последние двенадцать часов там появилось четыре поста: новое стихотворение, фотография зевающего кота, эмоциональное осуждение регрессивного высказывания политического лидера и шутка (*Avant-garde*: глубина фильма зависит от умения зрителя копать #ФестивальКиноИндии), набравшая двадцать три «вау», сорок семь «ха-ха», восемь «сердечек», двенадцать лайков, которой поделились девять раз. Нет, она была онлайн и

[31] Примечания: 31

Деятельность Meta Platforms, Inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

активна. Значит, все-таки безразличие. Это было напоминание о пустоте, которую он по собственному желанию игнорировал. Возможно, радость, которую он ощущал в ее сообщениях к нему, была плодом его воображения; возможно, это было не более чем благожелательное отношение к незнакомцам — ко всем без разбора? Возможно, она не выделяла его среди других незнакомцев. Да и с чего бы? Должно быть, десятки людей ежедневно обращаются к ней за творческим советом. Его почтовый ящик, который он проверял каждые пять минут, оставался таким же пустым, как и сорок восемь часов назад.

Это был новый вид отказа, который ему предстояло научиться принимать. Он уже подумывал о том, чтобы рассказать ей о своем небольшом путешествии на поезде к родителям на прошлой неделе. Хотя пятичасовую поездку сопровождали живописные виды тропических лесов, а также холмов и водопадов, он ездил по этому маршруту столько раз, что тот перестал быть чем-то особенным. Если он не был погружен в книгу, то рассеянно наблюдал за своими попутчиками. Он стеснялся заговаривать с незнакомцами, опасаясь, что те окажутся слишком щедрыми на бессмысленные беседы, но все же осторож-

но вступал в разговор, если кто-то казался ему любезным, просил о помощи или проявлял искренний интерес к книге, которую он читал. Одна женщина рассказала ему, что отправилась в город лечить ноги, которые на прошлой неделе внезапно распухли. Он отодвинулся, чтобы она могла поставить ноги на его сиденье для уменьшения отека.

Растопив таким образом лед, она продолжила разговор. И хотя она задавала ему обычные вопросы о его зарплате и количестве детей, его вежливые ответы не побуждали ее продолжить разговор о нем. Напротив, она принялась говорить о себе. Она рассказала ему, что у племянника ее мужа тоже есть ноутбук, как и у него, и что он тоже читает английские книги. Женщины в возрасте редко говорят о своих мужьях в третьем лице — «мой муж». В этом слове много неловкости. Как будто они произносят «парниша, который меня трахает», подумал он и засомневался, не будет ли слишком большой дерзостью с его стороны использовать это слово в письме, которое он собирался ей написать. Обычно в разговоре женщины называют мужчину «ваш дядя» или «ваш брат» — в зависимости от его возраста, чтобы избежать неловкости. Но вместо привыч-

ного «*ним ункуль*» женщина с опухшими ногами сказала «мой муж», чем сильно удивила своего собеседника. Его это позабавило и заинтриговало. Он не знал, с кем это можно было обсудить. Может, ей было бы интересно?

Но два дня спустя он порадовался, что не написал ей об этом — да и вообще не написал. Он предпочитал молчание равнодушному ответу, приправленному вежливыми любезностями, который, как он теперь был убежден, мог вызвать его рассказ. Он гадал, заметит ли она, что за последние пару дней он не поставил ни одного лайка на ее посты в социальных сетях. Может, его лайк был всего лишь одним из шестидесяти-семидесяти лайков, которые получали ее остроумные изречения в первый же час после публикации? Он прославился своей нерешительностью. У него была привычка мысленно менять свои решения и забывать сообщить об этом заинтересованным людям. В прошлом ему пришлось дорого за это заплатить. Ему не раз говорили, что с этим надо что-то делать, но он не мог взять себя в руки. Теперь, когда он остался один, это не имело значения и он больше не переживал из-за своего непостоянства. Но, как ни странно, решив не писать ей, он продержался достаточно долго,

чтобы забыть обо всем.

Прошло добрых полгода, когда неожиданно пришло письмо. В теме значилось: «Восемнадцать ложек». В письме было следующее:

Восемнадцать ложек сразу – и все немытые,

– и за этим последовало —

В раковине – все, что нужно,

чтобы опуститься в его глазах:

так низко, что лапки ворона,

Что радовали глаз,

Утонули в ручьях.

Порядок исчез, и от безумия осталось лишь

оно само.

Однажды я ходила по воздуху

В нескольких футах над землей, которую боготворила.

Подпитывая эфирные искры в ожидании

Вырваться в слова – преломляющиеся, мимолетные,

смыслов стенания;

Я пялюсь в налоговые декларации

за столом, накрытым для одного,

И больше не вожу: дороги требуют

Индивидуального порядка в общем хаосе;

Я сижу у левого окна машины, доставшейся мне в наследство,

Смотря с улыбкой вдаль.

Меня назвали бесполезным штурманом

С такой нежностью, что уголки его губ растянулись

до невозможности.

Но вдруг – одна за другой

Ложки утопили мои грезы и остались там,

Где я их оставила, – все восемнадцать штук —

В раковине.

После этого было написано: «P. S. Он снова ударил меня прошлой ночью». И больше ничего. Подпись «с наилучшими пожеланиями, С. П.» была шаблонной. Он понял это по разнице

шрифтов.

Он некоторое время смотрел на экран, после чего решил пойти побегать. Он уже несколько недель не выходил на пробежку. А если и выходил, то только в наушниках, в которых играла самая не подходящая для упражнений музыка — каввали, тхумри, суфийские[32] песни на пакистанском радио, даже классические бхаджаны[33].

— Ты что, не знаешь о неприкрытой патриархальной основе вайшнавской [34] литературы? — с неким отвращением спросила она, пролистав его плейлист. — Ты веришь в это?

— Я верю в музыку. А мелодичные композиции меня успокаивают, — сказал он.

Это была одна из многих вещей. Хотя это было давно, он так и не избавился от привычки придумывать в голове точные оправдания своему выбору.

Сегодня он не стал включать музыку. Он бежал

---

[32] Примечания: 32

Суфизм — религиозное направление в исламе, близкое к монашеству в христианстве или буддизме.

[33] Примечания: 33

Различные лирические, сентиментальные или религиозные песни.

[34] Примечания: 34

Вайшнавизм — одно из основных направлений индуизма, его последователи поклоняются богу Вишну.

в полной тишине. Он бежал мимо магазина продуктов Антона; солнце слепило, и он помахал рукой в ту сторону, где обычно сидел Антон, радуясь, что не придется встречаться с ним взглядом. Он бежал мимо домов, на пороге которых стояли бутылки с водой цвета индиго, чтобы отпугивать бродячих собак, — поверье, которое, как лесной пожар, охватило весь регион, несмотря на то что уже час спустя после появления первой бутылки было доказано, что это вопиющее заблуждение, так как собака тут же помочилась на одну из них. Он бежал мимо озера, запруженного маленькими свистящими утками и бутонами лотоса, похожими на логотип на упаковках средств интимной гигиены, которыми она пользовалась. Он бежал мимо невысоких куч сгоревшего пластикового мусора. Пластиковые бутылки горели даже тогда, когда были наполовину заполнены водой или сладкими напитками. Они расплавлялись до амебоподобных форм, но оставались закрытыми прозрачными сосудами с жидкостью в куче пепла. Обычно они его беспокоили, но сегодня он лишь рассеянно скользнул по ним взглядом. Он бежал с крыльями за спиной.

Когда он вернулся, в почте его ждало продолжение — безумное извинение:

«Я не знаю, что на меня нашло. Не знаю, почему отправила вам это письмо. Я просто поняла, что наличие собственной комнаты не обязательно освобождает от необходимости убирать за другими, и подумала, что вы меня поймете. Но мы едва знакомы, и мое сообщение, должно быть, обеспокоило вас. Я не могу винить во всем вино. Я прошу прощения. Также прошу вас не судить моего мужа по моим рассказам (я очень надеюсь, что вы сможете забыть эту историю). Он хороший человек. Дело не в гендерной принадлежности. У него проблемы с контролем гнева, но он работает над этим».

На этот раз подпись «искренне ваша», полная раскаяния, не могла быть шаблонной.

Он не сразу нажал кнопку «Ответить». Вместо этого он принялся за уборку. Беспорядочная груда посуды из нержавеющей стали звенела, пока он вытаскивал из раковины то кастрюлю, то тарелку, то кружку, то ложку — одну за другой. Он выдавливал из пластиковой бутылки на каждую тарелку по струйке разбавленного мыла, натирал губкой до сильной пены и по очереди ополаскивал под краном. Каждый раз, когда он мыл тарелку, на которой подавалось блюдо с куркумой, он промывал губку, прежде чем мыть

ею следующий предмет. Он смыл водой пену, собравшуюся в сливе, и отмыл раковину дочиста. Затем он протер тряпкой кухонный стол. Он разложил книги и канцелярские принадлежности на письменном столе, стряхнул пыль с кровати и сложил простыни, которые лежали в куче уже несколько дней. Он сменил занавески, старые положил в стирку. Он подмел, помыл полы, вытер пыль, пропылесосил, выдраил ванную, вытряхнул органические отходы в компостную яму, остальные собрал в мешок для мусора, который, как утверждалось, был сделан из крахмала тапиоки, чтобы отнести его на городскую свалку, откуда он в конце концов будет увезен и закопан в землю. Он делал уборку, пока не выдохся и не воспарил в сиреневом облаке с легким ароматом. Затем он вылез из треников и свитера, в которых ходил последние четыре дня, и принял холодный душ. Вытеревшись свежим полотенцем, он надел чистые хлопковые шорты с красно-серым клетчатым узором и белую футболку. Он налил дешевое красное вино в кофейную кружку (все бокалы она забрала с собой) и отнес ее к своему столу. Он открыл ноутбук и начал печатать:

«Дорогая Сильвия,

красивое стихотворение. Для меня это многое

значит, что ты (вы) поделилась(лись) со мной».

Он на мгновение задумался, прежде чем продолжить.

«Пожалуйста, не стесняйтесь писать о том, что вы написали. Даже горсть горчицы не просочится из моего дома, и я не брошу первый камень — или любой камень».

Он остановился, чтобы подумать, и снова принялся писать.

«Вы когда-нибудь задумывались над тем, как легко произнести “мой муж” на английском и как сложно на индийском языке?»

Сделал еще одну паузу и подписал.

«С любовью,

А. Р.».

Загробная жизнь деревьев

Баобаб называют перевернутым деревом. Когда листья опадают, голые ветви напоминают корни. Дерево выглядит так, как будто оно посажено на неосязаемом небосклоне.

В последние дни радиатор автомобиля начал барахлить. Мотор перегревался и вызывал рывки при движении. Придорожный механик сказал, что вытекает охлаждающая жидкость. Он залатал дыру как мог, но нужно было обратиться в авторизованный сервисный центр. Похоже, машине придется простоять в мастерской не меньше недели. Владелец автомобиля не мог позволить себе остаться так долго без машины. Кроме того, до ближайшего сервиса было как минимум две недели пути отсюда. Он надеялся, что сможет справиться с проблемой, если будет медленно ехать и часто делать остановки.

Машина заглохла посреди полнейшей, казалось, глуши. Он открыл капот и попятился от жара, исходящего от радиатора. Закончилась вода. И у него не было наличных. Он собирался снять в банкомате возле *дхабы*, где останавли-

вался на обед. Но его собака сцепилась с парой местных бродяжек, и он забыл обо всем остальном, пытаясь дотащить ее до машины. Стояла жара, и марево на шоссе могло бы заполнить озера. Вокруг не было ни одного дерева, так что видимость была во все стороны на целые мили. Он заметил что-то, что могло быть небольшим магазинчиком или *дхабой*, но идти до него было не меньше километра. Он выпустил собаку, и она тут же помочилась на ближайший камень и села, задыхаясь, в ожидании воды. Он стоял на месте, надеясь поймать проезжающую мимо машину и попросить воды, но никто не останавливался.

Когда прошло достаточно времени и свет вокруг стал коричнево-желтым, а машина — черно-красной, из пляшущих на дороге волн появился чей-то силуэт. Сначала он напоминал большое дерево, высота которого казалась меньше из-за расстояния, — символ детства, проведенного в Старом Свете. Но он двигался в его сторону. Когда он приблизился, стало ясно, что это человек и он идет, пошатываясь, словно из-за мозолей на ногах. Он был в грязной одежде, ничем не выделяясь из местного стиля. На его лице было пустое выражение. Как и в случае с большинством деревенских мужчин, трудно было определить его

возраст. Из-за погодных условий они выглядели старше своего возраста, но тяжелые физические нагрузки позволяли им оставаться достаточно подтянутыми, чтобы скрывать признаки раннего старения. Это была ловушка с двойным дном. Ему могло быть от сорока до шестидесяти лет.

Мужчина подошел к машине. Как ни странно, собака, которая всегда с подозрением относилась к незнакомцам, не зарычала. Она обнюхала его и завиляла хвостом, и незнакомец погладил ее по голове. Он спросил водителя на деревенском каннада этого региона, что случилось. Узнав, что нужна вода, он молча развернулся и пошел в обратную сторону — туда, откуда пришел. Вскоре он вернулся с литровой пластиковой бутылкой воды. Он сказал, что вода из-под крана, но не смог сказать, где были найдены этот таинственный кран и бутылка. Он коверкал слова и бросал предложения на полуфразе, и большую часть его речи было трудно разобрать. Водитель открыл радиатор, который все еще дымился под капотом, и незнакомец посоветовал оставить его на некоторое время и дать немного остыть, прежде чем заливать воду.

— Слишком жарко… вода внезапно… не должна. — Он напомнил водителю, чтобы тот дал

немного воды своей измученной жаждой собаке. Радиатор зашипел, но не задымился, когда туда наконец-то залили воду. Казалось, что должно хватить на еще одну короткую поездку. Водитель повернулся к человеку, который помог ему, и спросил, как его зовут.

— Я не знаю, сэр, — ответил он. — Я ношу бумажку… карман… написано. Сегодня забыл…

— Кто написал ее?

— Дома.

— Где ты живешь?

Он махнул рукой в сторону необъятных просторов за извилистой дорогой.

— Деревня… там.

Но водитель ничего не увидел.

— Чем ты занимаешься? — не сдавался он.

— Сейчас ничем. Механик… до… авария.

— Что еще за авария?

— Не помню, сэр.

Водитель заметил, что на мужчине были две разные сандалии, едва держащиеся на ногах. Он предложил ему свои.

— Я очень благодарен вам за помощь. Жаль, что у меня нет денег. Может, вы хотите мои сандалии? Я вижу, что ваши очень старые.

Мужчина снял одну из своих и примерил пред-

ложенную ему.

— Не такие, как у меня… скользят.

Водитель увидел, что у старых сандалий был захват для пальца, а у его — боковые ремешки, которые не разделяли пальцы ног. Стало ясно, что мужчина не привык носить такую обувь.

— Могу ли я вас куда-нибудь подбросить? Может, отвезти домой?

— Нет, сэр. Нет… Я пешком. — Он медленно поплелся в ту сторону, откуда пришел.

В тот год владелец автомобиля несколько раз ездил по этой дороге. Он останавливал машину каждый раз, когда проезжал то место, где у него случилась поломка, в надежде встретить незнакомца, который помог ему. Но его нигде не было.

* * *

Годы прошли в дороге, в постоянных переездах с недолгими остановками на отдых. Средством передвижения служил красный «Форд Айкон», знавший лучшие времена еще до того, как пройти через множество рук и попасть к Бхаубаабу. Но он хотел именно эту машину. У него было достаточно денег на машину из салона, но он не желал искушать судьбу покупкой новых вещей. В старых вещах было нечто жизнеутвержда-

ющее. Им было хорошо знакомо, как служить другим. Они изнашиваются, как изнашиваются и руки, которые их используют. А он хотел вписаться в изношенные, твердые, уверенные в себе поверхности, а не выпирать. Дом, как понял Бхаубааб, — это эфемерное понятие, а обосноваться в каком-то месте — значит обречь себя на разочарование и посредственность. В дороге он изучал языки и питался простой едой. И переживаемое в путешествии регулярно очищало его сознание. Отдых мог длиться от суток до месяца — достаточно долго, чтобы восполнить силы, и достаточно мало, чтобы успеть пустить корни. Он был непоколебим в своих желаниях, как засохшее дерево. Его мысли о будущем были ясными, но неопределенными.

Хотя по праву памяти поколений Бхаубааб признавал домом лишь небольшую часть огромного массива суши, вдающегося в воду, — клочок земли с видом на море, — он понимал, что остальная территория страны также стала домом под воздействием историческо-политических сил. Хотя он был иностранным гражданином, его «индийская принадлежность» значилась в документах, и он решил избавиться от статуса *праваси бхаратия* и стать странствующим индийцем, постепенно

знакомясь с культурой родной страны.

Такой непредсказуемый образ жизни мог вызвать неодобрение, но у него не было семьи, которая бы его осуждала. Сначала он продал бóльшую часть своего имущества крупных размеров и свел количество вещей к паре чемоданов — его немногочисленные друзья назвали это причудами. Считали, что это временно. Но втайне они задавались вопросом, пройдет ли это, ведь он уже давно не молод.

Отправляясь в путь, он никогда не строил планы. В первый день он проехал сто километров до деревни, где знакомая пара руководила школой для детей, живших в небольших поселениях в лесу. Он познакомился с ними в Великобритании много лет назад, когда они занимались сбором средств, а его компания помогала им с финансированием, и они показались ему очень милыми. В последние годы благотворительным организациям, подобным этой, было тяжело найти финансирование и супругам с трудом удавалось отыскать учителей-волонтеров, готовых работать без оплаты. Они были очень рады его помощи: «Это умные дети. Они так быстро учатся всему — математике, географии. Но им никак не дается английский».

Каждый день дети всех возрастов в разных лохмотьях босиком отправлялись в школу из своих поселений в лесу. Бхаубааб не знал, как учить. Но знал, как быть рядом с людьми, которые ценили искренность и радость. Дети были переполнены любопытством и жаждой знаний, и, когда они привыкли к незнакомцу, они начали улыбаться ему. Он принялся читать им книги из библиотеки, которую они собрали из отданных книг. Поначалу детям приходилось подавлять в себе смех из-за его британского акцента. Когда они поняли, что он улыбается в ответ и не собирается их наказывать, то стали открыто хихикать. Но через некоторое время он понял, что их внимание ослабевает, поскольку описание скон [35] с маслом и медом к чаю и походов в лес сначала вызвало у них недоумение, а потом наскучило. Но не зная, что делать, он продолжал читать.

Однажды в конце урока началась драка. Один ребенок чем-то ткнул другого, и тот в отместку укусил его. Теперь они оба катались по полу, вцепившись друг другу в волосы. Бхаубааб разнял их. Оказалось, что первый ребенок уколол другого иглой дикобраза. Он показал ее всему классу и,

---

[35] Примечания: 35
Общее название разновидностей британской сладкой выпечки.

переходя с конкани на ломаный каннада, попросил их описать животное, которому она когда-то принадлежала. Когда они это сделали, он перевел на английский и очень медленно и четко произнес вслух: «Индийский дикобраз. Это грызун со слоем из иголок». Он попросил их повторить. Дети повторили несколько раз, и вскоре они уже радостно скандировали эти слова. Один смельчак поднялся и начал отбивать ногами ритм. Недолго пришлось ждать, пока к нему присоединились остальные и это превратилось в танец в кругу. «Индийский дикобраз. Это грызун со слоем иголок!» — радостно кричали дети, прыгая и толкаясь вокруг учителя. Он смеялся и хлопал, пока они не устали. Это был его урок на сегодня.

С этого дня истории и песни стали частью образовательного процесса. Их персонажами становились сами дети, которые боролись между собой за место в повествовании. И каждому давалась такая возможность. Бхаубааб выстраивал сюжет по ходу рассказа, и дети иногда вносили в него свои изменения, исходя из того, как, им казалось, они бы поступили в тех ситуациях, в которые он их ставил. Конечно, не обходилось и без животных с волшебными способностями, деревья оживали и умели говорить. Он использовал

самые простые слова, а когда произносил что-то, выходящее за рамки их ограниченного запаса английских слов, останавливался, чтобы объяснить смысл, и просил повторить несколько раз.

Маленькая Манджу потерялась в истории. Однажды вечером по просьбе матери она пошла за дровами и встретила большую бабочку — «голубую с черной каймой», — уточнил Сому, — «и с вот такими белыми полосками», — добавил Бабу, — и «с белыми пятнами», — сказал Махеш, — и, забыв о дровах, понеслась за ней. Она долго следовала за ней, от цветка к цветку, от ветки к ветке, не упуская ее из виду, но никак не могла до нее дотянуться. Вскоре опустились сумерки, и Манджу не понимала, где очутилась. Это было незнакомое место, и она не знала дороги назад. Деревья, раскачивающиеся на ветру, казались ведьмами, машущими руками и зазывающими ее в свои пасти. Жутко ухали совы, кричали ястребы, вдалеке завывали шакалы. Ей было так страшно, что она не могла двигаться. Девочка села на пень и заплакала. Но вдруг раздался сильный раскат грома.

— И что же случилось после этого? — спросил Бхаубааб. — Пошел дождь?

— Да! Пошел такой сильный дождь, что Манджу

тут же промокла до нитки. Она скучала по маме и брату и хотела очутиться в их теплой кухне, где ее ждала горячая каша…

— И вяленая рыба?

— И вяленая рыба. И вдруг она увидела луч света, направленный на нее. Послышались шаги. Топ, топ, топ.

Неожиданно Шобха издала пронзительный крик и залилась слезами.

— Что ты, не плачь. Все будет в порядке. Все будет в порядке. Со счастливым концом. Истории всегда хорошо заканчиваются. Ты только дослушай.

Все повернулись к Шобхе и принялись заверять ее, что все действительно закончится благополучно, чтобы она перестала плакать и они смогли дослушать историю до конца. Бхаубааб усадил девочку к себе на колени и успокоил ее, после чего продолжил:

— Оказалось, что свет исходил от факела в руках Адави-*аммы*, доброй лесной богини, которая жила в непроходимых джунглях и являлась только хорошим девочкам и мальчикам. На ней было зеленое сари из листьев, а в длинные волосы вплетены цветы. Ее лицо было добрым, а улыбка — милой. «Ш-ш-ш… дитя, я не причиню тебе зла.

Я пришла, чтобы помочь», — сказала она, и Манджу перестала плакать.

Адави-*амма* обняла Манджу и нежно покачала из стороны в сторону. Она отвела девочку в свой дом и дала ей сухую одежду.

— Желтый сарафан?

— Да, желтый сарафан и вкусную еду… Бананы, манго…

— Печенье с кремом?

— Печенье с кремом…

— И магги? [36]

— Что? В смысле?.. Так и быть, и магги.

— Кока-колу?

— Нет, Сальвадор, кока-кола не для детей. Прекрати ворчать! — строго сказал Бхаубааб и продолжил историю: — Она уложила девочку в мягкую кровать. Подарила много подарков для брата и родителей, а на следующее утро отправила ее домой верхом на олене. Олень довез ее прямо до двери и исчез. Когда Манджу показала свое новое платье и подарки для брата, тот был вне себя от радости. Ему хотелось непременно узнать, кто их подарил, но Манджу просто сказала, что нашла их в лесу. Когда их мать вернулась

---

[36] Примечания: 36

В Индии так называют лапшу быстрого приготовления.

с работы и увидела подарки, она подмигнула Манджу со словами: «Я знаю, от кого они».

— Откуда она знала? — не терпелось узнать детям.

— А это уже другая история. Я расскажу вам ее завтра, — ответил Бхаубааб.

* * *

Прошло несколько месяцев. Дети научились составлять небольшие предложения на английском и стали увереннее читать. Но Бхаубааб стал выглядеть немного угрюмым. Когда хозяева школы поинтересовались, все ли в порядке, он ответил, что беспокоится о том, что начинает привязываться к детям. Этого он хотел избежать любой ценой. Новость о том, что он хочет уехать, огорчила их, но они отнеслись к этому с пониманием. Он пообещал им, что будет возвращаться каждый год и рассказывать детям истории.

Он колесил по стране, несся по шоссе, чтобы уехать подальше, прежде чем свернуть на проселочные дороги и грунтовые тропы в поисках места, где бы остановиться. Он преподавал в деревенских школах, помогал чинить тракторы, культиваторы и другую сельскохозяйственную технику, спасал людей и змей друг от друга, жил

в фермерских сараях, в домах людей, которые спонтанно приглашали его оставаться подольше, на автобусных остановках, в хорошую погоду — под открытым небом; когда не мог ничего найти — в своей машине; иногда, когда чувствовал, что его стареющее тело нуждается в отдыхе от тяжелой жизни, баловал себя ночевкой в гостинице. Он питался в придорожных *дхабах* и маленьких чайных. Он ел пищу, приготовленную на открытом огне в полях вместе с фермерами; ел блюда, приготовленные в его честь в домах, где он останавливался в тот день; покупал бургеры в «Макдоналдсе» у шоссе. Однажды он подобрал щенка, которого нашел рядом со сбитой на дороге матерью. За несколько месяцев тот изгрыз в клочья автомобильные сиденья, но быстро повзрослел и стал верным спутником в путешествиях. За рулем Бхаубааб часто разговаривал с ним. Корни Бхаубааба находились высоко в воздухе, а настроение было приподнятым.

Из года в год он возвращался в школу, чтобы преподавать. Он не питал иллюзий, что это может что-то изменить. Это были дети леса. С Африкой их связывало множество историй любви и потерь. Они совсем не были похожи на людей с материка. Они были другими, и их держали в

стороне. Того небольшого знания английского, которым они овладели, было достаточно, чтобы показать им, что за пределами их мира существует другой мир — большой, блестящий, яркий, с интересными вещами, которые можно увидеть и сделать, — мир, куда они не были вхожи. Даже если им удавалось вырваться туда, им разрешалось только смотреть, но не трогать. Они осознавали, что у них понемногу отнимают их лесной дом, и у них не было возможностей остановить это. Они не могли вернуться к тому, чем занимались их родители, но и не могли заниматься городскими делами и жить в ритме города. Ремесленные навыки и скудное техническое образование, которое им дали в школе, позволяли им зарабатывать ровно столько, чтобы в конце концов превратиться в несчастных и циничных людей. Однако Бхаубааб не слишком беспокоился по этому поводу. Его путешествие отвлекало его от глубоких дум. Его истории давали детям кратковременное ощущение радости, и этого ему было достаточно.

Одним темным дождливым вечером его машина сломалась. Аккумулятор давно барахлил, и он откладывал визит к механику. Фонарик и телефон были разряжены. Ближайшая деревня

находилась в часе ходьбы. К счастью, у него было достаточно еды и воды на ночь для себя и собаки. Внезапно моросящий дождь превратился в ливень. Он поднял стекла и приготовился ко сну. Неделю назад в этом районе произошел страшный случай: двое мужчин в растафарианских кепках припарковались и вышли покурить, и толпа забила их до смерти, приняв за похитителей людей. И хотя это беспокоило его, но не меняло намерения. Утомившийся от дороги, он быстро заснул.

Около полуночи его разбудил лай собаки. Издалека он увидел свет, приближающийся к его машине.

Кошка по кличке бессонница

Я компьютерная программа. Я мечусь в перестановках зеленых битов, перемещаюсь на реальные расстояния через эфирные пути. Я издаю негромкие полупроводниковые пищащие звуки. Я маленький мальчик с витилиго: исчезающие пигменты оставляют карты на моей коже, мой цвет — тектонические сдвиги. Континенты служат мне нижним бельем. Мне не хватает памяти, чтобы грустить из-за потери городов, этих райских уголков для пенсионеров. Для меня они не более чем задымленные, болотистые, мелиорированные озера, раздутые пластиком и ложью, их история — привилегированное время-препровождение. Кто сказал, что ребенок — отец человека? У меня есть кошка по имени Бессонница. Она трехцветная. Я не могу спать.

Я не могу спать. Я не сплю с того дня, как родился мой сын; с того дня, как умерла моя жена. Она умерла не при родах. Она утонула в ванной. Моего сына едва удалось спасти. Она погрузилась в воду, прижимая его к груди. Медсестры вырвали мальчика из ее рук. Возможно, именно потому, что он

не так давно выбрался из околоплодной жидкости, мой сын чувствовал себя в воде как дома, не метался, не набирал ее в легкие и продержался то время, которое потребовалось медсестрам, чтобы спасти его. Я не знаю. Я был там, но ничего из этого не помню. Если верить их словам, я не мог пошевелиться. Если верить их словам, я просто стоял на коленях на полу и безудержно рыдал. Возможно, они не ожидали, что она может покончить с собой. Возможно, они думали, что она всего лишь хотела облегчить родовую боль в теплой ванне и была не в себе, чтобы помнить о необходимости уберечь ребенка от опасности. Они оставили ее, как только вытащили ребенка и перебросили все внимание на него. Она же погрузилась в воду и умерла. Все произошло так быстро, что все, что об этом говорили, было лишь ретроспективными предположениями.

В конце концов, они списали это на послеродовую депрессию и закрыли дело. Врач, который знал ее дольше, сказал, что это могла быть шизофрения. Но мне кажется, что все это лишь способ навесить ярлыки на вещи, которые невозможно понять, — признать ограниченность человеческого знания, определить извне темные, таинственные пространства человеческого

разума, в которые невозможно проникнуть. Например, смерть. Например, Бог. Я знаю, что с ней было, только не могу объяснить это, не навесив ярлык и на себя.

Я вернулся домой с новорожденным сыном. Сыном, которого я не хотел, которого я категорически не планировал. Сыном, который стал всей моей жизнью. Моим спасением. Сначала я не знал, что с ним делать, но воспоминания о спасении кошек, собак и маленьких птичек вернулись, и я принялся за дело. Я научился разводить молочные смеси до нужной консистенции, проверять температуру воды в ванной локтем, держать малыша на одной руке, а другой — купать, вытирать его и менять ему подгузники, держать и успокаивать, когда он плачет. Интернет, конечно, очень помог. Подробные видеоинструкции по любому вопросу воспитания детей стали настоящим благословением. Мне ужасно не хватало его матери, но времени на грусть не оставалось. Как ни странно, но после того, через что нам пришлось пройти с момента его зачатия, я чувствовал, что ее отсутствие принесло некое облегчение.

В университете с пониманием отнеслись к моей ситуации. Они позволили мне отказаться от всех

занятий магистерского курса, и у меня осталась лишь горстка моих студентов-исследователей, которые радовались встречам в домашней обстановке, а не в кабинете. Они приходили днем, когда мой сын спал, и разговаривали полушепотом. Если мне нужно было сходить в университет по каким-то незначительным делам, я брал его с собой в слинге. Коллеги сочувствовали мне и восхищались моим сыном. Меня самого воспитывал отец-одиночка, и я знал, что тоже справлюсь.

Я назвал его Бассам, что в переводе с арабского означает «улыбающийся». Я хотел оградить его от того, что пришлось пережить мне, и надеялся, что, возможно, благодаря своему имени он, в отличие от меня, сможет обмануть судьбу. Кроме того, я не хотел, чтобы его имя было связано с какой-либо религией. Хотя мы с его матерью были убежденными атеистами, нам достались не самые нейтральные имена. Бассам — арабское, но не самое популярное мусульманское имя в этой части мира. Я бы не хотел навешивать на своего сына ярлык, который может оказаться приговором, если он окажется не в том месте и не в то время.

Я с головой погрузился в заботу о нем, и у меня началась сильная бессонница. В первые месяцы

после рождения сын не давал мне спать всю ночь. Он почти не плакал, но это мое подсознание твердило мне, что я должен выполнять работу за двоих, и не давало мне спать. Бессонница так и осталась со мной. Я засыпал на нескольку минут, и меня тут же будили странные сны. Ночи были похожи на непрекращающийся психоделический трип, далеко не самый приятный. Каждые два дня или около того усталость накрывала меня, и я погружался на час в забытье — вряд ли можно назвать это сном. И так мне удавалось продолжать жить. Мне не хватало энергии и энтузиазма во всем. Единственное, что удерживало меня, — это острая необходимость быть рядом с Бассамом.

Несмотря на мое постоянное унылое одиночество, Бассам рос счастливым ребенком. Он был здоровым, умным, веселым и активным. Но, самое главное, он был добрым и вежливым. Он начал посещать школу «Кендрия Видьялайя»[37] в университетском городке. Он пользовался большим успехом у своих друзей и был их неформальным лидером.

---

[37] Примечания: 37

Сеть школ, управляемых центральным правительством Индии. Малодоступные для основной части населения, они предназначены для детей государственных служащих.

Бассаму, должно быть, было около тринадцати, когда эта неоново-зеленая нить в моих костях, которая натянулась до своих пределов, оборвалась. Я сидел в своем кабинете, потягивая третий маленький бурбон вместе с коллегой с кафедры астрологии, который зашел поболтать после ужина. Как человек науки, я, возможно, несколько лет назад должен был бы присоединиться к своим коллегам и оказать сопротивление появлению иррациональных предметов в университете, но у меня был маленький сын, о котором нужно было заботиться, и я не мог позволить себе плыть против течения.

Он увлеченно рассказывал об ухудшении состояния города за последние годы:

— Он разрушается, я вас уверяю. Я был в Лондоне на конференции в прошлом году, и какие у этих мерзавцев дороги… такие потрясающие дороги, *яяр*. На них можно спать. Когда-то и наш город был таким. Я помню, как мой дедушка брал меня на прогулки в район кантонмента [38]… пхах! Какие великолепные здания… Какие шикарные автомобили… Дороги с высаженными

[38] Примечания: 38

Военный городок. Такие городки были распространены практически во всех бывших английских колониях (или странах, находившихся под сильным английским влиянием).

по обочинам деревьями. А сейчас днем с огнем не сыщешь даже намека на ушедшую эпоху. Только пробки и мусор, пробки и мусор… ни капли гражданского долга. Я вас уверяю, во всем виноваты эти айтишники. Они слетаются в город, как саранча, и разрушают его культуру. Если так будет продолжаться, неизвестно, что станет с моим любимым городом. Просто нет те…

— Извини, *яяр*. Мне нужно идти, — прервал я его, сняв очки.

— Идти? Куда?

— Не знаю. Просто нужно идти.

— Что? Все в порядке?

Я не удостоил его ответом. Я отправился в спальню и начал собирать сумку.

Бассам вошел и увидел, как я неистово запихиваю вещи в чемодан. Но вместо того, чтобы спросить, что я делаю, он просто напомнил мне о самом необходимом — туалетных принадлежностях, носках и нижнем белье, зарядном устройстве для телефона, об электронной читалке, о бумажнике со всеми карточками и так далее — и помог мне собраться. От него исходило странное обнадеживающее спокойствие. Он казался почти втрое взрослее, чем можно было бы ожидать для его возраста. Он не только сам

заботился о себе, но и морально поддерживал меня. Не знаю точно, когда это произошло, но в последнее время я, сам того не осознавая, стал часто полагаться на помощь своего сына. Я беспомощно посмотрел на него.

— Не беспокойся обо мне, *anna*, — сказал он, — со мной все будет в порядке. Ты все равно скоро вернешься.

Откуда он это знал? Я не стал спрашивать. Теперь у нас были постоянный повар и женщина, которая приходила три раза в неделю, чтобы сделать уборку. Запасов в кладовке должно было хватить на две недели. Все счета за коммунальные услуги оплачены. Бассама не нужно было уговаривать делать домашнее задание, у него были книги и друзья, чтобы занять его. Университетский городок был безопасным местом, а мои коллеги и соседи помогут ему в случае необходимости.

Я взял сумку и ушел. Сел на поезд до гор. Что я там делал — неважно, занимался обычными туристическими делами: жил в отеле, осматривал достопримечательности, пробовал местную кухню, гулял, читал, спал. Теперь все это как в тумане. Я вернулся через неделю. Бассам был рад меня видеть, хоть и не показывал лишних эмо-

ций. Я тоже был рад его видеть, но мне хотелось снова уехать.

Однажды я видел, как за женщиной гнался рой пчел. Она проходила под деревом, на ветвях которого висели огромные ульи, и какие-то озорные соседские мальчишки бросали в них камнями. Бедная, ничего не подозревающая женщина шла под деревом с охапкой дров на голове, когда насекомые напали на нее из незаслуженной мести. Она уронила дрова и бросилась бежать что есть силы. Пчелы облепили ее в считаные секунды, и она, должно быть, была ужалена несколько сотен раз. Жгучая боль наверняка была невыносимой, но она продолжала бежать. Не думаю, что это облегчило боль. Инстинкт самосохранения связан со страхом боли. Вы бежите и бежите. И боль вместе с вами, но ваши ноги заняты, так что у вас есть оправдание, чтобы не смотреть ей в лицо. Чтобы помочь женщине, пришлось повалить ее на землю. На нее набросили большие джутовые мешки, пропитанные водой, чтобы отогнать пчел, прежде чем оказать ей помощь. Но даже тогда она продолжала кататься по земле и не могла перестать двигаться. Кажется, я знаю, почему я вспомнил о ней тогда.

В начале того месяца меня пригласили на се-

минар в один из зарубежных университетов. Я согласился, хотя раньше отказывался от любых подобных предложений. Вскоре после возвращения я уехал на конференцию в другую страну. Семинары, конференции, мастер-классы и встречи следовали одни за другими. Кроме всего прочего, меня стали приглашать в комиссии для защит научных диссертаций. Как высокоуважаемый ученый-ботаник, я мог получать гранты, стипендии и участвовать в резиденциях. Если это не удавалось сделать официально, я брал отпуск и отправлялся путешествовать.

Любая страна, где есть хоть какое-то подобие университета, могла стать потенциальным местом назначения. Я приезжал домой, только чтобы постирать вещи перед следующей поездкой. Джетлаг гармонично сочетался с моей бессонницей, и отдых в пути казался мне достаточным. В самолетах я спал даже лучше: возможно, за последние несколько лет ничто не убаюкивало меня так, как осознание того, что я нахожусь среди десятков людей, которые сидят лицом в одну сторону, мчатся с той же скоростью по небу к тому же пункту назначения, что и я, и чьи жизни, как и моя, в течение следующих нескольких часов будут находиться в руках двух или трех избран-

ных людей. Мне нравилось отдаваться на волю судьбы. Находиться в воздухе было все равно что быть прижатым к земле мокрыми джутовыми мешками, которые отпугивали вцепившихся в меня пчел. Я бежал с ритмом, бьющимся в ушах, как будто это был чей-то секрет или коварная ложь: «У — ко — ро — ля — у — ши — ос — ла». Я бежал и бежал по всем возможным континентам, по разным местам, пока жжение от укусов пчел не стало ощущаться меньше.

Когда я наконец вернулся, утомившийся от путешествий, обожженный солнцем или обмороженный, Бассам повзрослел. Он превратился в красивого двадцатилетнего парня, который напоминал моего отца. Бассам поступил в университет, изучал внешнюю политику или что-то в этом роде. Я смутно помнил, как во время одного из моих возвращений домой улаживал формальности, связанные с его поступлением. Он относился ко мне как к старому приятелю. И хотя наши отношения превратились в нечто совершенно иное, мне не казалось странной идеей снова вместе жить. Мы вошли в будничный ритм. По утрам мы вместе завтракали, после чего каждый из нас отправлялся в свой университет, беря с собой обед в ланч-боксе. Вечером мы сно-

ва встречались за ужином. Мы разговаривали, когда нам хотелось, но в остальное время могли спокойно сидеть в полной тишине, не обменявшись и словом. Мы пользовались одним и тем же лосьоном для бритья.

Однажды Бассам принес домой котенка. Крошечного трехцветного котенка. Он еще даже не открыл глаза. Сын сказал, что он родился в доме его друга и был самым маленьким и слабым из помета, поэтому кошка мать пыталась его съесть. Его друг помешал этому, но, когда он положил котенка к остальным братьям и сестрам, кошке это не понравилось. Поскольку он опасался, что она съест его, если оставить их без присмотра, то отдал котенка на воспитание Бассаму. Я отнесся к этому без особого восторга. Он был слишком мал, чтобы выжить без матери.

— Ты уверен, *anna*? — спросил он, вскинув одну бровь. Я почувствовал себя полнейшим дураком. И что-то зашевелилось внутри при воспоминании о моем прошлом питомце — Бассам был зачат в день, когда тот умер.

— Не знаю, девочка это или мальчик, — сказал Бассам, протягивая мне котенка.

— Девочка, — ответил я, взяв животное в ладошку, даже не пытаясь перевернуть его на спину,

чтобы проверить.

— Откуда ты знаешь? — Бассам нахмурился.

— Она трехцветная. Только самки бывают трехцветными.

— И что?

— Только в *X*-хромосоме может находиться локус гена оранжевого цвета. В *Y*-хромосоме его быть не может. Необходимы обе *X*-хромосомы: одна с оранжевым цветом, другая без, — чтобы проявился такой окрас. Правда, я узнал это из «Википедии», — сказал я, стараясь скромно скрыть свое удовольствие от восхищенного взгляда сына.

* * *

Мы вместе ухаживали за котенком. Я нашел старую электрическую грелку, которую моя покойная жена использовала для снятия менструальных болей. К моему удивлению и радости, она все еще работала. Мы положили котенка на нее, завернув во флисовое одеяло, чтобы ему было тепло. В зоомагазине мы купили смесь для котят и бутылочку с крошечной соской, которая помещалась в его рот, и по очереди кормили его. Бассам зажимал между пальцами старое полотенце и нежно гладил им котенка по животику, чтобы

тот пописал. Мы чистили его лоток каждый раз, когда он в него ходил. Мы постоянно держали его в теплом и сухом месте, и котенок выжил.

У кошечки был очень необычный окрас. В основном она была бело-оранжевой, лишь с несколькими небольшими черными пятнами у хвоста, под глазами у нее были два очень отчетливых черных полумесяца — как у ребенка, который подвел глаза, чтобы быть похожим на маму. «Она похожа на тебя», — дразнил меня Бассам и назвал ее Бессонницей. Когда Бессонница достаточно подросла, чтобы есть твердую пищу, ветеринар посоветовал кормить ее натуральной едой и не покупать специальный корм в магазине. Сухой корм можно давать в экстренных случаях или время от времени в качестве лакомства, но постоянное кормление им может привести к проблемам с почками в старости. Нам посоветовали кормить ее рыбой и избегать молочных продуктов. Это поставило меня в затруднительное положение: я всю жизнь был вегетарианцем. Когда я жил с женой, то ел невегетарианскую пищу, но после ее смерти вернулся к вегетарианству. Бассама я тоже воспитывал как вегетарианца. Я совсем не разбирался в рыбе. Но Бассам, казалось, точно знал, что нужно делать.

Этот мальчик не переставал меня удивлять.

Мы отправились на рыбный рынок. Это был большой сарай с длинными цементными прилавками, на которых люди выкладывали свои товары, зазывая покупателей пронзительными криками. Пол был мокрым, а воздух — тяжелым от запаха рыбы и стоящего гвалта. Вокруг сновали кошки всех мастей в поисках быстрого перекуса. Здесь я чувствовал себя потерянным и просто следовал за Бассамом, который вел меня мимо рядов. Он стал в конце очереди перед прилавком какой-то женщины.

Ее товары казались ничем не примечательными — рыба разных сортов, как и у всех остальных. Но в самой женщине было что-то странное. Она выделялась на фоне остальных. В то время как большинство торговок были крупными, одетыми в дешевые сари до колен, с завязанными в пучок волосами, украшенными цветами, эту женщину отличали худоба и высокий рост, а также одежда: поношенная и выцветшая, но прекрасно сидящая курта кхаади и джинсы. Ее распущенные длинные волосы, хотя и засаленные, еще были не совсем запущенными. На носу у нее сидели круглые очки. Она говорила по-английски, и, хотя выглядела на несколько лет моложе меня,

было сложно определить, на сколько именно. Я подумал, не оказалась ли она тут как участница какого-нибудь реалити-шоу, где рыба всего лишь приманка, не выскочит ли кто-нибудь, если мы купим ее у нее, и не закричит ли, что нас разыграли, и теперь мы появимся в каком-нибудь глупом шоу, которое никто не смотрит. Но, судя по тому, как она общалась с коллегами и покупателями, она ничем себя не выдавала. Если не считать ее внешности, то самым необычным в ней был специфический запах тела. Люди, работающие с рыбой, не очень-то приятно пахнут. Да и в целом на рыбном рынке нелегко различить отдельные запахи. Но ее запах висел вокруг нее густой пеленой. Я не мог определить его. Он напоминал мне что-то вязкое и неприятное, как забродившее тесто, забытое на несколько недель. Это был далеко не самый приятный запах. Из вежливости я сдерживал позывы к рвоте. Спросив о кусочках макрели, леща и скумбрии, Бассам купил у нее горсть сардин. Даже если она и была разочарована или раздражена этим, то никак не показала этого своим видом. Я в стороне наблюдал за их обменом. Я знаю, что мой сын — вежливый молодой человек, но к ней он относился почти как к королевской особе. И в этом было что-то странно

нежное. Когда мы шли обратно, я спросил его об этом. Он лишь пожал плечами, и я оставил все дальнейшие вопросы.

Каждую неделю мы покупали рыбу у одной и той же женщины. Поначалу мы ходили вместе, потом сын перестал приходить, и рыбу стал покупать я один. Через месяц я узнал ее имя и то, что у нее было несколько лет школьного образования. А также то, что она переехала в этот район пару лет назад. Примерно через полгода Мина проболталась, что не моется. Я не знал, как на это реагировать, и удивил сам себя, заверив ее, что не возражаю. Она безмолвно посмотрела на меня — выражение ее лица не изменилось. Еще через месяц она спросила, есть ли у меня черная гадюка. Змея? Что? Мне потребовалась минута, чтобы вспомнить псевдоисторический ситком Би-би-си 80-х годов. Откуда она его знает? Она сказала, что видела его в доме своих дяди и тети. Этим она заинтриговала меня еще больше. Я сказал ей, что, если она хочет, я могу скачать его.

На следующих выходных вечером Мина пришла к нам в гости. На ее лице не было ни тени смущения. Бассам был очень рад ее визиту и приготовил салат из нута с помидорами, луком и кинзой, заправленный лимоном и перцем,

чтобы мы могли перекусить во время просмотра сериала. Я сидел напротив нее, стараясь не вдыхать глубоко. Но, несмотря на ее вонь, меня тянуло к ней.

Однажды, когда мы с Бассамом сидели за завтраком и потягивали черный кофе, он вдруг поднял голову от своей книги и сказал:

— Тебе нужно снова жениться.

— Не говори глупостей. Она ни за что не согласится, — ответил я, не отрываясь от планшета. И тут же осознал, что́ только что сказал, и поднял взгляд. Бассам, скрестив руки на груди и наклонив голову набок, улыбался, смотря мне в глаза.

— Я хотел сказать… ладно. — Пока я бормотал, он зашелся смехом.

— Думаю, она согласится, — произнес он и ушел в университет.

В этот вечер Мина пришла без предупреждения. Бассам гостил у друга, и я не знал, что говорить. Я пригласил ее в дом и налил чашку чая. Она спросила, можно ли принять душ. Я показал ей ванную и принес полотенце. После смерти жены я не думал о женщинах. Я был отцом на полную ставку и разъезжающим по разным странам ученым, хроническим полуночником в бегах — бежал и бежал от неизвестного противника,

не останавливаясь, чтобы посмотреть, кто или что это. Вероятно, я оставался бессознательно преданным своей покойной жене, считая любые интимные связи изменой ее памяти.

Пока Мина была в ванной, я предупредил Бассама, что она у нас.

«*Anna*, вода омоет, вода исцелит. *Амма* все поймет», — ответил он. Затем пришло еще одно сообщение, в котором сын написал, что его не будет до вечера следующего дня.

Мина вышла из ванной через три четверти часа, завернувшись в полотенце, которое я ей дал. На плечи свисали мокрые волосы. Кожа была розовой от мытья. Она застенчиво улыбнулась мне и последовала за мной в спальню. Ее характерный запах словно полностью смылся, оставив после себя самые соблазнительные ароматы. Он утратил нотки плесени и брожения — вместо них появился свежий успокаивающий мускусный оттенок. Я обнял ее, и мне сразу же вспомнились глубокие темные кухни в старых глинобитных домах, свежевыстиранное белье, дровяные печки, ряды и ряды склянок с травами и семенами, расставленных на низких полках, *досы*, шипящие на чугунных сковородках, лимонные деревья на заднем дворе. Она пахла, словно духи из ласк и

слез радости.

Мы легли на кровать, и в ее объятиях я мгновенно заснул. На следующее утро мне казалось, что я проспал много лет. Я чувствовал себя наполненным. Это чувство, хотя и смутно знакомое, я не испытывал уже целую вечность. Положив руку мне на плечо, она охраняла мой сон и улыбалась. Мы занимались любовью. Хотя у нас с моей покойной женой бывали сладострастные моменты в постели, с Миной все было по-другому. Она точно знала, чего хочет и как это получить. Она направляла меня, двигала и управляла моим телом с поразительной легкостью. Я многое забыл и с облегчением позволил ей руководить собой. Когда мы закончили, я заплакал: на меня нахлынуло столько забытых ощущений. Я не плакал и не спал глубоким сном с того дня, как родился Бассам. Казалось, я оттаял.

В моей голове крутился миллион вопросов к ней. Откуда она родом? Кто ее семья? Где она жила? Почему она пришла ко мне? Но каким-то образом эти вопросы словно испарились, как бессонные густые облака, и я почувствовал, что избавился от своего любопытства. Потом она сама начала рассказывать, что на самом деле ее зовут не Мина. В университетском городке

произошла целая череда смен имен примерно в то время, когда появился факультет астрологии. Наша домработница Чандби, например, стала называть себя Чандрамма, и ее очень задевало, если к ней обращались иначе. Я не хотел ставить Мину в неловкое положение вопросом о ее настоящем имени. Вместо этого я спросил ее, могу ли я продолжать называть ее Миной, и она ответила «да». Я оставил все как есть.

Когда Бассам вернулся домой, мы с Миной на диване пересматривали эпизоды «Черной гадюки» и пили чай. Он вошел, широко улыбаясь, и подмигнул мне. Я залился краской.

Мина с теплотой посмотрела на него и сказала:

— Я не хочу снова потерять дом.

Я не понимал, о чем она. Но Бассам заверил ее, что с ней это больше не случится.

— А как же ты? Ты ведь тоже хочешь обрести дом? — спросила она.

— Не беспокойся обо мне. У меня другие планы, — ответил он.

Я ничего не понял, но и не пытался этого сделать. Бассам уехал за границу учиться в магистратуре. Мина и я уже год, как женаты. От моей бессонницы не осталось и следа, и кошку мы стерилизовали.

Я купил участок земли под строительство дома. Он находится рядом с пятидесятиакровым ашрамом гуру Девятипалого Нараяна. Идеальное место. Достаточно далеко от города, его шума и пыли и не настолько далеко, чтобы мы не могли пользоваться его удобствами. Богочеловек[39] позаботился о том, чтобы здесь были деревья и зелень, а благодаря его последователям из списка влиятельных лиц в администрации это место никогда не будет испытывать недостатка в городском комфорте. Дорога, ведущая сюда, была построена и обслуживается по специальному заказу в рамках проекта «Асфальтовый алмаз». Водоснабжение безупречно, электричество не отключают, а интернет работает быстрее, чем где бы то ни было. Мягко говоря, гуру новой эпохи с идеальным английским и привлекательной внешностью пользуется большой популярностью у молодого поколения профессионалов и предпринимателей. Он читает проповеди обо всем на свете — о социальном, культурном или духовном — в спокойной невычурной манере. Его теория нравственного стремления к удовольствию как пути к самореализации ежедневно привлекает

[39] Примечания: 39
В Индии так называют духовного наставника.

тысячи последователей со всего мира. У них нет другого выбора, как быть порядочными людьми, и я не беспокоюсь о громких песнопениях или горах мусора.

Однажды я рискнул заглянуть на одну из его проповедей, чисто из любопытства, и ученики-волонтеры проводили меня внутрь с самыми вежливыми улыбками. Он говорил что-то об эффекте противопоставляемых пальцев как о физическом проявлении космических возможностей человеческого разума и о том, что мы ограничены в достижении шуньяты [40], если концентрируемся исключительно на материальном. Он призывал своих последователей выйти за пределы своего «я» и стремиться к единению души с центром Вселенной — он утверждал, что по божественному указанию отрезал себе один большой палец в качестве доказательства этой теории. Его безмятежное спокойствие действительно казалось образцом предельной удовлетворенности. Для достижения этого он советовал свою технику медитации «без пальца», и все заливались слезами просветления. Меня совершенно не интересовала вся эта демагогия,

[40] Примечания: 40
Абсолютной пустоты.

но Мине понравился ассортимент «целебных» ароматических свечей в магазине *ашрама* — особенно большие под названием «Свежее белье».

Мина хочет дом из глинобитного кирпича с центральным двориком и большой ванной комнатой с голубой ванной. Я хочу, чтобы у нее было то, что она хочет. Иногда я задаюсь вопросом, какой в этом смысл. Но я просто улыбаюсь и засыпаю.

R.I.P

Мир и покой — для живых.
Обрети покой, пока можешь.
Что, если за гранью жизни — все то же самое и даже больше?
Поспи сегодня.

Она не планировала идти пешком в обе стороны. Хотя в Кумили не бывает жарко даже в самый разгар лета, но пройти двенадцать километров — шесть из которых в гору — было утомительно.

Поначалу Сильвия радовалась, что ее хозяйка и учительница оказалась немногословной женщиной, которая не станет принуждать ее к разговору и рассказывать о себе, но за два месяца, которые она провела здесь в качестве ученицы, ее стало раздражать постоянное молчание в ее новой жизни. С момента последнего расставания год назад она столкнулась с ошеломляющим писательским блоком, который не удавалось преодолеть. По словам ее психотерапевта, первопричиной разрыва стала профессиональная ревность, и Сильвия никак не могла осознать ее глубину. Кроме того, она переживала, что эсцита-

лопрам и арипипразол, которые она принимала последние пару лет, помогли ей справиться с перепадами настроения, но создали трещины в ее сознании, перекрывшие скважины ее воображения. Сильвия ничего не любила, ничего не ненавидела, и ее мысли не выходили за пределы прошлого и настоящего.

Тогда она решила поэкспериментировать с другими способами самовыражения, которые, возможно, помогли бы ей вновь обрести свой голос. Она обратилась к знаменитой художнице, имевшей репутацию затворницы, но та категорически отказалась, заявив, что искусству нельзя научить. Сильвия упорствовала до тех пор, пока женщина не сдалась и не разрешила ей наблюдать за работой, но при условии, что та не произнесет ни слова, пока она будет рисовать. Сильвия могла жить в свободной комнате в большом, довольно запущенном бунгало и готовить себе еду. Художница комментировала работы Сильвии только тогда, когда ей хотелось, и это случалось нечасто.

Однажды она прекратила прием лекарств, не проконсультировавшись с врачом. Пришла оттепель. В виде ярких химерических снов; в виде приступов рыданий, длившихся часами;

в виде гнетущих головных болей, требовавших неподвижно свернуться калачиком и лежать с закрытыми глазами. Но в дни, когда головные боли стихали, Сильвия отправлялась на поиски интересных образов обыденной кумилианской жизни — которая не сильно отличалась от жизни в высокогорье Керала, — чтобы придумать об этом каламбур или написать язвительный пост. Она публиковала их в «Фейсбуке»[41], и восхищенные комментарии поднимали ей настроение. Однажды, проезжая мимо в машине, она заметила любопытную вывеску магазина. «Хиджаб Аттар Души», — гласила надпись. Она знала, что неправильно написанные слова — «души» вместо «духи» — могут стать забавным постом, но не могла сделать фотографию из авторикши и решила вернуться сюда пешком утром.

Но на следующий день она забыла точное местоположение магазина и прошла весь путь до автобусной остановки, так и не найдя его. Все это время она прокручивала в голове текст поста. Она даже уже фантазировала, кто из ее друзей мог бы довольно смешно ответить на него. Когда

---

[41] Примечания: 41

Деятельность Meta Platforms, Inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

она поняла, что, скорее всего, прошла мимо этого места, не заметив его, она решила вернуться пешком, а не брать авторикшу, как планировала. К ее ужасу, магазин оказался прямо на углу, всего в пяти минутах ходьбы от ее дома. Она не заметила его, когда проходила мимо, потому что перед ним стоял грузовик.

Домой она вернулась вспотевшая и уставшая и направилась прямиком в свою комнату. Ее наставница должна была наносить первые мазки на новую картину. Учиться было нечему, да и вообще это все меньше и меньше имело смысл. Стоило ей остановиться, как холодный воздух высушил ее пот и ее охватил озноб. Она накинула на плечи шаль и села за ноутбук. Быстро обрезав изображение на вывеске магазина и сделав акцент на названии, она замазала номер телефона на ней, отрегулировала насыщенность и контрастность цвета и разместила фотографию с подписью, которую она готовила весь день. Она устроилась поудобней в ожидании комментариев, как вдруг пришло сообщение в мессенджере. У подруги умер отец.

Они давно не общались, но она нравилась Сильвии. Почему она позволила этому чертову Суджиту так с ней обращаться? Сильвия часто

задавалась этим вопросом, но ничего ей не говорила. (Отношения — это так чертовски сложно, да… Кто я, черт возьми, такая, чтобы осуждать кого-то за то, что они поступают иначе? Я и сама не особо преуспела в том, чтобы любить или быть любимой.) Ей захотелось связаться с ней. Она открыла почтовый ящик и начала печатать. «Дорогая», — начала она и остановилась. После публикации поста она чувствовала себя творчески истощенной и не знала, что написать в письме вместо формальных слов поддержки. Она попробовала поставить себя на место подруги. Как бы она сама отреагировала, если бы получила письмо с соболезнованиями по поводу смерти отца? «Спасибо. Мы не были близки», — ответила бы она. Дело было не только в отсутствии близости — даже та ярость, которую она испытывала к нему поначалу, сгорела и оставила после себя безразличие и пустоту. Она уже давно смирилась с отсутствием отца. Вот почему ее вежливый отказ от попыток плачущего старика помириться был таким безжалостным. «Мы не были близки», — даже такой ответ был бы излишним.

Она захлопнула ноутбук, достала из кармана телефон и написала сообщение подруге: «Привет, даже не могу представить, через что ты сейчас

проходишь. Действительно не могу. Но если ты захочешь, я буду рада поговорить». Она удалила последние четыре слова: «рада» — это не то слово, которое следует употреблять по такому мрачному поводу. «Я могу послушать, — напечатала она. — Я вернусь через пару дней. Дай мне знать, если захочешь заглянуть ко мне. Выпьем пиво, и я что-нибудь приготовлю». Она нажала кнопку «Отправить» и улеглась на кровать. Она вдруг почувствовала сильную тоску по дому.

Возможно, мне стоит вернуться к одной из моих многочисленных незаконченных работ. Может быть, это поможет преодолеть блок, пришло ей на ум. Как раз в этот момент позвонил ее агент. Она попросила его не беспокоить, если только речь не идет о чем-то очень срочном.

— Сильвия! Мне звонил один человек и спрашивал о вас. Он нашел на моем сайте, что я представляю ваши интересы. Этот придурок не переставал настаивать на том, чтобы связаться с вами. Говорил что-то о мемуарах. У него было смешное имя… Кожетан, что ли…

— Каджетан? Надеюсь, вы сохранили его номер?

С тех пор как маме поставили диагноз «гипотиреоз», она каждый год проверяла щитовидную

железу. Но все всегда было в норме. Все было в норме. Однако в тот вечер она устроила себе праздничный ужин. Она съела три картофельные лепешки алу паратхи, пропитанные маслом, с чатни из тамаринда и пальмового сахара, приправленные красным чили и кумином, и салат из жареной курицы с голландским соусом. Она съела шарик мороженого с куском сливового пирога, оставшегося с завтрака, и пообещала себе, что на следующей неделе сядет на диету. Она выключила свет, зажгла красную столовую свечу и налила себе бокал десертного вина, которое спрятала в прошлый раз, когда бросила пить. Она выпила остаток прямо из бутылки и приняла арипипразол. Засыпая, она улыбалась сама себе. На следующий день она отправится домой.

Словарь

Слово/ фраза	Язык	Перевод/ комментарий
Аан-де… соб харам хоран-ку маар'к сата-тун! (Aan-de… sob haram khoran-ku maar'k sata-toon!)	Дакхни	Пусть только придут… ублюдки! Я их убью!
Аббу (abbu)	Урду	Отец
Аво бхабхи, кия хона? (Awo bhabhi, kya hona?)	Дакхни	Иди сюда, невестка. Что тебе сегодня?
Акка (akka)	Каннада	Старшая сестра
Акчан (acchan)	Малаялам	Отец
Амма (amma)	Все южноиндийские языки	Мать
Амчем (amchem)	Конкани	Наш
Анна (anna)	Каннада	Старший брат
Appa (appa)	Каннада, тамильский	Отец
Арадхани (aradhani)	Каннада	Обряд поклонения правящему божеству
Арамкор сулемагале! (Aramkor soolemagale!)	Каннада	Внебрачная дочь проститутки!

Ачарья (acharya)	Санскрит	Священник-брахман
Бамон (bamon)	Конкани, вариация языка брахманов	Самое высокое из четырех варн, сословий хинди социального уклада в Индии
Биди (beedi)	Встречается в большинстве языков Индии	Самокрутка в сельских районах
Бурджи (burji)	Хинди	Острая яичница-болтунья
Бхаратия (bharatiya)	Встречается во всех языках Индии	Индиец
Вибхути (vibhuti)	Каннада	Священный пепел
Гудже гаси (gujje gasi)	Тулу	Карри с джекфрутом
Гутка (gutka)	Хинди	Жевательный табак, продающийся в мешочках
Додда хунасемара (dodda hunasemara)	Каннада	Огромное дерево тамаринда
Доса (dosa)	—	Блинчик из рисовой муки
Доче де грао (doce de grao)	Португальский	Гоанская сладость из нута и сахара
Дхаба (dhaba)	Хинди	Придорожное кафе

Кафир (kafir)	Арабский	Человек, не верящий в принципы ислама (также расистское обозначение чернокожего населения Африки)
Кон туме? Кон каря? Кявн? Ран-део джао туме… джао… Джате-ки-най? Джате ки НАЙ? Кя хона тумна? (Kon tume? Kon karya? Kyawn? Ran-deo jao tume… jao… jate-ki-nai? Jate ki NAI? Kya hona tumna?)	Дакхни	Кто ты? Кто сделал это? Отпусти. Уходи. Ты уйдешь или нет? Что тебе нужно от нас?
Лунги (lungi)	Каннада	Одежда, похожая на саронг, оборачивается вокруг талии и доходит до лодыжек
Матха (matha)	Каннада	Монастырь для отдельных каст
Моле (mole)	Малаялам	Дочь
Мудде (mudde)	Каннада	Вареники из муки могара
Ним ункуль (nim unkul)	Каннада	Ваш дядя
Одхани (odhani)	Хинди	Длинный шарф или накидка, носится на плечах

Пай (pai)	Португальский	Отец
Пакка (pakka)	Хинди	Надежный, крепкий
Панчаят (panchayat)	Встречается в большинстве языков Индии	Сельский совет
Пао (pao)	Португальский	Хлеб
Пау, пои (pau, poies)	Конкани	Вид дрожжевого хлеба, продается подерами
Подер (poder)	Конкани	Пекарь или продавец хлеба
Правази (pravasi)	Каннада	Путешественник, также переводится как иммигрант
Пуджа (pooja)	В большинстве языков Индии	Церемония поклонения
Рааги (raagi)	Каннада	Могар (злаковое растение)
Саару (saaru)	Каннада	Жидкий суп, подается с мудде или рисом
Сальвар (salwar)	Урду	Свободные брюки на завязках
Сопо (sopo)	Конкани	Каменное сиденье, типичный элемент веранд традиционных гоанских домов
Судир (sudir)	Конкани	Вариация шудры, низшая каста

Танги (tangi)	Каннада	Младшая сестра (ласковое обращение, иногда родители так называют своих дочерей)
Тиатр (tiatr)	Конкани	Португальское слово «театр». Популярное музыкальное представление в штате Гоа
Тхарки (tharki)	Каннада	Полотенца, видоизмененное прилагательное «турецкий». Этот звук принято считать назойливым
Шанти (santi)	Каннада	Еженедельный рынок
Энни-ма? (Enni-ma?)	Тамильский	Да, дорогуша?
Яар (yaar)	Хинди	Обращение к другу
-джи (-ji)	Хинди	Уважительный суффикс
-ри (-файлri)	Каннада	Уважительный суффикс

Персонажи

Сильвия Перейра — молодая писательница.

Каджетан Перейра (Бхаубааб) — дядя Сильвии.

Лакшминараян Шетти (Лакшми) — сосед Бхаубааба.

Антонио (Антон) — брат Каджетана.

Профессор Праджапати (Пати-па) — преподаватель в университете, биологический отец Суджита.

Сантош — сын Пати-па.

Бхагирати — студентка Пати-па и позднее невестка, коллега Сильвии на недолгий период.

Бассам — сын Сантоша и Бхагирати.

Ганди-тата — костоправ, к которому обращается один из мужей Сильвии.

Суджит Джейкоб Каниямпарабил (Джуджу) — друг детства Сильвии.

Шайла Хирематх — жена Суджита.

Рукмини Кулкарни (Рукку) — дочь хозяев деревенской квартиры Шайлы и Суджита.

Пинджаар Пакираппа — поставщик карри с бараниной для Рукку.

Решма — подруга детства Сильвии, позднее

возлюбленная Сантоша.

Вина Натараджан и Джейкоб Каниямпарабил — родители Суджита и работодатели матери Решмы.

А. Р. — начинающий писатель, поклонник Сильвии и ее знакомый по переписке.

Безымянный мужчина, страдающий от сотрясения мозга, который встречается Бхаубаабу на пути.

Девятипалый Нараяна — Лакшми в последующей жизни.